

Бурибай АХМЕДОВ

УЛУГБЕК

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Перевод с узбекского

Мирзы САЛИЕВА

Ташкент
«КАМАЛАК»

1994

А 95 АХМЕДОВ, БУРИБАЙ,
Улугбек: Ист. повесть / Пер. с узб. М. Салиева.— Т.: Камалак, 1994.—208 с.

Автор повествования, доктор исторических наук Бурибай Ахмедов увлекательно рассказывает о жизни и многогранной деятельности выдающегося ученого-астронома, историка-просветителя XV века Мирзо Улугбека, оставившего заметный след в истории науки и культуры народов Средней Азии. Его жизнь и труды пронизаны любовью к человеку, природе, полны восхищения тайнами бытия, красотой научных исследований и призывают подрастающее поколение к трудолюбию, знанию, свету. Становление личности Улугбека показано в широком историческом контексте. Книга посвящается 600-летию юбилею со дня рождения Улугбека.

На узбекском языке книга была выпущена в серии «Жизнь замечательных людей» в издательстве «Ёш гвардия» в 1989 г. В конце книги дан краткий пояснительный словарь.

ББК 72.3

4702620201 — 3
А $\frac{\quad}{356 (04) — 94}$ 3 — 94

ISBN 5 — 633 — 00749 — 2

© Б. Ахмедов, «Ёш гвардия» (на узб. яз.), 1989.

© М. Салиев (перевод), 1994.

© Х. Зиехонов (оформл.), 1994.

ДЕТСТВО, ПОЛНОЕ ТРЕВОГ

Крепость Мардин, ничем не примечательная, вдруг стала знаменитой на весь край...

Уж который день многотысячное войско великого Тимура пыталось взять ее штурмом, одолеть стены и ворваться в город. Но все напрасно. Отвага защитников крепости настораживала Тимура, но его военачальники трепетали, стараясь не выдавать тревоги и озабоченности за дальнейший ход битвы за крепость, оказавшейся, к их удивлению, крепким орешком. Наиболее прозорливые из окружения полководца, успевшие узнать нрав Тимура, чувствовали себя в чем-то виноватыми перед своим повелителем, проницательности которого в глубине души страшился каждый. А ведь он всего только был тих и молчалив более обычного, вежлив и едва заметно надменен. Последнее могли уловить только самые чуткие и опытные военачальники.

Тимура обуял гнев, которого они опасались. И мучились в догадках. Ведь сколь критичной ни была ситуация, великий эмир умел выслушать, вникнуть и посчитаться. Последнее же надо было заслужить. Оплотности, нерадивости и лени он не прощал никому, не говоря уж о том, что тугодумы и бесталанные не имели никакого шанса попасть в окружение Тимура. Каждый из военачальников ради права командовать вверенной частью войска и оставаться в узком кругу ближайших соратников, во избежание наказания, подчас сурового, обязан был понимать Тимура, на что, кроме ума, требовался не только полководческий дар. Тем не менее на военных совещаниях, созываемых великим завоевателем, редко кто мог проникнуть до конца

в замыслы Тимура, просчитывавшего намного вперед наиболее вероятные из всех возможных ходов.

И открывалось, что не согласиться с ним невозможно, ибо выводы Тимура, как правило, были столь верны, что, казалось, не он, а те, кого он внимательно выслушал, сами пришли к такому решению. А их полководец всего только разделил их мысли. И от этого они начинали чувствовать себя умнее, чем были на самом деле.

Это чувство личной значимости, приподнимавшее их в собственных глазах, по сути, дарил им Тимур из сокровищницы своего ума, дара предвидения. Благодарные, они охотно соглашались с ним и повиновались. В этом, пожалуй, был один из секретов сплочения воинства вокруг своего полководца и повелителя.

... И вот сей прославленный властелин, сокрушавший государство, не мог одолеть обычную, ничем не примечательную крепость Мардин. Было от чего прийти в ярость. Но великий Тимур был внешне невозмутим, и разве только более обычного тих, сосредоточен и надменен, что было знаком недовольства.

Значит, его полководцы, осадившие крепость со всех сторон, в чем-то не понимали своего властелина, а если и понимали, недостаточно прониклись его волей — целеустремленной, подчиняющей, все сметающей. И вот итог — все еще не могли взять крепость и потому чувствовали себя виноватыми перед вождем.

Пожалуй, Тимур был несколько обескуражен. Оказывается, не все можно предвидеть. А ведь он был мудр и отлично сознавал, что война есть война и крепости редко сдаются без боя. И потому, уважая отважных, он не всегда был жесток с поверженным врагом. Случалось, ограничивался данью, откупом и наказанием, подчас суровому, но не всеобщему истреблению — катли-ом, как это было в обычае большинства завоевателей той эпохи. Мера эта для него была крайняя, Тимур прибегал к ней редко. Прибегал, чтобы поддержать в глазах мира господствующую нравственность, убежденность, что беспощадность, жестокость — есть мера не только пресечения силы врага, но и устрашения, принуждения к повиновению и недопущения куда больших жертв и жестокостей. Он обладал той несокрушимой волей, железным характером и редкой пронизательностью, которые позволяли ему сохранять мир и порядок на огромных пространствах, насаждая жестокую нравственность эпохи и большей последовательностью и масштабностью, чем другие завоеватели. И вот теперь

предстояло взять упрямую крепость штурмом, а ее защитников подвергнуть поголовному уничтожению. Такова была воля Тимура. И чтобы осуществить ее успешнее и быстрее, он отправил гонцов к своему сыну Умаршейху, находившемуся в это время со своим войском в Фарсе, передав приказ поскорее выступить к крепости Мардин. Ведь тогда можно будет штурмовать крепость одновременно со всех сторон...

Едва успели гонцы отправиться в путь, как эмир Иса, вождь осажденных в крепости, уже знал о новом замысле Тимура. Доносчики Исы работали усердно. Вслед за гонцами Тимура отправились и его гонцы—оповестить явных и тайных союзников, удельных беков и князей в малых и больших крепостях, разбросанных среди гор, чтобы они поспешили построить козни против войска Умаршейха по пути его продвижения в сторону крепости Мардин, а если удастся, то и помочь избавиться от него—ядом ли, стрелой ли... Оповестили и о внешности Умаршейха, дабы стрелок, коего ожидало немалое вознаграждение, выслеживал сына Тимура, не зная устал, зорко и упорно...

Тимур не был бы Тимуром, если бы не смог предвидеть действий эмира Исы. Поэтому он в свою очередь позаботился и о засадах, догадываясь о том, что эта его хитрость также будет разгадана эмиром Исой. Удача сопутствует тому, кто умеет предвидеть если не все, то уж во всяком случае больше своего врага, ведь в любое дело может вмешаться случай—как благоприятный, так и несчастливый.

И потому как ни надеялся он на войско Умаршейха, тем не менее допускал, что на решающий штурм придется идти только своими силами. А пока же, не давая врагу передышки, надо было продолжать осаду. Ведь тот же случай мог помочь прорвать где-то оборону противника. Лишь бы отвоевать на стенах крепости маленький клочок и схватиться в рукопашной. Перед яростью воинов, как бы многочисленны ни были они, пятились многократно превосходящие ополченцы противника. Даже их безграничное мужество и самоотверженность оказывались недостаточными для успешного противодействия атакующим. Тут они явно уступали воинам Тимура, специально натренированным именно для схватки на узком пространстве крепостных стен, овладевшим, в частности, приемами коротких и стремительных, сильных и неотразимых ударов, за считанные мгновения сокрушавших врага, что обычно сеяло в их стане растерянность, а то и панику. И тут вдохновленные успехом воины, воспользовавшись распространившимся смятением,

неудержимым натиском опрокидывали врага. Тогда уже лавину войска ничто не удерживало.

Воины верили в конечный успех осады и потому они, испытанные и закаленные, несмотря на свирепую стужу, наступившую с месяца раби ул-аввал 796 года хиджры (январь 1394 года), взяли в крепкие тиски крепость Мардин. Но кроме нее, в вилайете Джазира имелась еще одна укрепленная крепость—Ал-Боз (Сокол). Предстояла возможность двойной осады, что вовсе не обескураживало воинов Тимура, несмотря на то, что защитники пока успешно сдерживали их атаки, продолжавшиеся в иные дни с утра до сумерек. Сдерживали до того уверенно и успешно, что, кажется, не допускали и тени сомнения в своем явном превосходстве над полчищами напавших на них врагов. Они осыпали их с крепостных стен градом камней и стрел, чем причиняли им огромный урон, но и сами защитники крепости, против которых были использованы камнеметатели и стрелометатели, несли немалые потери.

В один из таких дней, в самый разгар яростных боев, эмиру Тимуру, наблюдавшему за сражением со скалы, возвышавшейся напротив крепости, доставили страшную весть. Его второй сын Умаршейх, спешивший на помощь со своим войском из Фарса, был поражен стрелой в узком ущелье. Желая обзреть незнакомую ему крепость Ахрамату, находившуюся по пути их продвижения, он взобрался на большую и высокую скалу. И в этот момент стрелок, затаившийся в одной из ниш крепости, взял его на точный прицел. И неотвратима была судьба...

Стрела пронзила его насмерть. Воины, тут же кинувшиеся к нему, через миг опустились на колени со скорбно склоненными головами, чем окончательно подтвердили смерть. И тут же некто, конный, будто ждавший в укрытии этого мига, пустился вскачь—к крепости Мардин. Он мчался стрелой, меняя лошадей и опережая верст на пять-шесть другого всадника, столь же стремительно скакавшего с черной вестью к Тимуру...

Эмир Иса и джахангир Тимур получили весть о смерти Умаршейха один за другим. Эмир Иса чуть раньше...

Конечно же, эта весть в каждом из лагерей была встречена по-разному, но в самый первый миг одинаково всполошила всех, и многое теперь зависело от того, кто первым из предводителей, овладев собой, примется действовать расчетливо и решительно.

Соратники эмира ликовали. Кто-то из них, не лишенный, видимо, проницательности, предложил: тут же, пока Тимур

не успел прийти в себя, устроить вылазку основными силами и на открытом месте нанести поражение противнику. Как знать, может быть именно так и следовало поступить. Ведь великие полководцы тоже простые смертные и подвержены слабостям. Весть о смерти любимого сына не могла не потрясти Тимура, сразить его сердце болью утраты... Этим надо было воспользоваться и к этому склонялось большинство собравшихся. Но неожиданно выступил против не кто-нибудь, а эмир Салих, брат эмира Исы. С ним тут же согласились несколько ближайших соратников. Эмиру оставалось только гадать, почему так поступил его брат. Ему-то было не знать, что предательство и коварство не знает границ, ни дружеских, ни родственных. Но, неуверенный в своих догадках, к тому же допускавший, что брат действует из самых благих намерений, эмир Иса вынужден был выслушать и тех, кто поддержал брата. Разгорелся спор и момент был упущен. Вот этим и воспользовался Тимур, великий знаток человеческих душ и возможных намерений врага в миг критический и решающий...

Потрясение от утраты, гораздо быстрее чем можно было ожидать, вылилось у него в действие, тем более эффективное, что не надо было тратить время для сбора военачальников, дабы объяснить им свой замысел. Дозорные Тимура, за десятки верст от крепости, менявшие гонцу коня, принесшему печальную весть и прискакавшие вместе, оповестили о происшедшем военачальников, которым сразу же стало ясно, что в сложившейся ситуации всем им надо находиться под рукой Тимура так близко, чтобы не было никакой надобности специально посылать за ними. Взаимопонимание, выработанное за долгие годы походов, битв и осад под началом Тимура, научило их такому четкому взаимодействию, дабы не терять ни одного лишнего мгновения. Так что когда он опомнился от потрясения и огляделся, военачальники уже были в сборе, рядом с его резиденцией—шатром, менявшем свое местоположение в зависимости от боевых действий.

План Тимура сводился к следующему. Эмир Иса и его приближенные могли предположить, что от постигнутого горя Тимур мог лишиться душевного равновесия, хотя бы на короткое время. В оцепенении будет и окружение. Затем же, разгневанный и разъяренный, обрушит всю силу своей ярости на осажденных—отдаст приказ взять крепость во что бы то ни стало, не считаясь ни с какими потерями. В этом своем предположении они будут правы. И этим надо воспользоваться.

Тимур прикажет воинам идти на штурм стен крепости, они же в свою очередь, будто не выдержав отпора, осыпаемые градом стрел, камней и ядер, покатаются вниз, то есть станут изображать паническое бегство, оставляя у самых стен крепости и чуть поодаль сотни якобы павших. Потом же, в подходящий момент, когда полчища противника, выманенные из крепости, ринутся в сражение— вот тогда... А к тому же, в самый нужный момент вмешается в ход сражения резервный туманот, маскирующийся до поры до времени в укромном месте, перед которым будет поставлена особая задача...

План этот мог показаться простым до примитивности, легко различимым и угадываемым, но только не в сложившихся обстоятельствах, когда противник, излишне возликовавший и обнадеженный смертью Умаршейха, слепо веруя в успех, мог допустить промах.

В кратких и точных выражениях Тимур объяснил задачу. Затем помолчал мгновение. Что ж, раз никто не возражал и никакого другого совета не последовало, начальникам туманотов и кушунотов оставалось разойтись и объяснить задачу сотенным, а тем—десятникам. До рассвета в план боя будет посвящен каждый воин. Так и произошло.

Светало. Тихо было на крепостных стенах, под стенами и далеко вокруг. Царило почти что безмолвие, изредка нарушаемое ржанием лошадей. Но вот послышался и щебет пробуждающихся птиц, невольно навевавший мысли о тихом, мирном и вечном, несовместимые с тем, что скоро должно начаться: каждый из воинов, кому-то брат, муж, отец, станет изощряться в нанесении другому, себе подобному, смертельных ударов, сам же будет пытаться вернуться от них. Но не каждому это удастся... И эта скорбная мысль не могла не беречь душу даже самого храброго воина. А между тем рассвело, и птицы, неугомонные и в зимнюю пору, уж всю верещали на земле, на крепостных стенах, в травах и кустарниках, выделявшихся от облепившего их снега только своими силуэтами.

И вдруг в какой-то миг птицы умолкли. Любой живой душе это могло показаться подозрительным, и прежде всего тем, кто, бдительно охраняя крепостные стены, стоял в их нишах, вглядываясь через сквозные отверстия в сторону противника. Но именно они, караульные, еще с вечера по едва уловимым приметам предположившие, что возможен штурм крепости, который может начаться на рассвете и доложившие об этом своим командирам, ничем не нарушили своей настроженности. Только повернувшись

вполоборота, безмолвно и предостерегающе подняли указательные пальцы, что означало: «Ни звука, быть всем наготове. Приближаются к стенам...» Вот потому и умолкли птицы.

После мгновенного потрясения, невольно испытанного защитниками крепости, все изготовились, натягивая тетивы, сжимая копья, оглядываясь то и дело на котлы с кипящей смолой.

Вот караульные, полуобернувшись, подали условный знак—приподняли пики до уровня своих голов, что означало: «Приставили лестницы, лезут».

... Как ни многоопытны были воины Тимура, тишина, царившая на крепостных стенах и теплившаяся в их душах жажда уцелеть, на какой-то миг ввела их в заблуждение. Им уж казалось, что караульные на стенах, забыв обо всем, все еще спят сладким сном. Увы, надеждам тех, кто уже вскарабкался наверх лестниц и ступил на их последние перекладины, не суждено было сбыться. Только их руки коснулись карнизов крепостных стен, в тот же миг на головы обрушились удары. Из первых воинов почти никто не уцелел. Скинув их, мертвых и полуживых, обороняющиеся пытались опрокинуть лестницы, действуя руками и приставленными к их концам бревнами и досками. Но справиться с этим было непросто, ибо лестницы крепко придерживались снизу специальными приспособлениями. К тому же воины карабкались на стены, волна за волной. На смену убитым и побитым камнями и дубинами, пронзенным стрелами и сожженным смолой, всё лезли и лезли другие. Камни и стрелы ранили их. Скоро от скопления трупов у подножия стен стало невозможно устанавливать не только лестницы, но и стенобитные приспособления.

Специально обученные команды камнеметателей, стрелометателей и ядрометателей, установленных неподалеку от крепостных стен, кажется, тоже пали, сраженные тучами стрел, летевшими с крепостных стен, иные действительно убитыми или ранеными, но больше наученные своими десятниками—падать и лежать неподвижно.

Как бы то ни было, крови вокруг хватало. Как знать, может быть защитников и опьянила эта кровь, а трупы, громоздившиеся у стен, вскружили им головы предположением, что они не только нанесли врагу огромный урон, но и сломили его дух. А такое войско легко может пуститься в бегство, стать жертвой собственного малодушия и трусости. Тут важно навязать битву, не опоздать с натиском. Обратив в бегство, затем настигать и уничтожать. А при

необходимости всегда можно повернуть назад и успеть укрыться в крепости.

Словом, искушение вырваться из крепости на простор и сразиться там с войском Тимура было так велико, что оно, в конце концов, возобладало у защитников крепости. Ведь и обстоятельства будто благоприятствовали войску эмира. Были окрылены успехом и его ближайшие советники-военачальники. И эмир Иса отдал приказ — идти в открытый бой.

Произошло то, что, видимо, должно было произойти. Отважные защитники крепости, уж не один месяц пребывавшие за ее стенами, словно в неволе и рабстве, задыхавшиеся от этого, теперь рвались на волю, на битву за крепостными стенами, и будь что будет—свобода или смерть.

Открылись ворота, и они, пешие и конные отряды эмира, рванулись наружу одновременно из всех ворот, распахнутых настежь. Тимур, наблюдавший с высокого холма за ходом сражения, переглянувшись со своими полководцами, многозначительно улыбнулся. Пока все происходило точно так, как он предвидел.

Небольшие конные отряды Тимура скакали прочь от крепости, подальше, в глубь степи—«обращались в бегство». Настигнуть их было невозможно.

Внешне спокойный и хладнокровный, Тимур внутренне волновался. Риск, на который он шел в своем замысле, благодаря тонкому расчету и согласованным действиям дисциплинированного войска, сводился к минимуму. Тут важно было не переиграть, не заходить слишком далеко, когда он сам мог оказаться оторванным от своих. И к тому же дальнейший ход сражения зависел от засадного войска. Потянулись мгновения, мучительные даже для Тимура. Упусти он нужный момент—все могло усложниться и спутаться. Но этого как раз не произошло. В долгожданный миг его конные отряды, волна за волной, начали вылетать из-за холмов. И точно гора упала с плеч Тимура. Он вздохнул с облегчением и вновь переглянулся со своими полководцами. Успешный исход был предreshен.

Полчища конных воинов Тимура, словно свалившиеся с неба, распороли наступавших на две равные части. Те, что очутились подальше от крепости, еще ни о чем не подозревая и надеясь на поддержку, продолжали «преследовать». Картину случившегося бедствия скрывали взметнувшиеся к нему тучи пыли. Когда же пыль осела и на воинов с неудержимой яростью стали накатываться лавины конных

отрядов Тимура с пиками наперевес, «преследовавшие» растерялись, не зная, то ли пробиваться к крепости, то ли скакать в глубь степи. Степь тоже была отрезана. А «обратившиеся в бегство», повернув назад, скакали уже на преследователей. Очутившиеся на воле защитники крепости были опрокинуты, смяты и захвачены в плен.

Подобное произошло и у крепостных стен. Отрезанные части войск подверглись нападению с двух сторон: новых, введенных в бой тимуровских туманотов, нагрянувших из-за холмов, и сотен «оживших» у крепостных стен, закупоривших, заткнувших собой ворота, чтобы не впускать туда и не выпускать оттуда. Крепость была обречена.

Отступившему противнику, понесшему огромный урон, все-таки удалось вновь укрыться и запереться в крепости. Но это уже не особенно беспокоило Тимура. Отныне исход осады был предрешен. Слишком много сил потеряли в открытом сражении защитники крепости.

Но несмотря на это, произошло почти невероятное — кровопролитные сражения у стен крепости и на самой крепостной стене происходили весь месяц раби ус-сони (февраль) и до половины джумада ул-аввал (март). И только после этого силы защитников иссякли окончательно. Любой последующий штурм они, возможно, и выдержали бы, но, скорее всего, перебитые до единого, открыли бы врагу путь в город. И тогда непременно был бы исполнен приказ Тимура подвергнуть население города катли-ом — всеобщему и полному уничтожению, а саму крепость сравнять с землей, как поступал он с непокорными городами.

Крепость выкинула белый флаг. Эмир Иса во имя спасения народа решил сдаться на милость Тимура, что, впрочем, еще не гарантировало снисхождения и прощения. Могло случиться все, тем более, что Тимур питал подозрения насчет истинной роли эмира Исы и его сторонников в гибели Умаршейха, хотя прямых и конкретных доказательств у него не было никаких. И тут произошло нечто непредвиденное.

В утро пятницы 17 апреля 1394 года из Султани, чертогов всемилостивой и многомудрой супруги Тимура Сарай Мульк-ханум, прискакал гонец с известием о счастливом событии, что эмирзаде Шахрух удостоился сына, а мирозавоеватель Тимур — внука. Внука, кой прославится впоследствии под именем Мирзо Улугбека!

Итак, будущий великий ученый родился в пятницу 19-го числа месяца джумада ул-аввал 796 года хиджры (22 марта 1394 года). Тимур встретил эту весть с величавой

степенностью. Щедро одарил гонца золотом и богатыми одеждами. В честь рождения внука, что считалось благим и великим событием для всего царства, властелин не учинил казнь и расправу над народом Мардина—подарил им жизнь, более того, не отдал город на разграбление воинам, что тоже было в традициях войн и походов эпохи. Но эмира Ису отстранил от власти. Вместо него назначил правителем города и вилайета его младшего брата эмира Салиха, оказавшегося ближайшим и законным престолонаследником. Тимур вручил ему ярлык с печатью Ал-тамга.

В тот же вечер торжественно запылали костры вокруг крепости, начались тои—празднества. Клемы, фузало, визиря и военачальники были приглашены в шатер Тимура. В честь достославного события каждый преподнес дары. В свою очередь всех одарил подарками и Тимур. В конце торжества он обратился к своим соратникам со словами:

— Высокоцитимые, каким именем вы предпочли бы наречь этот новый росток нашего царского цветника?

Тимур задал этот вопрос, оказывая уважение высокородным гостям, ибо по установившейся традиции имена своим внукам давал он сам. Сказать по правде, это было по душе всем. Так велико было их почтение и расположение к своему вседержавнейшему повелителю. Он это знал, чувствуя душу. Поэтому при одобрительном молчании собравшейся у него высокой знати произнес:

— Мы наречем нашего высокородного внука именем Мухаммад Тарагай.

Так звали и отца Тимура.

Младенец вместе со своей матерью Гавхаршад-бегим и старшими матерями, женами Тимура Сарай Мулькханум, Тукал-ханум и Чулпон Малик-ага, которым представили угрук—государственный обоз, примерно три месяца находился в Султании, где он родился. Опекушкой Улугбека стала Сарай Мулькханум, старшая жена Тимура. Так повелел Тимур. Каждому царевичу полагался попечитель, ответственный за его воспитание и развитие. В данном случае выбор оказался счастливым. Известно, что уже с ранней детской поры Улугбек разительно отличался от своих сверстников. Не по годам любознательный, проницательный и чуткий, он привлекал сердца многих, кто близко общался с ним. Первой среди них была опекушка Сарай Мулькханум, видимо, угадавшая черты его природы уже в младенческую пору и приложившая немало усилий, чтобы развить их воспитанием.

Великий завоеватель принудил к повиновению многих

непокорных, умных и сильных правителей огромных царств, ибо превосходил их, помимо всего прочего, интеллектом, характером и широтой кругозора. В проницательности, непреклонности в достижении цели, таланту организатора, в умении влиять на ход событий и подчинять людей своей воле ему также не было равных ни в своем государстве, ни в сопредельных, ни в далеких, покоренных им. И вот этот человек через всю жизнь пронес уважение к своей старшей жене Сарай Мульк-ханум.

Ее приглашали на высокие совещания, созываемые Тимуром, и, выказывая всячески почтение, сажали на самое почетное место. Она же, храня большей частью молчание, подавала свой голос только в тех случаях, когда Тимур обращался к ней. И она никогда не подводила своего повелителя. Ответами, замечаниями и мыслями, преисполненными мудрости, опыта и утонченности духа, Сарай Мульк-ханум снискала уважение военной знати.

Ее авторитет был непререкаем и в глазах младших жен Тимура. Своим старшинством она не злоупотребляла, тем более не позволяла себе высокомерия, скорее была терпима, снисходительна и великодушна в своем отношении к ним.

Такова была женщина, ставшая опекуной, первой наставницей и воспитательницей Улугбека, а в известной степени и его няней. Ведь и царевицы, пока они не осознали исключительности своего положения, оставались такими же, как дети всех смертных, расположить души которых можно было только ласковым словом, добрым нравом, искренним человеколюбием и, конечно, умением сказывать сказки, увлечь детскую душу очарованием их волшебного мира. И всего этого не занимать было Сарай Мульк-ханум.

Вскоре после рождения Улугбека Тимур пошел походом на Армению, куда в месяц раджаб 796 года (май 1394 года) призвал царицы и своих жен. И с тех пор почти год возил с собой младенца по дорогам Армении. Тимур хотел воспитывать внука прямо с младенческой поры суровым и закаленным, каким должен быть воин. 7-го дня месяца джумад ул-аввал 797 года (28 февраля 1395 года) жены и внуки Тимура, по его распоряжению и в сопровождении Шахруха, были отправлены в Самарканд. Такая предосторожность не была излишней, ибо очень скоро полководец открыл военные действия против хана Золотой Орды Тохтамыша.

Маленький Улугбек, доставленный в Самарканд, жил

там три года. Находясь под надежным попечением Сарай Мульк-ханум, большую часть времени проводил с нею в ее загородном саду Баг-и Чинар, расположенном в южной части города.

Весной 1398 года Тимур вновь собрался в поход, на этот раз в далекую Индию. И снова были нарушены покой и весь распорядок жизни Улугбека, которого вместе с Сарай Мульк-ханум взял в поход Тимур, горячо привязавшийся к своему внуку. Великий эмир, трогательно о нем заботясь, не стеснялся в выражении чувств любви к нему, что было для него, личности суровой и рациональной, совершенно необычно. Он не пожелал расстаться с любимым внуком даже в индийском походе. Это, конечно же, было сопряжено с определенным риском. Как ни заботились о маленьком Улугбеке, он вынужден был поневоле испытывать трудности походной жизни. Однажды, находясь рядом с дедом, он переправлялся на лодках-плотах, привязанных друг к другу цепями, через буйный Джейхун за Термезом. В целом же, конечно, для него и Сарай Мульк-ханум были созданы удобства, значительно облегчавшие тяготы и невзгоды походной жизни. Особо устроенный для них шатер, установленный на специальном обозе, в случае необходимости мог легко раскрываться с любой стороны, а также с двух или со всех сторон одновременно. Мальчонка мог ехать, обозревая любую из четырех сторон, что он и делал в любое время дня и ночи, радуясь и волнуясь всему увиденному, испытывая при этом глубокое и потаенное вдохновение.

Маленький Улугбек впитывал в себя образы, навеваемые живописными картинами гор и степей, долин и садов, разворачивавшихся без конца и края во время похода перед его глазами, или же вглядываясь в темь ночи, дорисовывал все то, что могло быть там в беспредельных и таинственных пространствах. И как только волшебные картины, сказочные видения не возникали перед его мысленным взором.

Неповторимо прелестны и прекрасны были города и селения Балха и Бадахшана, Хулма и Арханг-сарая, Самангана и Андараба. Нередко Сарай Мульк-ханум, увидев чем-то особенно притягательный пейзаж и тихо окликнув внучонка, затем медленно переводила свой взгляд на приглаившуюся ей картину природы, как бы приглашая полюбоваться ею и Улугбека. Так между ними устанавливалось взаимопонимание—глубокое и сокровенное, о чем через годы и годы, повзрослев, с неизбывной болью и тоской вспомнит Улугбек как о прекрасных и чудных мгновениях,

пережитых вместе и, увы, минувших безвозвратно.

Однажды, когда в Хулме кушбеги устроил охоту в горах Шамар, Тимур вместе с охотниками, особо близкими к нему, расположился на вершине скалы, окруженной со всех сторон зарослями. Он взял на охоту и внука, чем, видимо, доставлял радость и себе, и ему. Дед не волновался за мальчонку, ибо не было никакого риска напороться на зверя. Тимур собственно не думал об этом, доверяя своим егерям, которые ни за что не допустили бы, чтобы жизнь их властелина подвергалась опасности. В то же время они умело и искусно предпринимали все, чтобы возникала полная иллюзия настоящей охоты.

Дикие звери, разъяренные от облавы, метались рядом. Тимур же и его приближенные стреляли, находясь в надежных укрытиях, на возвышенном месте. Вот потому он и взял с собой внука, повелев облачить его в одеяния воина-охотника. Маленький Улугбек выглядел довольно живописно: за его плечами красовался сшитый как раз по нему колчан-камол, со стана, опоясанного садаком из красной кожи, свисал кинжал-мурасса.

Подняв невообразимый шум и гвалт, гнали с окрестностей дикое зверье. Среди метавшихся хищников оказался львенок, которого поймал Шахсаидбек, сын-первенец Шахмалика, военачальника, к которому благоволил Тимур. Быстро соорудив колышек и привязав к нему львенка, Шахсаидбек низко поклонился затем маленькому царевичу:

— Примите наш ничтожный дар, повелитель.

Улугбек, восхищенный столь диковинным подарком, сорвал с плеч лук, быстрым движением выдернул из колчана стрелу, вставил в лук и прицелился. Львенок, зарывав, рванулся вдруг с такой силой, что колышек не выдержал... Охотник, стоявший рядом с Улугбеком, совершив молниеносный прыжок, схватил конец веревки и удержал львенка. Неизвестно, что произошло бы, не успеет ли он это сделать. Улугбека обуял страх. Он стремительно кинулся назад и упал. То ли от испуга, то ли от того, что ушибся, заплакал.

Тимур, молча наблюдавший за всем этим, бросил гневный взгляд на Шахсаидбека, который, замерев, стоял теперь против него, почтительно сложив руки. Неизвестно, что стало бы с этим охотником, не будь он сыном любимого военачальника. По мановению бровей Тимура его раза два огрели плеткой по плечу. Может быть благодаря этому приключению, охота в горах Шамар навсегда осталась в памяти Улугбека...

В тот год до конца месяца рамазан (июнь 1398 года)

Тимур стоял в Андаробе. Его войско усмиряло афганские племена катуров и сиях-пуш, проживавших на востоке страны...

В первый день месяца зулхиджжа (15 августа 1398 года) Тимур вместе с войском прибыл в Кабул. Прежде чем продолжить поход, он принял послов от правителей Золотой Орды Тимур Кутлуга и Идику-узбека. На следующий день, дав необходимые наставления Сарай Мульк-ханум, отправил ее и Улугбека вместе с караваном посольств в Самарканд. Судя по словам Гиясиддина Али, описавшего поход в Индию, Тимур поступил так, напуганный вероятностью того, что климат и условия Индии могли нанести вред здоровью царевича...

Завоевав Индию, Тимур вернулся с несметными богатствами. 21-го дня раджаба 801 года (29 марта 1399 года) он, переправившись по мосту, сооруженному через Джейхун, прибыл в Термез. Тут с приличествующей великому событию торжественностью его встретили сахиб, видные улемы и деятели города. Среди них находились жены властелина Сарай Мульк-ханум, Тукал-ханум, Туман-ага и внук Мирзо Улугбек, которому исполнилось пять лет. Судя по словам историка Шарафуддина Али Язди, те, кто встречал властелина, были поражены почестям, оказанным царевичам-военачальникам Халил Султану и Мирзе Султан Хусейну. Они, восседая с горделивой осанкой на конях-красавцах, ехали через мост по правую и левую стороны от Тимура. Их головы осыпали таким количеством золотых монет, жемчугов и драгоценностей, что от них, попадавших ливнем в Джейхун, не был виден песок на дне.

В сердце маленького Улугбека, наблюдавшего за этим зрелищем, пробудились едва осознаваемые им самим какие-то странные чувства: то ли восторга и восхищения, то ли зависти к военачальникам, торжественно и величаво ехавшим рядом с дедом. Славу и величие своего бобо он наблюдал и прежде, но Халил Султана и мирзу Султан Хусейна, вознесенных вот таким образом, он видел впервые. Улугбек словно жалел о том, что еще мал, что так медленно растет.

Вслед за Тимуром и его войском прошли через мост пленные в цепях, затем были перевезены на слонах, на конях и верблюдах богатства, захваченные в Индии...

8-го дня месяца мухаррам 802 года (10 сентября 1399 года) Тимур снова собрался в военный поход, на этот раз против султана Турции Баязеда Илдирима и правителя Египта Насириддина Фараджа, у Тимура были свои

веские причины, чтобы начать эту войну. Возросшая военно-политическая мощь Турции, завоевавшей уже Сербию и Болгарию, угрожала в дальнейшем не только соседней Венгрии. Это встревожило Византию и крупные государства Европы, в частности, Францию и Англию. Их послы один за другим пожаловали к Тимуру. Византийский император Мануэл Палеолог, король Франции Карл VI и король Англии Генрих IV стремились разными путями вынудить Тимура на войну с Турцией. Но он и без них знал, кто такой Баязед, который действительно представлял опасность для его государства.

Вступив в войну с Египтом и Турцией, Тимур захватил Сивас и Халаб. 10-го дня месяца зулхиджжа 804 года (11 июля 1402 года) вблизи Анкары произошло невиданное доселе сражение между полчищами двух самых могучих правителей средних веков: Тимура и Баязеда Илдирима. Войска Баязеда Илдирима были разбиты, а сам он взят в плен.

В те годы Улугбек вместе с царевичами Ибрахим Султаном, Мухаммад Джехангиром, Ижиллом, Байсункуром, Суюргатмышем, Саидом Ваккосом, с воспитательницами и старшими матерями Туман-ага, Чулпон Малик снова окунулся в атмосферу походной жизни, посмотрелся на прекрасные города—Авник, Эрзерум, Тебриз, на жизнь народов, населяющих их...

Раньше, в 1398 году, Тимур приставил к Улугбеку Хамзу ибн Али, племянника своего личного сказителя,— он был старше Улугбека лет на двенадцать. Рано наученный грамоте, ибн Али познал многое. В книге «Сулук ал-мулук» («Наставление царям»), предназначенной для царевичей и отпрысков ханов, говорится о том, что при дворах царей и ханов дело воспитания царевичей,— дабы «они учились церемониалам и делам управления государством»,— поручалось эмирам, имеющим опыт в этом отношении, умудренным жизнью. Это называлось отцовской опекой. Удостоившийся такой чести обязан был «проявлять энтузиазм в услужении царевичу, опоясавшись ремнем доброжелательства, проявлять верность своему решению воспитывать достойно».

Для столь ответственного дела к Улугбеку был приставлен эмир Шахмалик, выходец из племени билкут. Царевичи, сыновья ханов и беков, отпрыски знатных родов, начиная с 4—5-летнего возраста, обучались чтению и письму. А специально приставленные к ним сказители—киссаханы, просвещая их во всех областях наук, касающихся «обитае-

мой части земли», оттачивали их способности и дарования. Превосходно справился с такой ролью учителя и наставника Улугбека Хамза ибн Али, прославившийся под именем Шейх Азари. Будучи сыном Али ибн Туси, одного из военачальников рода Байхак, он приходился племянником сказителю Тимура, от которого и перенял искусство сказителя-киссахана. Приставленный к Улугбеку, Хамза ибн Али на протяжении многих лет исполнял при нем роль сказителя.

После того как царицы выучивались грамоте, вместо карандаша, «повествующего о прекрасном и изящном», их учили «обращению с острым кинжалом и с высекающим огонь клинком, скачкам, сражению на пиках и стрельбе из лука», ибо «если не уметь пустить в ход пики, то страну одним пером не защитишь». Кроме этого, царицей обучали игре на чавгане. Выйдя из юношеского возраста, как сказано в «Сулук ал-мулук», будущие правители учились искусству управления государством: назначению на различные должности, взиманию налогов, искусству общения с духовенством, сановными лицами и приему послов, прибывавших из других государств. Улугбек прошел эту школу, обязательную для детей падишахов, ханов и беков...

Победоносный поход в Индию и сокрушительное поражение, нанесенное турецкому султану Баязеду Илдириму, вскружили голову эмиру Тимуру. Чтобы еще более приблизиться к своей заветной цели—стать падишахом «всей населенной части мира», предстояло осуществить теперь поход в Китай, к которому он сразу же начал готовиться после завершения семилетней войны. Он обдумывал этот поход до мелочей в ту пору, когда, захворав, вынужден был в месяц мухаррам 807 года (в июле 1404 года) лежать в Баг-и бихишт, принадлежавшем его жене Туман-ага, а затем, когда проводил время вместе со своим любимым внуком Улугбеком в Баг-и чинар.

В эту же пору он много думал о судьбе своего трона. На чью волю оставить великую державу, простершуюся от Рума до Кашгара? Из четырех его сыновей двое уже покинули этот мир: сын-первенец Джехангир-мирза умер в 1376 году двадцати лет от роду своей смертью, второй сын Умаршейх был убит в 1394 году. Из оставшихся в живых сыновей Тимур не находил достойного наследника престола. Мираншах (родившийся в 1366 году), подобно своему отцу, был отважен и беспощаден. Так, он прямо за дастарханом зарубил Пирмухаммада, последнего представителя династии Картов, правивших некогда обширным вилайетом

Герат и поверженных Тимуром. На следующий день, когда Тимур учинил ему допрос, он сослался на то, что просто был пьян. Младший сын Шахрух, проявляя выдающиеся способности к наукам, не был расположен к военным делам.

У властелина было двенадцать внуков. Более всего он любил Мухаммад Султана, Халил Султана и Мирзо Улугбека. Мухаммад Султан был умен, рассудителен и смел. Он, участвуя почти во всех военных походах своего бобо, отменно зарекомендовал себя в сражениях. Увы, заболев во время румского похода, он скончался около Карахисара 18-го дня месяца шаабан 805 года (12 марта 1403 года). Халил Султан также участвовал в военных походах. Особо отличился он во время сражения, происшедшего 7-го дня месяца раби ус-сани 801 года у порога Дели с войском Султан Махмуд-хана, где вместе с племянником Тимура царевичем Султан Хусейном, эмиром Джеханшахом, с тарханами Шейх Арсланом и Гиясиддином командовал левым крылом войска.

Султан Махмуд-хан внезапно ввел в бой сто двадцать боевых слонов, которые с ревом бросились вперед. Войско, предводительствуемое Пирмухаммад Джехангиром и Султаншахом, входившее в правое крыло армии Тимура, растерялось. И Тимур, и эмиры, и военачальники не сталкивались со столь неожиданной ситуацией. Воинов обуяла паника. Продлись она подольше, то не трудно себе представить, чем закончилась бы судьба этой войны, на которую мирозавоеватель, еще не терпевший поражения, возлагал особые надежды. От неминуемой беды спас Халил Султан, проявивший смекалку и отвагу. В тот же миг он приказал нагрузить на спины лошадей и верблюдов, которые следовали за войском, сухих ветвей и хвороста. Затем их подожгли. Животные, охваченные пламенем, с диким ревом ринулись вперед, прямо на слонов, которые, спасаясь от надвигающегося на них пожара, повернули назад. Теперь под ногами слонов очутилось войско самого Султан Махмуда. Тем временем Халил Султан и горстка храбрецов, устремившись вслед за лошадьми и верблюдами, прорвались сквозь ряды слонов и бросились на барангар Султан Махмуда. И все войско Тимура, вдохновленное этим, перешло в наступление.

Сражение, непрерывно продолжавшееся весь день, завершилось полной победой Тимура. Войско же Султан Махмуда, состоявшее из десяти тысяч конных и двадцати тысяч пеших воинов, потерпело сокрушительное поражение, большая часть его попала в плен. Захватили несмет-

ное количество разной добычи, в их числе и девяносто слонов.

Халил Султан показал себя и во многих сражениях семилетней войны. И Тимур стал видеть в нем достойного продолжателя своего великого дела по созданию мировой империи. Именно его он желал назначить теперь законным наследником трона и короны. И среди знати двора, и в войске все чаще и открыто говорили о блестящем будущем Халил Султана. Но, увы, он сам себе наделал бед...

Будучи женатым на Джахан Султан-бегим, дочери эмирзаде Али, приходившимся племянником Тимуру, он влюбился в красавицу Шодимульк, служанку ходжи Сайфуддина, взял да и отнял ее у ходжи... Тимур, прослышав обо всем этом, разгневался и, призвав ясавулбаши, приказал: «Где бы ни был султан, поймать, привести и заточить во дворец, а бесстыдную Шодимульк отдать в жены одному из слуг». Халил Султан скрылся с возлюбленной в загородном доме своего близкого друга, его долго искали, но не смогли найти. Через три-четыре дня в это дело вмешалась Сарай Мульк-ханум и Тукал-ханум, которые, призвав в посредники эмира Шахмалика и Шейха Нуриддина, избавили шахзаде от наказания. Эмиры, улучив момент, когда властелин пребывал в хорошем настроении, попытались повлиять на Тимура, дабы он сменил гнев на милость. Повелитель простил прегрешение своевольного внука, но вместе с тем отказался от намерения назначить его престолонаследником.

Возможно, наследником трона достоин стать Улугбек? Да, Тимур от души любит этого внука, наделенного большим умом и способностями. Но, к его великому сожалению, Мирзо Улугбека влекло больше к ученым занятиям, он много времени проводил за чтением книг, не обнаруживая особой склонности к делам государственным. Тимур, отдавая должное его талантам, тем не менее порой не мог скрыть досады и даже разочарования.

Однажды слуга, посланный отыскать Улугбека, застал царевича в библиотеке. Услышав об этом, Тимур сказал в сердцах в присутствии эмиров: «Боюсь, что этот книголюбивый ученый не сможет служить даже писарем в диване».

Оставался еще Пирмухаммад Джехангир, старший внук Тимура. В то время ему исполнилось двадцать девять лет. К тому же у него был кое-какой опыт в управлении государством, оцененный теперь неожиданно. И Тимур назначил его престолонаследником.

Перед тем как начать поход в Китай, повелитель решил

устроить тои—зрелища в Конигаде, где в 1397 году, еще до начала похода в Индию, он воздвиг дворец Баг-и дилкуша в честь своей супруги Тукал-ханум. На той, кроме Мираншаха, Шахруха, сына Умаршейха мирзы Искандера, были приглашены царевици, нойоны, даруга, калонтары, купцы и эмиры Бердибек, Худайдод Хусайни, Далмалик, Пирмухаммад Тагай Буко, Шахмалик, шейх Нуриддин, Саодат Темирташ, послы, прибывшие в Самарканд из Ифранджа (Испании), Китая, Индии, Рума, Забулистана, Ирака, Шама (Сирии), Египта, Золотой Орды, Саклаба (России) и других государств.

Той, начавшийся первого дня месяца раби ул-аввал 807 года (7 сентября 1404 года), продолжался сорок дней. Затем торжества соединили со свадьбами внуков Тимура, которым было от 9 до 17 лет. Среди них были сын Мираншаха Ижил-мирза, сыновья Умаршейха Сиди Ахмад и Пирмухаммад, а также мирзы Байкары. За Улугбека выдали Огэ-Бегим, дочь покойного Мухаммад Султана.

Когда отгремели празднества в Конигаде, Тимур вернулся в город и остановился в соборной мечети Сарай Мульк-ханум, где провел тайное совещание по предстоящему походу в Китай. Был подробно обсужден план его похода. После этого Тимур повелел улусным эмирам и даруга немедленно отправляться в свои владения и приняться за сбор конного и пешего войска, вооружить воинов и запастись продовольствием на месяц. Глашатаи и тавачи, снабженные указами и приказами о разного рода военных приготовлениях, отправились в подвластные Тимуру ближние и дальние края.

Царевици—отпрыски царствующей династии, эмиры, хокимы, большие и малые правители в соответствии с занимаемыми ими положению и влиянию были одарены на тое дорогими и пышными одеяниями, саблями и кинжалами, золотыми и серебряными поясами, аргамаками с дорогой сбруей, деньгами. И только после этого все они получили высочайшее соизволение возвратиться в свои улусы. Улугбеку были дарованы улусы Сайрам, Янги, Ашпара и Джете, а его брату Ибрахим Султану—вилайеты Андижан, Ахсикат, Тараз, Кашгар и Хотан. Но некоторые из этих вилайетов, например, Моголистан и Кашгар, в то время еще не входили в состав государства Тимура. Намечалось подчинить их именно в предстоящий поход.

В тот же день Тимур принял послов, прибывших из разных стран, которых он также не обошел своей щедростью. Им были вручены дары для их правителей и дру-

жественные послания. Затем Тимур дал им соизволение отправиться в свои страны, присоединив к каждому из них и своего посла. Но послов Китая Ань-Чжи-дао и Го-Цзин задержал. Как ни стремился Тимур со своими приближенными держать замысел в тайне, все равно не так уж трудно было почувствовать подготовку с его стороны к большой войне, к походу на Китай. Учуяли это и китайские послы...

На совещании и в церемонии приема, устроенном Тимуром, кроме старших жен принимали участие его сыновья и внуки. Посол короля Испании Генриха III Рью Гонсалес де Клавихо, гостивший в Самарканде с 806 (1403) года, пишет о том, что в церемонии приема, устроенном в один из летних дней 1404 года в Баг-и дилкуша, а затем в соборной мечети Сарай Мульк-ханум, принимали участие четверо молодых царевичей.

«Дверные стражи провели нас по усыпанной красным песком аллее цветника к дворцу, возвышавшемуся в самом центре живописного сада. Перед самым дворцом взлетали вверх струи разноцветных фонтанов. Под сенью огромной чинары, на высокой и просторной супе с мраморными перилами мы увидели Тимура, полулежавшего на адрасовых одеялах, подложив под локоть пуховую подушку. Одет он был в шитую золотом рубаху, на голове же шапка, украшенная рубинами и жемчугами. На этом месте меня и посла Тимура, отозванного из Кастилии до нашего приезда, остановила стража. Сарай-беги принял из наших рук подарки, предназначенные падишаху. После этого, сопровождаемые дверной стражей, мы двинулись вперед. Когда до большой супы осталось десять-двенадцать шагов, передний из стражи, выстроившейся вдоль суповой аллеи, остановил нас. Я незаметно огляделся по сторонам. На супах сидели четверо молоденьких царевичей. Дверной страж подвел нас к самому старшему из них. Как узнал я после, он был племянником Тимура. Мы низко поклонились ему. Подобную же честь мы оказали и другим царевичам, восседавшим на супах. Они оказались внуками Тимура. Царевичи сошли с супы, приняли из наших рук послания наших правителей, прошествовали торжественно к падишаху и, учтивейше поклонившись ему, протянули послания...»

Старшим из царевичей был эмирзаде Султан Хусейн, остальные же—Улугбек, Ибрахим Султан и старший сын Мухаммад Султана мирза Джахангир. В ту пору Улугбеку было десять лет, а мирзе Джахангиру—восемь. И тем

не менее Тимур считал необходимым приобщать их к государственным делам и заботам.

После совещания Тимур переехал в грандиозный и величественный замок Кок-сарай, расположенный внутри цитадели. Облицовка его мраморных стен переливалась лазурью. Во дворце располагались казна и арсенал. Были здесь и тюремные казематы, в которых заточали особо опасных государственных преступников. Там же казнили их. В одном из крыльев дворца располагались мастерские самого падишаха, где изготовлялись и ковались сабли, пики, стрелы, амуниция... Эмир Тимур осмотрел арсеналы и мастерские, дал курбаши необходимые указания, связанные с предстоящим военным походом.

В 1404 году осень и зима выдались довольно суровыми. В начале ноября Тимур вызвал к себе эмира Бурундука и приказал уточнить численность войск, собранных в Шах-рухии, Ташкенте, Ясси и Сабране, проверить их вооружение, а также состояние и степень готовности угрука—специального обоза-каравана, который во время походов вез военное снаряжение, запасы продовольствия и обеспечивал уют и удобства для жен падишаха и его несовершеннолетних детей. Эмир Бурундук вместе со счетоводами и лашкарна-висами до конца месяца завершил порученную государем проверку. И стало ясно, что войско, мобилизованное из Мавераннахра, Туркестана, Хорезма, Балха, Бадахшана, Хорасана, Сеистана, Мазандарана, Рума, вместе с черными татарами, переселенными из иранских земель, составит 200 тысяч пеших и конных воинов. Свезено было отовсюду несколько тысяч харваров зерна. Достаточно и оружия. Каждый всадник имел в запасе по одному коню. Но еды и улуфа, которые брал в дорогу каждый пеший воин, могло хватить только на десять дней. А потом все необходимое будут взимать с дехкан окрестных мест, где войско остановится на зимовку, в их числе дань натурой и особый денежный налог—тагар. Часть еды для войска и фуража для коней и скота добудут путем прямого ограбления края, по территории которого пройдет войско. Разбой этот назывался юрт овул—охота в юртах. Немаловажным подспорьем станет и дичь, добываемая по пути следования охотой, что порой выполняло роль своеобразного состязания воинов в меткости стрельбы из лука.

На военном совещании в Кок-сараяе было решено отправиться в поход на Китай весной 1405 года. Уточнили маршруты каждого кушунота, туманота, хазараджата и саладжаната, а также места их зимовок. Группировка

войск, руководимая эмирзаде Халил Султаном, эмирзаде Ахмадом, эмирами Худайдадом Хусайни, Шамсиддином Аббасом, составлявшая правый фланг, должна была зимовать в Шахрухин, Ташкенте и Сайраме. Войско Султан Хусейна вместе с частью левого фланга—в Ясси и Сабране. Сам же Тимур с главной частью войска, со своими внуками, с эмирами Бердибеком, Шахмаликом, Шейхом Нуриддином, Сарибуга и Ходжа Юсуфом—в Аксулате...

География расположения войск, туманотов и кушунотов по своей протяженности и удаленности друг от друга была поистине необъятной, тем более для тех времен, когда единственным средством передвижения между ними мог быть только быстрый конь. А связь не могла не поддерживаться четко и надежно. Как же все это удавалось? Ведь средства ориентировки были примитивны и зыбки, а сам ориентирующийся был простой воин, человек из низов, чаще дехканского происхождения.

Он, получив приказ доставить вовремя то или иное важное письмо, пакет с приказом или с инструкцией, лихо и без усталости скакал от крепости к крепости, от одной стоянки к другой, скакал в любое время дня и ночи, находясь в пути много дней и ночей, а то и месяцев. Картина, хоть и романтическая, но тем не менее действительно имевшая место в жизни. Посыльный воин на каждом шагу рисковал головой. Неимоверно трудна была его задача. Она подвергла испытанию моральные и духовные силы, выявляла истинные черты натуры человека, представлявшего свой род, народ в целом.

Воин, пытаясь охватить мысленно взором беспредельные пространства долин, пустынь и гор края, иногда стран и государств, по которым предстояло проехать, имея смутное представление о них, об их расположении и удаленности, мог бы растеряться, впасть в отчаяние. И если это не происходило, то каким же мужеством и отвагой, выносливостью и находчивостью, опытом и даром наблюдательности должен был он обладать, чтобы преодолеть вскачь сотни и тысячи километров, прежде чем достигнуть резиденции того или иного правителя.

Воины-курьеры встречались на своем пути с торговыми караванами, с отправлявшимися в дальние и ближние края по своим мирским делам, с пешим и конным людом городов и кишлаков, долин и гор. Не редкость были на дорогах и искатели приключений, встреча с которыми, возможно, поначалу любезная и мирная, была чревата непредсказуемыми последствиями.

По-своему кипучая жизнь обширного тюркского края, его многочисленных вилайетов, родов и племен во всем богатстве их красок возникала из великого многообразия взаимодействующих народных характеров, ярких, самобытных, неповторимых, своенравных и непокорных, а еще более неумных, обладавших ввиду этого внутренней энергией и динамикой...

В четверг 23-го числа месяца джумад ул-аввал 807 года (27 ноября 1404 года) в соответствии с благоприятным расположением звезд, как растолковал великий знаток этого дела дворцовый астролог Бадриддин, было принято решение о начале великого похода. Так или не так, но во всяком случае, как сообщают летописные источники, великий эмир перед началом похода, интересуясь предначертанием небес относительно своего грандиозного замысла, обратился на этот счет к придворному астрологу. Он же, конечно, не мог не поддержать репутацию искуснейшего знатока и толкователя движения и расположения зодиакальных, смежных и дальних созвездий, среди которых он отыскивал предсказующий знак великого замысла. С этим будто и посчитался полководец...

Утром 28 ноября войско вышло из Самарканда. Сразу же, чтобы преодолеть или пресечь состояние благодушия и беспечности, видимо, неизбежные в начале похода среди воинов, бывших еще недавно в своем большинстве труженниками, повсюду был разослан приказ Тимура: «Военачальникам, царевичам и эмирам, определенным в барангары и джавангары кушунотов, занять свои места и восстановить порядок и дисциплину, обязательные в боевом походе».

Приказ возымел свое действие. Через каких-нибудь пару дней воцарилась строжайшая дисциплина, чему прежде всего содействовал великий авторитет самого Тимура. После этого армия Тимура, разделяясь по пути движения, двигалась по частям в разных, заранее определенных, направлениях. Туманоты сосредоточивались в назначенных каждому из них городах и селениях. Тимур с центром армии стоял в Аксулате около пятидесяти дней, до 25 декабря. Вместе с ним находились Улугбек, Ибрахим Султан и мирза Мухаммад Джехангир.

Был самый разгар зимы. Военачальники разных рангов коротали ночи в довольно благоустроенных помещениях вокруг уютного очага. Ну а что касается простых воинов, то их участь была незавидна. Далекое не всех удалось разместить по домам дехкан. Каждый из оставшихся спасался ночами от лютой стужи как мог. Тут уж командиры, получив

на то разрешение Тимура, предоставили им волю. Ищи тепло и ночуй, где хочешь, но чтобы к утру явился в свою часть, где обучение искусству боя стратегии и тактики военного дела длилось весь день с двумя небольшими перерывами для еды.

В Аксулате все были заняты каким-нибудь полезным делом. Отнюдь не праздно проводили время и царевичи. В учете продовольствия, одежды и обуви, вооружения, прибывавших непрерывным потоком на арбах с дальних и ближних мест в верховную ставку, в урду, а также пригоняемых табунов коней, овец и крупного рогатого скота, отправление предписанной части всего этого войскам царевичей, стоявшим на флангах,— во всем этом Бурундуку-барласу помогал Улугбек. В свободное же время он помногу читал. Играм же, естественным и любимым в его возрасте, зачастую предпочитал общение, и большей частью со взрослыми, среди которых он умел найти интересных для себя собеседников. И удивительно было то, что собеседники эти потом сами искали с ним встреч, привлекаемые какой-то неизъяснимой теплотой души мальчика, живо и непосредственно, горячо и с доверием воспринимавшем все то, чем делился с ним собеседник...

Однажды Улугбек забрался на крышу дома бека Аксулата, где они остановились. Занимаясь он этим делом днем, возможно, еще сошло бы с рук—мало ли что может взбрести в голову девятилетнему мальчугану. Ан нет, он полез на крышу ночью, не страшась даже лютой стужи. Первым заметил это дворцовый астролог Бадриддин, в обязанности которого входило присматривать за Улугбеком. И когда тот среди ночи неожиданно исчез из помещения, мавляна Бадриддин, спохватившись, тут же кинулся за ним наружу. Поглядев по сторонам, к своему удивлению, нигде его не нашел. Забеспокоившись, забегал. И надо же! Случайно взглянув на крышу, обнаружил его там. Ночь, холодище, скользко, попробуй забраться... А мальчуган, которому неизвестно чувство опасности, вскарабкался. Мало ли что может стрястись. Крыша вон какая высокая! Мавляна в первое мгновенье испытал чувство растерянности, даже некоторого страха. Опомнившись же, тихо, чтобы слышал только царевич, произнес:

— Спускайтесь сейчас же, только поосторожнее...

Мальчуган и ухом не повел. Нет, вовсе не из-за послушания. Он глядел на звездное небо так замороженно и будто видел там столь прелюбопытное и диковинное, от чего

невозможно было оторвать взгляда. И он, замерев, впился с восхищением.

Наверное, любой посчитал бы подобную выходку мальчика глупым озорством, за которое не грех и наказать. Но мавляна Бадриддин, как толкователь воли небес по звездам, мог лукавить только перед царями, которые, по крайней мере самые проникательные из них, догадывались об этом. Но мирились, ибо любая попытка подвергнуть сомнению премудрость науки астрологии была бы не только напрасной, но и небезопасной. Ведь астрологи толковали божественную волю. Что касается мавляны Бадриддина, то астрология была для него скорее ширмой для серьезных занятий астрономией, что он и делал в содружестве с другими самаркандскими астрономами. Вот тут, может быть, и крылась загадка его сближения с Улугбеком, обнаруживавшем, несмотря на свой детский возраст, неподдельный интерес к книгам по астрономии. Стоит ли теперь объяснять, какие чувства испытывал мавляна Бадриддин, нашедший вдруг своего питомца в ночь и стужу на крыше.

Глядя заворожено на звездное небо, мальчик будто искал там подтверждения вычитанному им в книгах. Наивно, дерзко и тем не менее так понятно это было душе астронома мавляны Бадриддина. Недолго думая седебородый ученый тоже полез на крышу и сел там рядом с Улугбеком. Вот за этим занятием и застал их... Тимур. Человек этот, пред которым трепетал мир, трепетало окружение, страшась навлечь его гнев за глупое слово или неразумное поведение, кажется, понял их души—астролога и своего внука. Постояв некоторое время, он тихо окликнул внука. Бадриддин, вздрогнув от его голоса, невольно впился в руку Улугбека.

— Может и мне последовать вашему примеру? — только и сказал задумчиво Тимур, уходя прочь...

Вот с этой поры, найдя их ночью на крыше, ни Тимур и никто другой больше не удивлялся. А они не теряли времени даром. Ведь наглядным пособием служило им все небо. А астроном мавляна Бадриддин, перед познаниями которого преклонялись многие, в том числе и придворные, делился своими знаниями с Улугбеком.

Мавляна Бадриддин давал маленькому царевичу уроки по летоисчислению и таквиму. На первых же уроках обнаружилось, что царевич, охотно занимаясь этими предметами, тем не менее выискивал в книгах, попадавшихся ему, описания звезд и планет.

Проникательный мавляна Бадриддин всячески поддер-

живал это увлечение. А однажды, чтобы удовлетворить жгучее любопытство мальчика, повел его, еще в пору жизни в Самарканде, года полтора назад, в библиотеку падишаха в Кок-сарае...

Мавляна Ариф—хранитель книжных сокровищ, одновременно и библиотекарь, внимательно и сосредоточенно занимавшийся книгами, груды которых были уставлены хитой-ханы—низкие столики, услышав шорох шагов, оторвался от своего занятия и рассеянно взглянул в их сторону. Увидев шахзаде и его учителя, тут же вскочил на ноги и, приложив руки к груди, поклонился им.

— Добро пожаловать, господа, мархабо! Да будет благословенно ваше посещение.

Библиотекарь многозначительно взглянул на Бадриддина.

— Их величество шахзаде пожелали засвидетельствовать вам свое почтение.

— Рад чрезвычайно слышать такое из ваших уст, мавляна. Прошу вас пройти на тури.

После короткой молитвы-благословения и взаимно учтивых вопросов, обычных в таких случаях, хранитель сокровищ рассказал о новых книгах, только недавно переписанных.

— Сия рукопись есть «Шахнаме» Абулкасыма Фирдоуси—великого из великих поэтов. Копия с образца, присланного в прошлом году его высочеством Пирмухаммад Джехангиром.

Библиотекарь подал книгу мавляне Бадриддину, который с учтивым вниманием полистал несколько страниц, затем положил книгу перед царевичем. Улугбек с какой-то недетской сосредоточенностью долго и любовно осматривал рукопись, поистине бесценное сокровище. Черный кожаный переплет книги был украшен тончайшими нежными узорами, а от рукописных страниц невозможно было оторвать глаз. Шелковые страницы, будто издававшие при перелистывании ласкающую слух нежную музыку, были написаны почерком в стиле и духе насталик. Стихи, расположенные на каждой странице в четырех точно расчерченных столбцах, были написаны буквами золотого и голубого цветов. Тонкие линии, позолоченные и переливающиеся лазурью, обрамляли края листов манускрипта. Столь же искусно были написаны заглавия... Библиотекарь принес и показал мирзе еще одну книгу в красном кожаном переплете. Улугбек тут же углубился в рассмотрение этой книги. Мавляна Бадриддин и библиотекарь, чтобы не

мешать занятию мальчика, не проронили ни слова до того самого мгновения, пока мирза сам не оторвал глаза от книги.

Затем мавляна Бадриддин произнес:

— Их высочество мирза премного любят книги и по риезиету, и илми-нужум. Если имеются книги по этим наукам, не изволите ли показать их.

Хранитель направился в соседнюю комнату. Скоро вернулся со стопкой книг, положил осторожно их перед Улугбеком, который с какой-то вспыхнувшей неожиданно детской радостью начал перебирать их по одной. Книги эти, лишённые каких-либо украшений, отличались строго вычерченными линиями и причудливыми знаками в пространствах между строк. Улугбек долго перелистывал и рассматривал их с неподдельным любопытством, наконец, закрыв последнюю книгу и погладив ее переплет, устался на хранителя.

— Вот эту книгу,— произнес мавляна Ариф, взяв одну из них,— примерно шестьсот лет назад написал ал-Фергани. Называется «Основы движения звезд и планет». Из нее можно узнать поистине много интересного. А вот эта книга «Зидж ас-сагир» Ахмад ибн Абдуллы Марвази, а та «Зидж-и джадиди элхони» Насириддина Туси...

Улугбек, впервые увидев эту книгу, вспомнил о своем давнем пребывании в Мараге, когда сказитель его деда рассказал о Насириддине Туси и его обсерватории.

— Если угодно будет Всевышнему, то и мы возведем в Самарканде подобную же обсерваторию,— вдруг горячо воскликнул Улугбек.

— Вас ждут великие свершения, наш мирза, да поможет вам сам Всевышний, аминь!

И хранитель сокровищ, и мавляна Бадриддин были поражены любознательностью мальчика. И откуда было знать им, что осуществляться его пророческие слова, произнесенные им здесь так взволнованно.

Библиотекарь, проникнувшись любовью и доверием к мальчику, снова принялся рассказывать ему о сокровищах, сокрытых в сундуках из сандалового дерева. И в самом деле библиотека Тимура была необычайно богата. В ней хранилось множество книг по всем наукам: по богословию, инженерному делу, истории, географии, философии, юриспруденции, медицине, космографии, математике и многим другим.

Улугбек стал часто бывать у хранителя книг Арифа.

С помощью мавляны Бадриддина он уже познакомился с книгами Хорезми, Бузджани и Насириддина Туси. А книги же Бируни и Омара Хайяма взял с собой, отправившись с дедом в поход в Китай. Когда стояли в Аксулате, он принялся штудировать «Зидж-и Маликшох», намереваясь затем взяться за чтение Бируни...

Была та пора ночи, когда на небе наиболее ярко сияло и выделялось созвездие джади бурджи. Ледящий душу мороз, казалось, сковал намертво все живое. Но несмотря на это Тимур в 21-й день джумади ул-охира (26 декабря 1404 года), оставив Аксулат, двинулся в направлении Отрара. Оставив позади Узун-ата, Суткан и Камаршо, преодолев затем Султан-шейх, Зарнук, наконец, вышли на левый берег Сайхуна. Уж несколько дней мороз, будто проверяя дух и выдержку воинов Тимура, стал и вовсе невыносимым. Иные уже не выдерживали, страдали, отморозив руки, ноги или уши. Немало скота пало в пути.

В эту зиму Сайхун замерз крепко. Высланные вперед лазутчики — качарчи, после основательных измерений установили, что лед на реке стал толщиной в два-три гяза. Это облегчило переправу на другой берег Сайхуна людей, арб, лошадей и скота. На правом берегу Тимура и его спутников встретила знать города Отрара во главе с хокимом Бердибеком, хоким города Ясси Арслан-ходжа-тархан, а также знатные шейхи и правители Туркестана. В среду 12-го числа месяца раджаб 807 года (15 января 1405 года) они расположились во дворце Бердибека. В тот же день в честь великого эмира и его свиты он устроил той. Бердибек, а также эмиры Отрара и Туркестана осыпали головы властелина мира и сопровождавших его особ горстями драгоценностей, накинули на их плечи златотканые чапаны, одарили высокопородистыми конями.

Тимур пробыл в Отраре больше месяца, и, несмотря на свою болезнь, частенько проводил совещания с эмирами и визирями, вновь и вновь обсуждая с ними вопросы, связанные с дальнейшим продолжением похода. На совещаниях, кроме приближенных Тимура, участвовали отпрыски чингизидов, называемые огланами. Среди них были потомок Джучи-хана Таштемир-оглан, сын Тохтамыша Чехра-оглан, потомок Угэжэй-каана Тайдзи-оглан и его родственник Гадай-хан. Они обыкновенно устраивались слева от властелина, за царевичами Улугбеком, Ибрахим Султаном и Мухаммад Джехангиром. Огланы-чингизиды обещали участвовать со своим войском в этом походе Тимура. Они, присоединенные к отборному полку, подчи-

нялись непосредственно Тимуру. Многоопытный властелин, смотревший в предпринятом деле далеко вперед, не напрасно собрал вокруг себя чингизидов и выказывал им благорасположение. Этим самым он как бы утверждал себя законным наследником Чингиз-хана и претендентом на Моголистан, Кашгар и Китай.

Но, увы, на этот раз великому завоевателю не повезло. Рок — последний вздох, висящий дамокловым мечом над каждым смертным, настиг великого завоевателя в пути. И в этом, наверное, была своя неумолимая закономерность. Тимур, утверждавший свой гений войнами, не только постигал через них философию бытия, но и развивал ее. В этом смысле он, полководец-мыслитель, творил свою философию в пути. Смысл его жизни заключался в неукротимом стремлении объединить весь мир под одной крышей. С этой точки зрения вряд ли сам Тимур смотрел на свои завоевательные походы как на зло. Скорее, наоборот. И если он уже в преклонные годы затеял великий поход, то это грандиозное предприятие с позиций его философских воззрений, оправдывалось служением идее добра. И тут он при всей своей гениальности вступил в противоречие со всем остальным миром, не признававшим его притязаний, его философии. Хотя трагедия всех остальных завоевателей и представлявших их тиранических систем заключалась в том, что они жили и творили по тем же законам, что и сам Тимур, только последний преуспел больше их всех, но зато и крах его идеалов, обреченных ввиду их внутренней непримиримой противоречивости, был, пожалуй, глубже и сокрушительнее, чем у всех остальных, противостоящих ему.

Организаторский и военный гений Тимура, его непреклонная воля, сочетавшиеся с глубочайшим знанием психологии людей, всесторонними познаниями и жизненным опытом вселенского масштаба делали его авторитет незыблемым. Слово его исполнялось неукоснительно и немедленно. Но так было при его жизни. Неограниченную власть, сосредоточенную им в своих руках, никто не рисковал оспаривать при его жизни, ибо завоеватель, гениальный полководец, мыслитель-монарх в неукротимой одержимости творить свой идеал жизни, повелевать и подчинять был столь всевидящ и предусмотрителен, хладнокровен, выдержан и стоек, что подчинял своей железной воле всех и каждого. Но личные качества великих тиранов действуют, пока они живы... Так произошло и с Тимуром. Как только

стало ясно, что его недуг смертелен, сразу же начали обнаруживать признаки непримиримой вражды между собой те, от кого зависели целостность и могущество созданной Тимуром империи, что и предопределило ее крушение. Этому способствовал также рискованный поход в Китай, расстроившийся внезапно...

В 10-й день месяца шаабан 807 года (11 февраля 1405 года) Тимур вдруг сильно занемог. В исторических книгах той поры ничего определенного не говорится ни о причине его болезни, ни о ее названии. Болезнь эта оказалась для Тимура последней. Знаменитый мавляна Табризи приложил все свое искусство, дабы излечить государя. Но больному с каждым часом становилось хуже. Тимур не собирался умирать. Однажды по его желанию были созваны все прославленные лекари. И каждый из них, заглянувший в его глаза, прочитал в них: «Избавьте же меня от этой напасти». Но никто уже не мог помочь ему.

Горе усугубило одно неприятное происшествие. В полночь, после того, как его посетили лекари, от искры, вылетевшей из дымовой трубы, загорелся потолок помещения, где лежал Тимур. Чолпан-малик, его младшая жена, не смыкая глаз находившаяся рядом с больным, своими криками подняла на ноги всех, кто был во дворце. Больного проворно перенесли в другое помещение, пожар тут же погасили. Происшествие это невольно произвело на всех тяжкое впечатление, сник и сам Тимур, могучий духом совсем недавно и такой беспомощный теперь. Увы, физический недуг, терзающий душу и тело, уравнивает всех.

Тимур, тая и изнемогая, уверовал в свой неизбежный конец. Он лежал, уставившись в потолок, и вся жизнь, проведенная на коне в завоевательных походах, проходила перед его глазами. Он покончил с феодальными междоусобицами в Мавераннахре, даровав своему народу мир и покой; дехкане и ремесленники трудились без опаски, развивались наука, зодчество, торговля. Он воздвиг города, умножил нивы и сады, провел каналы. Раздумья обо всем подобном несколько утешали его душу. Но он же и жестоко истреблял людей. Так, в Исфагане и в Сабзаворе приказал воздвигнуть башни из голов, отрезанных по его велению. Когда же стоял у порога Дели, то велел казнить тысячи и тысячи пленных индусов... Дрожь пробрала его, он облился холодным потом, будто сожалея обо всем содеянном, но искреннего покаяния все равно не почувствовал...

Днем 15 февраля он призвал к себе своих жен, накибов,

кази-аскаров и старших эмиров: Бердибека, Сарибуга, Шейха Нуриддина, Шахмалика и ходжу Юсуфа. Он изъявил им свою последнюю волю:

— Кажется, дни мои сочтены. Я поручаю вас милостивой воле Всевышнего. Не вздумайте плакать и причитать, какая польза от всего этого? Да простит меня создатель за то, что, сокрушая и завоеывая могущественные государства, я причинял страдания. Я помышлял о благополучии всего сущего. Мечтал, объединив все земли и народы, стряхнуть с подола мира насилие. Надеюсь, что мои деяния, совершенные ради благополучия стран и народов, будут прощены мне в Судный день. Мы назначаем нашего сына Пирмухаммад Джехангира нашим наследником. Вручаем ему престол Самарканда. Отныне ваш долг и обязанность повиноваться ему. Исполняя нашу волю, вам следует повесить на свои шеи цепи повиновения и опоясать свои станы поясами услужения. Всегда и повсюду будьте единодушны с ним...

Произнеся эти слова, он умолк на мгновение, затем приказал позвать эмиров и визирей.

— Поклянитесь, что будете верны нашему завещанию! — эти слова властелина, едва произнесенные, слышали только Шейх Нуриддин и Шахмалик, сидевшие у изголовья. Они повелели всем опуститься на колени и произнести клятву. Затем, помолившись, все поднялись и один за другим удалились. Шейх Нуриддин и Шахмалик, оставшиеся последними, на несколько мгновений замерли у порога, обернувшись, бросили взгляд на больного и после этого вышли. Тимур, которому и в этот миг не изменила проникательность, учуял, что им хочется сказать что-то потаенное от всех; Улугбеку, который сидел у его ног, он дал понять знаками, что их следует вернуть. Но Улугбек, погруженный в свои горестные раздумья, не понял деда. В эти мгновения он витал мыслями далеко-далеко...

Его отец и мать, кажется, никогда не тужили по нему. Он рос вдалеке от них, ощущая более всего заботу о себе со стороны деда и бабушки. Дворец, средоточие государственных дел для всех, для него стал просто родимым гнездом. Душой его жизни был дед, спокойный и степенный в движениях. Но до чего же беспредельна была власть этого человека над всеми, кто окружал его!

Улугбек вырос, согреваемый теплом души этого бес сильного теперь старца. Неужто он теперь лишится его? Верно, у него есть отец и мать, они живы. Но мать Гавхаршад-бегим он почти не знает. Она царственно прек-

расна, высокомерна и тщеславна. Сердцем он привязан к деду и к Сарай Мульк-ханум... Улугбек, чувствуя, что все ближе и ближе миг кончины бобо, впал в оцепенение. Его горестные раздумья прервала Сарай Мульк-ханум:

— Улугджан, позови сюда Шейха Нуриддина и Шахмалика...

Улугбек очнулся. Молча поклонился бабушке, сидевшей у изголовья деда, затем стремительно вышел наружу. Скоро явились названные эмиры. Тимур знаком пригласил их сесть, затем тихо, внятно, но несколько приглушенным голосом спросил:

— Что еще хотят сказать мне таксыры?

Переглянувшись с Шейхом Нуриддином, Шахмалик произнес с покорной почтительностью:

— Не соизволите ли, наш повелитель, призвать Халил Султана и Султан Хусейна, дабы они самолично услышали вашу высочайшую волю о престолонаследнике?

— Мое время тает, я хотел бы увидеть Шахруха.— Тимур закрыл глаза. Известно было, что накануне торжества в Канигиде Бердибек, Шейх Нуриддин и Шахмалик предложили пригласить на празднество Пирмухаммад Джехангира из Газни и Шахруха из Хорасана. Тимур дал свое соизволение на приглашение Пирмухаммада, что же касается Шахруха, то воздержался, добавив при этом: «Спокойствие Ирана и Азербайджана требуют присутствия Шахруха в Хорасане». То ли великий Тимур был искренен тогда в своих словах, то ли он по какой-то причине выказал свою немилость к Шахруху, теперь же будто бы желал исправить допущенную несправедливость. Увы, вряд ли его желание было исполнимо, ибо невозможно было даже успеть уведомить Шахруха. Должно быть по этой причине Шейх Нуриддин и Шахмалик, переглянувшись, молча вышли, ибо Тимур снова потерял сознание.

Утром 16 февраля вся высшая знать дворца с почтительнейшими выражениями лиц явилась к умирающему властителю. Следуя примеру имама, все долго молились за падишаха. Тимур, пребывавший в бреду, в какой-то момент пришел в себя. Рассеянно оглядев собравшихся, затем едва внятно прошептал. Он явно хотел сказать что-то, но, почувствовав, что не может, прилагая мучительные усилия, слегка поднял левую руку, дважды сделал нечто наподобие взмаха и тут же бессильно уронил ее. Никто не мог сказать, что это могло значить...

Все вышли. Собравшись на веранде, стали было тихо толковать на свой лад смысл движения руки Тимура. Но не

успели высокознатные, действительно отличавшиеся опытом, умом и проницательностью, высказаться на этот счет, как предводитель сыщиков Хифзулло, получивший при дворе Тимура прозвище «Ват-ват мунаджим», заверещал:

— Повелитель мира, превзошедший самого Искандара, наш великий эмир Тимур-кураган, являются властелином обоих миров. По причине сего их прославленное имя будет вечно в том и в этом мире. Вот на это намекнули они, дважды взмахнув рукой.

Как ни глупо и нелепо было это объяснение, никто ничего ему не ответил. И имам, и другие, хотя и поняли истинный смысл движения руки Тимура, побанвались высказываться откровенно на этот счет. Сыщик внушал им некоторый страх. Поэтому они сочли за благо молча подтвердить кивками свое видимое согласие с «Ват-ват мунаджимом».

Улугбек недолюбливал этого большеголового человека с рыскающими глазами. Он и прежде несколько раз слышал его бахвальство. Когда все разошлись, спросил у своего учителя мавляны Бадриддина об истинном происхождении и сути этого человека. Мавляна Бадриддин попытался сперва уклониться от такого разговора, но это ему не удалось. Царевич заупрямился. И только после этого он рассказал то, что знал и слышал про «Ват-ват мунаджима».

— Откуда он, точно не могу сказать. Некоторые говорят, что из Мерва, другие же считают его родом из Мултана. А третьи — что из племени джугиев. Одно время он был в услужении у правителя Хери Пирмухаммада, принадлежавшего к картской царской династии. После того как плененный Пирмухаммад был доставлен в Самарканд, он высказал Мираншаху свои клеветнические измышления о нем. Так он стал причиной смерти Пирмухаммада. Посчитавшись с «заслугами» доносчика, мирза Мираншах взял его с собой в Табриз и соизволил назначить своим главным сыщиком. Но сей человек предал и самого Мираншаха, представив его властителю интриганом и злоумышленником. Когда же Мираншах был отстранен от власти, ваш великий бобо взял его к себе главным сыщиком. Тут он и получил прозвище «Ват-ват мунаджим».

— Он, наверное, за свой язык назван «ват-ват», ну а почему еще добавляют «мунаджим»?

Мавляна Бадриддин разъяснил смысл и этого:

— А потому, что человечешко сей, не имея никакого отношения к миру наук и знаний, но научившись кое-чему

в искусстве гадания, стал то и дело совать свой нос в дела дворцовых астрологов.

Мавляна рассказал своему проницательному и пытли-
вому ученику о другом интересном событии:

— Лет сто тому назад жил и творил в сем нашем мире большой поэт и властелин знаний по имени Убайд Закони. Во времена господства шаха Абу Исхака в Персии они обучались в Ширазе. Как сказывают, Убайд Закони, сблизившись впоследствии с шахом, посвятил ему глубочайший трактат о науке маони — искусстве стихосложения. Чтобы преподнести сей трактат, он явился было к шаху, но дверной страж не пустил, сказав: «Во дворец пожаловал клоун, падишах соизволяет сейчас беседовать с ним». На это Убайд Закони, говорят, ответил: «Неужто надо быть клоуном, чтобы приблизиться к султану?» С тех самых пор Убайд Закони не захотел посещать собрания шаха Абу Исхака.

Мирзо Улугбек, кажется, понял потаенный смысл рассказанного, он, сдвинув брови, хмуро взглянул на мавляну Бадриддина.

— Простите, мой мирза, ваш великий бобо не вступает в беседы с клоунами, брезгует ими, но...

— Что же? — прервал учителя Улугбек.

— Но он пользуется услугами сыщиков, ибо без них невозможно управлять государством. Ведь надобно же знать, что в замыслах не только недоброжелателей, но и иных друзей...

Улугбек промолчал. Астролог же счел нужным произнести назидательно:

— Но проверять истинность или лживость донесений сыщиков — дело многотрудное, мой мирза. Их надобно взвесить на весах собственного разума и только после этого принимать решение. Ваш бобо великий мудрец и в этом смысле...

В тот день Тимур пребывал в беспамятстве. Его жены, царевичи и эмиры от того, что неминуемо должно было свершиться, впали в состояние страха и паники.

На следующий день в предрассветную пору Тимур вдруг пришел в себя, глаза его приняли несколько осмысленное выражение, он зашептал что-то. Сидевшие вокруг обратились в слух, каждый стремился разоб-
раться его слова:

— Памятуйте то, что мы сказали о едином интересе государства. Не оставайтесь тут в неведении. Крепко держите сабли. Защищайте Иран и Туран. Если между вами возникнут раздоры, то итог будет гибельным...

Тимур на мгновение впился взглядом в Мирзо Улугбека, плакавшего у его ног. Затем глаза его закрылись и он снова потерял сознание. Теперь уж никто не питал надежды. По знаку Сарай Мульк-ханум в ичкари призвали сына мавляны Убайдуллы Хафиза Байтулло и велели читать тиловат, в чем он был многоопытен и искусен...

Тимур так и не пришел в себя — 17-го числа месяца шаабан 807 года (18 февраля 1405 года) близко к полуночи он покинул этот бранный мир. И, увы, даже скорее, чем думали, начали осуществляться недобрые предчувствия приближенных великого завоевателя. Созданное Тимуром огромное государство после его смерти очутилось в тисках феодальных междоусобиц, интриг, раздоров и мятежей. Завещание покойного так и осталось завещанием. Еще не успело даже остыть его тело, как претенденты на трон приступили к осуществлению своих далеко идущих замыслов, сколь коварных, столь и кровавых.

На следующий день Бердибек, Шахмалик и Шейх Нуриддин сразу же после завтрака позвали Улугбека, Ибрахим Султана, Мухаммад Джехангира, а также жен Тимура. Все они, посоветовавшись, решили, что происшедшее пока надо скрыть от войска, гроб же покойного в сопровождении его жен, Улугбека и юных царевичей тайно отправить в Самарканд под главенством эмира Ходжи Юсуфа и Али-каучина, охраняемых отрядом во главе с Али Дарвиш-шигаулом, лиц, также облагодетельствованных Тимуром и потому как наиболее надежных. Поход на Китай продолжить под командованием Ибрахим Султана и Халил Султана. Вопрос же насчет наследника трона обсудить после возвращения из похода, для чего созвать в Самарканде курултай.

Но на деле каждый начал действовать по-своему, клятвы, данные эмирами, были забыты. Первыми изменили им близкие Тимура... Шейх Нуриддин вместе с Шахмаликом, как бы заключившие между собой временный союз, а также вдовы Тимура, отринув завещание властелина, задались целью отдать верховную власть Шахруху. По этой причине кончину Тимура они держали втайне от Халил Султана и от Султан Хусейна. Гонцы, прибывшие в Ташкент и Ясси, скрыли от всех царевичей правду. Сказали только, что властелин тяжело заболел. Но Шейх Тимур-каучин, направленный в Герат, рассказал Шахруху всю правду. В начале месяца рамазан (март 1405 года) Шахрух провозгласил на свое имя хутбу и отчеканил в нужном количестве монеты.

Но, как гласит пословица, «луну подолом не прикроешь». Весть о смерти Тимура очень скоро дошла также до Сабрана и Ташкента. Султан Хусейн, тут же оставив свое войско, вместе с тысячью отборных джигитов устремился к Самарканду. Не терял времени и Халил Султан. Опередив всех, он первым установил связь с хокимом Самарканда эмиром Аргуншахом, который, втайне договорившись о чем следует с его представителем, прибывшим в Самарканд, дал ему слово, что разрешит внести в город гроб с телом Тимура, а из сопровождавших никого не пустит — будет охранять столицу до прибытия Халил Султана.

Как скоро выяснилось, оказалось обреченным на провал и дальнейшее продолжение похода на Китай. Через неделю после смерти Тимура, в полдень 24 февраля 1405 года, Ибрахим Султан и эмиры, возглавив войско, выехали из Отрара. Но они продвинулись всего только на один таш, подъехав к Азудж-арыку, и разбили палатки у моста Кулдурмы. Чтобы не началось какое-либо неповиновение среди войска, туг — знамя эмира Тимура — водрузили над куполом палатки Ибрахим Султана. Через гонцов, посланных в Ташкент и Сабран 19 февраля, было передано: все три войска, возглавляемые Ибрахим Султаном, Халил Султаном и Султан Хусейном должны соединиться в местности Чуклик и далее продолжить поход совместно. К несчастью, возвратившиеся гонцы доставили разведанную ими неприятную весть: Султан Хусейн, намереваясь захватить трон, уже ринулся вперед всех к Самарканду. Ринуться-то ринулся, но пока что более всех преуспел, пожалуй, Халил Султан, поддержанный не только хокимом Самарканда эмиром Аргуншахом. Сын покойного мирзы Умаршейха эмирзаде Ахмад, войдя в тайный сговор с Худайдадом Хусайни, Ядгаршах-орлотом, Шамсиддин Аббасом и Бурундук-барласом, провозгласили падишахом именно Халил Султана. Весть эта ввергла в растерянность и эмиров, находившихся рядом с Ибрахим Султаном. Посовещавшись, они решили повернуть назад. Захватив с собой и казну, которую для финансирования похода в Китай привез в Отрар сам Тимур, двинулись в сторону Самарканда. Так спешили и так паниковали, что верблюды, груженные казной, провалились под лед при переходе через Сайхун.

Ибрахим Султан и его эмиры, продолжавшие возглавлять войско бывшего центра, нагнав в Аксулате шествовавших вместе с гробом знать и царевичей, далее про-

должили путь вместе с ними и медленно продвигались к Самарканду. По предложению Шахмалика двигались на всякий случай строем. Командовать левым крылом войска было поручено эмирзаде Улугбеку и эмиру Шахмалику, правым крылом Ибрахим Султану и Шейху Нуриддину...

Эмир Аргуншах, управлявший Самаркандом, разрешил внести в город только гроб с телом Тимура, а Шахмалику, подошедшему к главным воротам и выставившему высочайший указ, как последнюю волю Тимура, хоким отвечал: «Пока все царевичи, мирно договорившись между собой, не провозгласят падишахом эмирзаде Пирмухаммад Джехангира, никто в сию крепость не войдет». Шахмалик вернулся ни с чем в кишлак Алиабад, где остановилось войско, и передал свой разговор с эмиром Аргуншахом. Последнего в свое время вознес к вершинам власти Тимур, во дворец которого он стал вхож во многом благодаря покровительству Сарай Мульк-ханум. Поэтому она, услышав о результатах переговоров с ним, поначалу несколько растерялась, затем произнесла с надеждой и горечью:

— Что-то стряслось с этим знатным вельможей, коий всю жизнь пользовался нашим хлебом-солью. Если шайтан сбил его с пути, может быть, он еще опомнится...

Чтобы попытаться удачи, к главным воротам Чоррака был послан Шейх Нуриддин. И ему не открыли ворота. Аргуншах разговаривал с ним, стоя на стене. Долго спорили два эмира. Шейх Нуриддин пытался действовать угрозами и угрозой, но склонить на свою сторону все равно не удалось. Аргуншах, покидая стену, твердо произнес:

— В крепость кроме его высочества Пирмухаммад Джехангира никому не будет позволено войти.

С этой вестью и прибыл Шейх Нуриддин в Алиабад. Эмиры провели краткое совещание. Договорились, что они, царевичи Улугбек и Ибрахим Султан, направятся вместе с войском в Бухару, а если и там нельзя будет обосноваться, двинутся к Хорасану — к владениям мирзы Шахруха. А вдовы-царицы, взяв с собой малолетних царевичей Байкару, Иджида, Саид Ваккса и Суюргатмышу, поехали в Самарканд.

Прощание произвело глубокое впечатление на Улугбека. Когда-то он свидится со своей старшей матерью, которая пестовала его, храня от возможных напастей и бед. Что еще готовит им этот коварный и изменчивый мир? Погруженный в раздумья, Улугбек стоял замерев на

самой середине дороги. Когда караван, паланкин и угруз исчезли вдаль, растаяли, как мираж, тоска и отчаяние охватили его. Будто вырвали частицу сердца — из глаз Улугбека хлынули слезы...

До самой Бухары он ни с кем не разговаривал. Печаль и скорбь по-прежнему переполняли его душу. День и ночь он вспоминал Сарай Мульк-ханум, дни и годы, проведенные с нею в Самарканде, Карабаге, Казвине, в Азербайджане и Армении. И сколь диковинно прекрасного и сказочного навидался там. И все это благодаря этой мудрой и щедрой душой женщине. Она, находясь вместе с ним в далеких странах, стремилась показать ему как можно больше, развить и воспитать его душу. Незабываемые мгновения пережил он в третью зиму семилетней войны, когда угруз пребывал в городе Мараге. В тот год Тимур, совершая походы в Ширван и Гуржистан, оставил тут, при дворе, и своего уже довольно состарившегося сказителя и его племянника Хамзу. Однажды Сарай Мульк-ханум призвала сказителя к себе и сказала:

— Марага — прекрасный город, в его окрестностях много изумительных памятников. Вы покажите их Улугджану, расскажите о них. Возьми с собой и Хамзу.

Киссахон поклонился Сарай Мульк-ханум:

— Со всей душой, бегим-пашша. И сам Улугджан, разузнав кое-что о них, любопытствуют очень.

На другой же день отправились втроем в город. Марага была древней столицей Азербайджана, построенной у впадения реки Чаготу в озеро Урмия. К городу с северной стороны подступали высокие горы, оберегавшие его от холодных ветров и бурь. Одно время тут находилась резиденция арабского наместника в Азербайджане. Монгольские властелины Халокухан, Абакахан, Газанхан также проводили зимнюю пору в Мараге. Воображение Улугбека поразил древний дворец, построенный у озера Урмия, знаменитый тем, что был некогда пристанищем Бабака. Хотя дворец кое-где уже обнаруживал признаки ветхости, вид его был еще довольно величественный, некоторые же его помещения на нижнем этаже и вовсе сохранились целыми. Сказитель увлекательно поведал детям много интересного о восстании, происшедшем тут в 816—837 годах против арабских завоевателей. Восстание возглавил Бабак Хасан-оглы — герой, о бесстрашии и отваге которого народ рассказывал легенды. И еще, говорят, слыл он человеком необыкновенно праведным и справедливым, храбро сражаясь с врагами, хотел устроить жизнь так, чтобы никто

никого не обижал и чтобы все были счастливы. Вот за это народ полюбил и признал его своим героем. Такими были и его сподвижники. И если бы не предательство, то захватчики не справились бы с восставшими. В 218 году хиджры, во время сражения, происшедшего у Исфагана, Мухаммад ибн Боис и еще несколько военачальников покинули Бабака и перешли на сторону арабов. И только после этого их предводителю Хайдар ибн Кавусу удалось подавить восстание...

Однажды путешественники взошли на высокий холм с северной стороны Мараги и увидели руины внушительного здания, построенного в форме круга. Дети узнали из уст сказителя:

— В этой местности примерно лет 200 назад была обсерватория. Ее построили по приказу Халокухана. В ней около сотни астрономов наблюдали за движениями звезд и расположением планет. В одной из книг я читал, что обсерватория владела десятью совершенными инструментами танджим. При ней была и богатая библиотека. Большинство рукописей доставили из библиотек Багдада и Аламута. Среди астрономов были и китайцы. Они помогали астрономам Ирана и Турана в составлении таблиц-таквимов.

— Бобо, когда и по какой причине перестала действовать эта обсерватория? — прервал сказителя Улугбек.

— Автор книги «Нузхат ул-кулуб» Хамдуллах Казвини когда-то, лет сто назад, приезжал и видел это здание. Тогда оно уже начало ветшать. Причиной запущенности были раздоры и распри, начавшиеся в стране после смерти Султан Абу Саидхана, из-за которых обсерватория осталась без присмотра. В тот же год, говорят, произошло и сильное землетрясение... Итогом многолетних исследований и наблюдений обсерватории в Мараге, которую возглавлял замечательный астроном Насириддин Туси, стала книга «Зидж-и джадид-и Элхани». Она хранится в библиотеке вашего бобо в Самарканде. Придет день, мой мирза, и вы прочитаете эту книгу... — такими словами завершили откровения сказителя с Улугбеком.

Тот и не заметил, увлекшись воспоминаниями, как они доехали до крепости Дабусия. Вечером, перед тем как лечь спать, Улугбек подумал:

«Что ж, так тому и быть. Нам не удостоиться теперь трона. Возможно, это и к лучшему? Всецело отдадимся знаниям. Ведь и Насириддин Туси не был падишахом,

тем не менее его дело живет, а имя ученого вечно...»

В этот момент одна створка двери отворилась. Улугбек увидел дверного стража, который никогда не появлялся напрасно.

— Войдите!

Эшик-око перешагнул через порог:

— Мой мирза, прибыл гонец из Самарканда.

— Зовите!

Вошел человек плотного телосложения, средних лет и с окладистой бородой. Улугбек сразу узнал в нем преданного слугу Сарай Мульк-ханум. Он вскочил с места и с волнением обнял его как старого друга. Тот вытащил из-за пазухи сверток с печатью и протянул его Улугбеку.

— От вашей высокочтимой бегим.

Гонец, почтительно сложив руки на груди, поклонился и отошел в сторону. Улугбек дважды прочитал послание. Вести были горестными. Человек Аргуншаха, недавно посетивший их, передал послание в духе уверения: «Пока винуюсь завещанию великого властелина, мы не открыли вам ворота, не откроем их и Халил Султану». Но он, оказывается, лицемерил.

Уже на следующий день после отбытия Улугбека из Алиабада, ключи от Самарканда были вручены Халил Султану, стоящему в то время в Ширазе.

«Улугджан, мой родной. У мирзы Халила, судя по всему, худые намерения. И кроме того, у него, наверное, есть свои люди в Бухаре. Будьте осторожны. По мне, лучше бы вы поскорее покинули те места и поспешили к своему могучему отцу в Хорасан...»

Перечитав послание Сарай-Мульк-ханум, Улугбек тут же послал за Шахмаликом, которого этот внезапный вызов за полночь весьма озадачил. К тому же этот незнакомый человек, сидевший против мирзы... Шахмалик в удивлении застыл у порога.

— Господин бек, верный раб нашей высокочтимой бегим доставил нам неприятную весть, — Улугбек показал Шахмалику место рядом с собой. Когда эмир сел, Улугбек продолжил: — Аргуншах обманул нас. Как только мы выехали из Алиабада, этот лицемер вручил ключи от Самарканда Халил Султану.

Улугбек был бледен и, судя по всему, сильно расстроен. Шахмалик приложил немало усилий, чтобы успокоить его. Не удалось... Более того, состояние царевича передалось и ему. Еще один влиятельный эмир перешел на сторону Халил Султана, который, наведя порядок в Самарканде,

затем пойдет с войском на нас! Да и в самой Бухаре есть его сторонники, от которых можно ожидать всего...

Улугбек, Ибрахим Султан и их спутники в ранний рассвет покинули Дабусию. Путь до Бухары в двадцать восемь фарсангов можно было преодолеть за 7—8 дней. Им понадобилось на это шесть. Заночевали в Кермине. Подъехали к городу на рассвете. У главных ворот их торжественно встретили шейхи, улемы, имамы, словом, вся знать Бухары во главе с Хамзой-барласом, который тут же вручил Улугбеку ключи от городских ворот и цитадели, где они должны были обосноваться. Опасаясь нападения Халил Султана, уже на следующий день Улугбек и эмиры принялись укреплять ворота, крепостные стены и башни...

Империя Тимура, столь недавно могущественная и монолитная продолжала дробиться и разрываться на куски. Халил Султан 18 марта с превеликим торжеством въехал в Самарканд и провозгласил себя верховным правителем Мавераннахра. Такими же вершителями судеб считали себя Шахрух в Хорасане, Пирмухаммад Джехангир в Балхе, Газни в Кандохаре, а сыновья Мираншаха мирза Умар и мирза Абубакр в Западном Туране и Азербайджане. Земли же по ту сторону Сырдарьи — Туркестан, Сабран, Отрар, Сайрам и другие остались в руках Бердибека, а Уратепой и Ферганой завладел эмир Худайдад Хусейни. Хорезм захватил один из влиятельных ханов Золотой Орды Идику-узбек.

Улугбек же не удостоился даже Бухары. Халил Султан довольно быстро нашел путь к сердцам даруга Бухары Хамзы и его брата Рустама-барласа. Он вошел в тайный сговор с ними. Шахмалик отправился в Герат просить помощи у Шахруха. На следующий день после этого заговорщики атаковали цитадель.

Люди Шейха Нуриддина еще днем заметили подозрительную возню вокруг цитадели и на гузарах. По этой причине и Улугбек, и Ибрахим Султан, и их слуги по предложению Шейха Нуриддина в эту ночь легли не раздеваясь. Потушив лампы, пребывали в дреме. Ахтабеги и рикабдару было приказано держать коней оседланными. Сложенные шатры и прочее снаряжение, без чего не обойтись в дороге, были погружены на арбы, которые расположили в укромных местах. Ради маскировки набросали поверх разного хвороста. Но весь этот скарб пришлось бросить. Атака на арк-цитадель началась на рассвете. Заговорщикам, эмиру Хамзе и его сообщникам, удалось захватить и угрук, и казну, и жен царевичей, которые затем немедленно были

переданы доверенным лицам Халил Султана, уже стоявшим у порога Бухары. А царевичи, Улугбек в их числе, и эмиры, которым удалось спасти свои головы, выскочили на конях из ворот Таллигач и пустились вскачь. Люди Халил Султана преследовали их до самого Каракуля, затем отстали и повернули коней назад. И тем не менее беглецы ехали только ночами, днем же прятались в укромных местах. Они несколько дней таились в маленькой, но довольно прочной крепости Келиф, начальника которой заставили повиноваться себе. Улугбеку и его спутникам было опасно и страшно оставаться далее в Мавераннахре. На третий день после прибытия в Келиф они с помощью смотрителя переправились на другой берег Джейхуна...

Шахрух безмерно обрадовался встрече со своими сыновьями, с которыми пребывал в разлуке уже семь лет. Шейху Нуриддину за оказанные немалые услуги были пожалованы драгоценные одежды, из конюшни Шахруха ему был подарен и аргамак. Не менее щедро был награжден и Шахмалик, к тому же он вновь назначен аталыком — наставником Улугбека.

Утрата Самарканда была горька для Шахруха. Но что он мог поделать? В ту пору он был бессилен идти походом на Мавераннахр и померяться силами с Халил Султаном. На то были серьезные причины. Во-первых, Халил Султан широко открыл для эмиров и военачальников двери казны, за счет которой он умножил число своих сторонников, а также сколотил довольно большое войско. «... Султанзаде Халилулло, — писал Давлатшах Самарканди, — широко распахнул двери казны, накопленной в годы правления эмира Тимура. Будто дождь рубиновых сокровищ Бадахшана и жемчугов океана лился на головы войска и всех служилых людей... Огромные богатства, добытые властелином посредством своей острой сабли, Халил Султан тратил теперь мешками...»

Кроме того, было беспокойно в самом Хорасане. Почти каждый день в Герат прибывали со всех сторон тревожные вести: в Сеистане подняли мятеж феодальные правители Шах Али, Кутбиддин и Шах Джелалиддин, в Балхе — Пирмухаммад Султан, сын мирзы Умаршейха. Они жаждали отделения. Ко всему, именно в этот момент Халил Султан уже занял Термез. Пришлось пойти на переговоры с ним, на которых сторону Халил Султана представляли Шамсиддин Аббас и эмир Аргуншах, а Шахруха — эмиры Шахмалик и Абдусмад. После долгих споров и препирательств пришли к такому соглашению:

Халил Султан отправит в Балх, к Пирмухаммад Султану, удерживаемых в Самарканде в качестве заложников его вдову Ханика-бегим (она в 1404 году была выдана за Пирмухаммад Султана, устроившего в честь этого пышные пиры и празднества), всех ее слуг и казну. Этим самым Шахрух надеялся умиротворить Пирмухаммада. И еще Халил Султан дал обязательство, что он в полной сохранности отправит в хранилища Шахруха казну Мирзо Улугбека и Ибрахим Султана, захваченные в Бухаре. В свою очередь Шахрух признавал: «Вилайеты по ту сторону Джейхуна есть владения Халил Султана».

Увы, ни одна из сторон не последовала условиям договора. И Халил Султан, и Шахрух по-прежнему наращивали свои силы. Кроме того, у первого были влиятельные сторонники, особенно Мираншах, который, намереваясь оказать помощь Халил Султану, направился со своим сыном Абубакром из Азербайджана в Хорасан. В это же время эмир Сулейман Шейх поднял мятеж в Келате. В этих обстоятельствах Шахрух принял все необходимые меры, чтобы не пропустить Мираншаха в Хорасан. Двинувшись навстречу ему в направлении стратегически важных Келата и Туса, остановился у Машхада. Послав далее против Мираншаха военачальника Саидходжу, сам Шахрух взялся за ликвидацию мятежа Сулейман Шейха в Келате. Поначалу он вступил в переговоры с ним, но они оказались бесплодными. Сулейман Шейх поставил тяжелые условия перед послами Шахруха — Абдусамадом и ходжой Сайфуддином.

«Хакану надлежит удалить Шейха Нуриддина из дворца, а Нуширван-барласа — покарать. Только после этого мы подчинимся ему», — такой ответ дал Сулейман Шейх, который, преследуя свои далеко идущие цели, опасался роста влияния этих двух эмиров во дворце Шахруха, да и его самого тоже. Шахрух послал против него войска в Келат. Но Сулейман Шейх, увильнув от открытого боя, ушел в направлении Самарканда.

Удача сопутствовала и далее. Хасан-Суфи-тархан, Джалалиддин Фирузшах и эмир Джахан Малик, посланные в Тус на помощь Саидходже, принесли весть: «Мираншах, дойдя до местности Семнан, остановился тут и, снова повернув назад, ушел в Азербайджан». Вот теперь Шахрух мог снова ввязаться в борьбу с Халил Султаном. В первую очередь, чтобы укрепить крепости Андхуд и Шибирган, имевшие большое военно-политическое значение, послал туда Улугбека и Шахмалика, которые получили

также указание, действуя совместно с хокимом Балха Пирмухаммад Султаном, готовиться к очередной схватке с Халил Султаном...

Наступил месяц мизан 1405 года, самая пора спелости винограда. Улугбек обосновался со своими людьми в кишлаке Ситара, неподалеку от крепости Шибирган. Он прибыл сюда для наблюдения за военными занятиями своих джигитов.

На следующий день, ко времени завтрака, один из стражников принес Улугбеку весть, что вчера, ближе к полуночи, прибыл из Самарканда большой караван, который доставил сюда и каких-то женщин знатного происхождения. Улугбек призвал ясавулбаши и велел ему срочно расспросить насчет этого каравана. Ясавулбаши отсутствовал недолго, вернувшись же, доложил:

— Мой мирза, этот караван из Самарканда направляется в вилайет Балх. Судя по словам смотрителя каравансарая, среди людей каравана действительно есть две женщины в паранджах. Весь народ каравана, от караванбаши до проводников, в обращении с ними проявляют исключительную почтительность...

Услышав это, Улугбек невольно заволновался. Не произнеся ни слова, он поднялся с места и направился в сторону каравансарая у базара. Оказывается, стражник и в самом деле принес благою весть. Одной из этих высородных женщин оказалась Угай-бегим, на которой около года назад женили Улугбека. Вторая же была дочерью Кайхусрава махди улё Рукия-бегим. Она сопровождала Угай-бегим. Юный царевич почти по-детски тосковал по жене. Очень желал, чтобы она была с ним. Но обстоятельства не позволяли. Не спокойно было, а к тому же Улугбеку, чрезвычайно занятому делами, часто было не до нее. Пришлось расстаться, Угай-бегим последовала с караваном далее, в Балх.

В этот самый месяц мизан обе стороны — и Шахрух, и Халил Султан, прилагая всевозможные усилия, готовились к решающему сражению. Шахрух, передвинувшись из Герата в Сарахс, начал собирать в округе все свои силы. На левом берегу Джейхуна Улугбек и Шахмалик, выполняя соответствующий приказ падишаха, велели доставить пятьсот лодок, стоявших на разных переправах. Привязав их друг к другу цепями, соорудили мост. Согласно замыслу Шахруха, объединенные силы Улугбека и Пирмухаммад Джехангира, окончательно привлеченного на сторону Шахруха, перейдя в ближайшем будущем через этот мост,

должны были решить спор с Халил Султаном, войско которого стояло наготове на правом берегу.

Стороны, чтобы выиграть время, снова приступили к переговорам. Шахрух вновь признал в качестве правителя Мавераннахра Халил Султана, а он обещал вернуть выделенную еще Тимуром казну Шахруха, которая и поныне хранилась в Кок-сараяе в руках казначея Шейха Умара. Но и на этот раз Халил Султан не сдержал своего обещания. Казну не вернул, более того — предпринял попытку покушения на жизни эмиров Абдусамада, Пакана-бахши и мухрара Фасих Ахмад Хавафи, посланных Шахрухом в Самарканд за казной. Халил Султан сначала встретил их с распростертыми объятиями, каждый день устраивал в их честь богатые угощения. На третий день посланники Шахруха были одарены златоткаными чапанами, дорогими саблями и кинжалами, быстроногими конями, рассчитанными для улака. В их честь в Регистане устроили большое празднество с фейерверками...

Когда пир был в разгаре, а многие уже навеселе, Халил Султан незаметно поднялся со своего места и прошел в укромную комнату. Через мгновение вслед за ним вошел и Иса-каучин.

Халил Султан знаком велел ему сесть, затем без дальних слов коротко сказал:

— Надо кончать с ними в эту же ночь...

— Подходяще, ваше величество, — Иса-каучин поднялся и, почтительно сложив руки, поклонился.

Халил Султан снова прошел в гостиную и, чрезвычайно довольный всем происходящим тут, приложил обе руки к груди:

— Да простят мне господа! Я вынужден был оставить вас, дорогие, на несколько мгновений. Отдал кое-какие распоряжения ради продолжения нашего празднества...

За все дальнейшее Халил Султан не беспокоился, ибо Иса-каучин в подобных делах был непревзойденный мастер.

Эмир Абдусамад и его спутники в какое-то мгновение вдруг почувствовали, что замышляется что-то коварное. Пока Халил Султан читал послание своего дяди, на его лице не замечалось ни волнения, ни беспокойства, ни тревоги. Когда же принялся за письмо Улугбека, голос его внезапно, будто даже против его воли, задрожал, брови насупились. Да, письмо было написано в довольно суровых и даже несколько язвительных выражениях. Было от чего насупиться ему. Особенно сильно задела Халил Султана слова: «Разве когда были сказаны властелином слова

«вместе с троном мы завещаем государство Халил Султану?» Задеть-то задели, но в присутствии послов он счел за лучшее взять себя в руки.

Во время пира Халил Султан выказывал всяческое уважение, милость и расположение к послам Шахруха. Слащавы были речи и эмиров, церемонны и предупредительны слуги! Но эмир Абдусамад и его спутники сделали верные выводы...

В тот же день после угощения послы Шахруха не вернулись в свою резиденцию. Когда отъехали на полверсты от Баг-и чинара, как договорились заранее, действуя молниеносно, покончили с двумя ясавулами, которые сопровождали их, затем стремительно повернули коней в сторону Тахта-карачи.

«Мы,— вспоминал Фасих Ахмад Хавафи,— две ночи и день скакали, нигде не останавливаясь и, наконец, на третий день переправились живыми-здоровыми через Джейхун, затем благополучно прибыли в высшую ставку — в резиденцию нашего властелина, находившуюся тогда в Ходжа-лукка — в одном из кишлаков Андхуда».

В феврале 1406 года начались военные действия. Войска Пирмухаммад Джехангира и Мирзо Улугбека во главе с Шахмаликом перешли Джейхун и захватили Термез. Не встретив сопротивления, они завладели Гузаром, Шахрисабзом и двинулись в направлении Карши. Эти легкие победы, видимо, вскружили голову даже такому опытному военачальнику, как Шахмалик. Сам того не заметив, он утратил бдительность. На всем протяжении пути не только эмиры, но даже рядовые воины делали то, что заблагорассудится их душе: на одном привале затевали охоту, на другом — предавались увеселениям. Халил Султан умело воспользовался всем этим. Собрав все свои наличные силы в окрестностях Карши, тщательно готовился к сражению. За берега Джейхуна он был спокоен. Там у него было достаточно сил, способных преградить путь любому войску, пожелавшему переправиться с того берега. К тому же силы, оставленные Халил Султаном в засадах на берегу Джейхуна, вполне могли разрушить мост, сооруженный воинами Улугбека и Пирмухаммад Джехангира. Но пока что на этот счет ими был получен приказ: «Мост не трогать, оставить целым, так он мог пригодиться самому Халил Султану».

2-го числа месяца рамазан 807 года (21 февраля 1406 года) на невысоком плато Маймург, расположенном недалеко от Карши, произошло крупное сражение. Арлаты

Пирмухаммад Джехангира, находившиеся в гуле, не выдержав удара, бежали с поля боя. Это стало предвестником беды. После гула пришли в расстройство джавангары и барангары. А пешие воины пустились бежать куда глаза глядят. Очень скоро пошли на попятную также Улугбек и эмиры. Пирмухаммад Джехангир, бросив полностью угрук, бежал в Балх, а Улугбек и Шахмалик, переправившись через Джейхун, попрятались за крепкими стенами крепости Андхуд. Эмиры Халил Султана преследовали их до самой середины моста, сооруженного через Джейхун. К счастью, именно в этот момент Шахрух находился в Сарахсе, а значительная часть его войска сосредоточилась на левом берегу реки вокруг этого самого моста. Не будь этого, неизвестно что стало бы с Пирмухаммад Джехангиром, Улугбеком и Шахмаликом.

И снова Шахрух вынужден был вступить в переговоры с Халил Султаном при обстоятельствах, крайне невыгодных для себя, ибо вновь Хорасан охватила смута и отказались повиноваться Шахруху эмир Саидходжа, владевший Тусом и Мешхедом, кара-татары в Кермине, сын Мираншаха мирза Умар в Азербайджане. Охватила смута и вилайет Гур. Шахрух вынужден был срочно вернуться в Герат. А Улугбек и Шахмалик, в соответствии с указанием падишаха, задержались в Бадхизе.

Поход против эмира Саидходжи, в котором участвовали Улугбек и Шахмалик, начался 23-го дня месяца зулхиджжа 808 года (13 июня 1406 года). Бои и стычки продолжались до месяца сафар 809 года (август 1406 года). Эмир Саидходжа, покинув Тус и Мешхед, бежал сначала в Астрабад, где объединился с Пир Падишахом. Преследовавший его Шахрух 9-го числа месяца сафар (26 августа 1406 года) через Хабушан направился в сторону Астрабада. Саидходжа, бежав, заперся в крепости Келат. Но Шахрух вытеснил Саидходжу из Келата. Тот в отчаянии бежал в Мазандаран и там снова слился с Пир Падишахом. Войска мятежников и Шахруха столкнулись в местности Сяхбилад возле Астрабада. В этом сражении правым крылом войск Шахруха командовали Улугбек, Шахмалик и эмир Муса. Мятежники потерпели поражение. Пир Падишах исчез, а Саидходжа бежал в сторону Ширази. В честь одержанных побед Шахрух отдал Мазандаран мирзе Умару, дабы привлечь его на свою сторону. Но, как показал ход дальнейших событий, мирза Умар оказался не менее коварен, чем другие тимуриды-царевичи и

влиятельные эмиры в Балхе и Сеистане, Хорасане и Азербайджане, по-прежнему поднимавшие мятеж один за другим. Поэтому в 1407—1409 годах Шахрух и Улугбек не смогли осуществить своих намерений по освобождению Мавераннахра от господства Халил Султана. Престол эмира Тимура все еще оставался для них недостижимой мечтой, которую отдалил очередной, особенно жестокий мятеж в Балхе.

В полночь 14-го дня месяца рамазан 809 года (22 февраля 1407 года) группа заговорщиков во главе с Пир Али Тазом ворвалась в большой арк Балха, убила стражников, а затем порубила спавшего Пирмухаммад Джехангира, его жен и слуг. Весть об этом страшном событии распространилась повсюду с быстротой молнии и ввергла людей в ужас. Хокимы городов, относящихся к вилайету Балха, бежали один за другим, в их числе и эмирзаде Сиди Ахмад, владевший Шибирганом. Покинув улус, он бежал в Герат. Очень скоро обнаружилось намерения Пир Али Таза. В марте месяце он двинулся к берегу Джейхуна, разбил там военные отряды арлатских эмиров, охранявших берег, затем установил связь с эмирами Халил Султана, которые стояли со своим войском на правом берегу реки.

Шахрух, как только услышал о страшных событиях в Балхе, сразу же отправился с войском для подавления мятежа Пир Али Таза, но продвинуться далее Кизилрабата ему не удалось, ибо гонец доставил неприятные вести из Гура и Астрабада. В Гуре поднял мятеж Малик Испахбед Гури. Вновь вышел из повиновения эмирзаде мирза Умар, устремившийся в сторону Астрабада. В этой ситуации Шахрух вынужден был вернуться в Герат, ибо самая большая опасность грозила теперь со стороны мирзы Умара, который, захватив Астрабад, мог прямо угрожать Герату — столице его государства Хорасан. Поэтому он, послав войско в Гур, возглавляемое Хасан Джандаром и эмиром Джахан Маликом, сам же в 13-й день месяца шаввал (24 марта 1407 года) двинулся в сторону Джама, где должно было собраться все его войско.

Из Туса в Джам прибыли Улугбек и Шахмалик. Рядом с кишлаком Хусравджирд произошло ожесточенное сражение. Удача сопутствовала Шахруху. Войско мирзы Умара было разбито, сам он был тяжело ранен. Воины вынесли его с поля боя и бежали в направлении Мургаба. Они намеревались любым путем переправить шахзаде через Джейхун и вручить его Халил Султану. Но на берегу реки Мургаб их схватили люди эмира Музраба, враждебно настроенного к ним. Приближенные мирзы Умара тут

же были зарублены, а его самого, тяжелораненого, погружив на паланкин, отправили в Герат. До конечного пункта его не удалось доставить. По пути он скончался. Это произошло 25-го числа месяца зулкаада (4 мая 1407 года).

В месяце раби ул-аввал 810 года (в августе 1407 года) предводитель туркменской династии Кара-коюнлу Кара Юсуф отвоевал у Мираншаха и мирзы Абубакра большую часть Азербайджана вместе с Тебризом. 24-го числа месяца зулкаада (22 апреля 1408 года) в местности Шанби Газани у Тебриза произошло ожесточенное сражение, в котором Мираншах погиб. После этого туркмены изгнали тимуридов из Азербайджана и Ирака. Скоро была утрачена и Султания. Шахрух, все еще связанный по рукам и ногам Халил Султаном, Пир Али Тазом и мятежами, происходившими в вилайете Гур, не смог вмешаться в события, происходившие в Азербайджане и Ираке, дабы оказать помощь своему брату и племянникам.

Зиму 1408 года Шахрух провел в Серахсе. Его мысли более всего занимал Халил Султан. Неизбежна была решительная схватка с ним, захватившим Самарканд, с чем никогда и ни за что не мог смириться он, Шахрух, самый влиятельный и могущественный среди тимуридов, не без оснований прочивший своего сына Улугбека главным претендентом на самаркандский престол. Но с этим не соглашались другие тимуриды, и прежде всего Халил Султан, достаточно влиятельный и могущественный, считающий себя наиболее достойным самаркандского престола. Спор между ними могла решить только война, к чему и готовились обе стороны.

Базары и караван-сарай Термеза, Кеша, Насифа, Бухары и Самарканда заполнили сыщики Шахруха, переодетые под торговцев и каландаров. Они старательно собирали сведения, тайно и пристально интересовались отношением народа к Халил Султану, его эмирам и чиновникам. Шахрух вынужден был ограничиваться разведкой, ибо в обширных пространствах его хорасанских владений все еще вспыхивали мятежи...

В Балхе разгуливал главарь убийц Пир Али Таз. Шахрух, решив покончить с ним, провел совещание с эмирами, визирями, улемами и со всей остальной знатью. 19-го числа месяца мухаррам (15 июня 1408 года) он отправился походом на Балх, но Пир Али Таз бежал в сторону Бадахшана. Эмирзаде Сиди Ахмад, Ядгаршах-орлот, Нуширван-барлас и другие эмиры Шахруха гнались за ним по пятам, но не смогли настигнуть. Пир Али Таз точно сквозь

землю провалился, исчез. Его гарем, нукеры и казна достались эмирам Шахруха. Падишах, пожаловав вилайет Балх двенадцатилетнему сыну покойного Пирмухаммад Джехангира мирзе Кайду, Шибирган в качестве сургала эмиру Саидходже, 12-го числа месяца раби ул-сани (16 сентября 1408 года) вернулся в столицу.

Прошло немного времени и пришлось снаряжать войско в Джурджан. Тому снова стал причиной мятеж Пир Падишаха. Этот человек, занимавший влиятельное положение среди знатных эмиров, опираясь на кочевые племена — джани курбани и тукали, поднял оружие против мирзы Улугбека и осадил Астрабад. Ко всему прочему, в Хорасане случился недород. Сахиб ходжа Гиясиддин, обложив народ дополнительными налогами и штрафами, обрек его на страдания и лишения. В результате и среди народа, и среди войска началось брожение. Всем этим воспользовалась группа эмиров, враждебно настроенных к Шахруху, — Хасан Джандар, Юсуф Халил, Саодат Темирташ и визирь Джахан Малик. Они организовали заговор против Шахруха. Но Шахрух, опередив заговорщиков, беспощадно расправился с ними.

А между тем мятежник Пир Падишах продолжал угрожать Астрабаду, окружив его своим войском. 18-го числа месяца джумоли ул-ахир (10 ноября 1408 года) Шахрух выступил походом на Мазандаран. К нему присоединились Шахмалик и Улугбек.

Когда достигли местности Хаджиян, Шахрух остановился в чарбаге, принадлежавшем местному хокиму. Улугбек и Шахмалик, устроив своих воинов, отправились в чарбаг, чтобы по принятому обычаю засвидетельствовать свое почтение Шахруху.

Падишах, беседа о чем-то с Фасих Ахмадом Хавафи, восседал на устланном шелковыми одеялами помосте — возвышении внутри великолепной беседки с зеркальными стенами с трех сторон. У двери с открытой четвертой стороны стоял эшик-ага — дверной страж. Весь обращенный в слух и зрение, он не сводил взгляда с повелителя, готовый по малейшему мановению его бровей исполнить любой приказ. Чуть поодаль стояли наготове вооруженные стражники, окружившие беседку с трех сторон... Каравул-беги широко распахнул массивные узорчатые двери. Неспешно и с достоинством вошли Улугбек и его наставник Шахмалик.

Каравул-беги громко обратился к эшик-ага:

— К их величеству падишаху пожаловали царевич

Улугбек и их наставник Шахмалик.

Падишах, издали узнав сына, поднялся. Двое из специальной стражи, находившейся рядом, стремительно взбежали наверх и поддержали падишаха с двух сторон, когда он спускался вниз... Отец и сын обнялись, затем один за другим поднялись наверх. За ними поднялся и Шахмалик. Они некоторое время беседовали за дастарханом. Когда улеглось волнение от первых мгновений встречи, падишах поделился только что полученной новостью о бегстве Пир Падишаха.

— Этот кровожадный не решился на открытое сражение с нами,— произнес Шахрух.— Нам доставили весть о том, что он бежал в сторону Хорезма. Аллах велик! Ваш долг — не допустить теперь его возвращения в эти места.— Затем он обратился к Фасих Ахмаду: «Таксыр, подайте указ».

Мухрдар вытащил из складок чалмы сложенный вдвое лист бумаги, раскрыв, протянул падишаху. Шахрух же подал бумагу Улугбеку:

— Мы, мой мирза, решили осчастливить вас новой должностью — валиахда. Мазандаран, вновь усмирленный нами, мы жалуем вам!

Улугбек поднялся с места, взял высочайший указ из рук отца и с чувством признательности приложил к глазам, затем низко поклонился:

— Наша благодарность вам безгранична, ваше величество. Мы готовы на все, чтобы оправдать ваше высокое доверие.

Улугбек, опустившись на колени, поцеловал руки отца. В этот момент эшик-ага по знаку падишаха вынес златотканый чапан. Падишах сам накинул его на плечи Улугбека.

Улугбек заночевал в зеркальной беседке, рядом с отцом. Падишах скоро заснул. Улугбек же долго не мог сомкнуть глаз. Он предавался раздумьям: «Наш многочтимый отец властолюбив, тщеславен и крут, он требует исполнения его падишахской воли. Вот и Мазандаран дарован ему вовсе не даром, а за будущую и непременною победу над Пир Падишахом, еще не поверженным окончательно. Ведь не напрасно же отец сказал: «Наш долг — не допустить теперь его возвращения в эти места». Конечно же, он хотел сказать: «Ваш долг...» И слова эти обращены даже скорее не к нему, а к Шахмалику, на которого и ляжет вся тяжесть окончательного разгрома Пир Падишаха...»

Что ж, Шахмалику не привыкать. Такова традиционная роль воспитателей-военачальников при царевичах.

Не даром же Шахмалик считался одним из самых могущественных эмиров.

Так оно случилось и на этот раз. Благодаря полководческому дарованию Шахмалика, предпринятым им энергичным и умелым действиям, Пир Падишах вскоре был разбит окончательно. И уже на следующий день в честь победы, одержанной над Пир Падишахом, по всем вилайетам были разосланы фатх-наме — победные реляции, в которых имя Улугбека впервые было возвеличено титулом наввоб.

Всю осень 1408 года Шахрух был занят подавлением восстания, поднятого падишахом Кермине Султаном Увайси в союзе с хокимом Сеистана Шахом Кутбиддином. Война с мятежниками продолжалась месяца три и после кровопролитных сражений были заняты города Фарах, Ук, Дош и Зерех. В последний день месяца шаабан (17 января 1409 года) падишах возвратился в Герат.

Наконец-то Шахрух, наведя порядок в своем государстве, спокойный за свои тылы, мог взяться за главное дело — свержение Халил Султана. Он считал его временщиком, не имеющим права на самаркандский престол. После короткой и энергичной подготовки, полный веры в успех похода, Шахрух выступил на 5-й день месяца зулкаада 811 года (22 марта 1409 года). Оставив в Герате Ибрахим Султана и эмира Джелалиддина Фирзшаха, сам направился к Бадхизу, где стоял месяц, пополняя свое войско, обучая и закаляя его.

Прибыл из Туса и Улугбек, разумеется, тоже горевший желанием отправиться в поход на Мавераннахр; его столица Самарканд в грядущие годы должна была стать его судьбой — прекрасной и, увы, трагичной... Но все это было пока впереди...

Шахрух, действуя умело и энергично, как и положено в любой серьезной и большой войне, начал с разведки. Когда он обосновался в Бадхизе, его сыщики, посланные в Самарканд, принесли важные вести. Халил Султан стал пренебрегать государственными делами, большую часть времени проводил вместе с Зубайда-ал сани Шади Мулькага, прислушиваясь к ее советам и даже исполняя ее капризы. Якобы по ее пожеланию даже на пост великого визиря назначили некоего Бобо Турмуша — личность без роду и племени. А эмир Аллахдад, Худайдад Хусайни и эмир Аргуншах, вручивший ему ключи от Самарканда, теперь оказались в немилости. Но самое жуткое было то, что Халил Султан по настоянию Шади Мульк насиль-

но выдал замуж старших жен деда — Сарай Мульк-ханум и Тукал-ханум...

Халил Султана стали недолюбливать земледельцы, ремесленники, а также большинство мусульманского духовенства, в их числе видные представители влиятельного тариката накшбандиев — Мухаммад Парса и Мир Абдулаввал. Эмир Худайдад Хусайни, из-за ссоры с Халил Султаном уехавший в свое время в Моголистан, теперь умело воспользовался сложившимися обстоятельствами. Он вернулся, действуя энергично и изворотливо. При поддержке тех, кто был недоволен Халил Султаном, собрал значительное войско и овладел крепостями Ура-Тюбе и Шахрухия. Его успеху способствовало и то, что Аллахдад и Аргуншах, посланные против него Халил Султаном с трехтысячным войском, встретив Худайдада у Джизака, не вступили с ним в бой.

Худайдад, сохранивший свои силы, стремительно двинулся на Самарканд. В северо-восточной стороне, в окрестностях города Шираз, у берега Кухак-сая обе стороны схватились не на жизнь, а на смерть. Эмир Худайдад Хусайни одержал верх. Войско Халил Султана было разбито, сам он пленен. По словам Ибн Арабшаха, имел место сговор между Худайдадом и Аллахдадом. Самарканд перешел в руки эмира Худайдада. Это произошло в 13-й день месяца зулкаада 811 года (30 марта 1409 года).

Шахрух, собрав эмиров и всех влиятельных особ в верховную урду, провел совещание. Обсудили новую ситуацию. На 6-й день месяца зулхиджжа (22 апреля 1409 года) Шахрух во главе большого войска прибыл к берегу Джейхуна. Разнородное войско Худайдада, к тому же обессиленное жестоким сражением с Халил Султаном, вряд ли могло противостоять войску Шахруха, тем более Худайдад не обладал полководческим даром. Поэтому и прибыл представитель Худайдада Хусайни с посланием: «Если Хакан-саид дадут свое согласие на сдачу Самарканда в руки царевича Мухаммад Джехангира, то мы даем слово доставить в верховную урду их величества бахадура Халил Султана и его жену Шади Мульк». Мухаммад Джехангиру было всего двенадцать лет. Поэтому до его совершеннолетия право управлять государством переходило в руки наставника, самого Худайдада! Вряд ли это могло устроить Шахруха, поэтому он заметно пренебрежительно и вместе с тем дипломатично ответил представителю: «Мы воздерживаемся от соглашения. Решим по прибытии в Самарканд...» Но представителя задержали в верховной

урде. 8-го числа месяца зулхиджжа (24 апреля 1409 года) Шахрух, переправившись через Джейхун, пошел на Самарканд.

Когда достигли Кухитана, к Шахруху явился еще один представитель Худайдада Хусайни — Абдулла-ходжа. Он доставил Шади Мульк-бегим вместе с ее слугами. Шахрух и на этот раз отверг выдвинутое эмиром Худайдадом условие о передаче власти над Мавераннахром Мухаммад Джехангиру.

Худайдад Хусайни не смог удержать Самарканд. Шахрух и Улугбек, прибывшие в Хузар, получили весть о том, что он покинул столицу Мавераннахра и бежал в сторону Андижана, прихватив с собой Халил Султана.

У Работ-и ям Шахруха и Улугбека встретили влиятельнейшие представители знати Самарканда, возглавляемые эмирами Аллахдадом Аргуншахом и Мир Абдулаввалом. Вперед выступил эмир Аргуншах. Он держал в руках поднос, накрытый парчой алого цвета, на котором был ключ от городских ворот. Аргуншах приблизился к падишаху и его сыну, его ноги подкашивались. И как ни старался он взять себя в руки, это ему не удавалось. Низко согнувшись в поклоне, он протянул падишаху поднос. Шахрух видел перед собой человека, не единожды предававшего Улугбека. Он не мог не презирать этого человека, с которым не хотел бы ни знаться, ни общаться. Но при всем при этом перед ним в данное мгновение стоял поверженный враг, да еще в роли капитулянта — делегата. Шахрух не мог отказаться от ключа, символизировавшего его победу и торжество. Шахрух взял поднос с высокомерным и холодным выражением лица и передал его эмиру Хасану Джандару.

Эмир, опустившись на колени, хотел прикоснуться к подолю падишаха, но Шахрух резко вырвал из его рук подол. Аргуншах поднялся с колен и снова поклонился падишаху. В этот момент слуга принес поднос золота. Эмир взял и тут же хотел было осыпать этим золотом юного Улугбека. Но мирза отстранился и все золото рассыпалось. Аргуншах повалился к ногам мирзы. Улугбек, подражая отцу, убрал свои ноги подальше. Не этот ли предатель, не пустив его в город четыре года назад, обрек его на унижения и муки? Теперь же готов целовать его ноги. Какая низость! Почему земля не поглотит таких? Шахрух, догадавшись о переживаниях сына, утешил его:

— Не горюйте, мой мирза, такие лицемерные твари были и в прежние времена, есть и сейчас, вряд ли они переведутся и в будущем, ибо, увы, так создан мир...

Шахрух торжественно въехал в Самарканд. Это случилось 13 мая 1409 года. Эмир Аллахдад, Аргуншах, Шади Мульк и Бобо Турмуш были казнены.

Худайдад Хусайни бежал в Андижан и сдал там Халил Султана в руки своего сына эмира Абдухалика, а сам прибыл в Моголистан к Мухаммадхану, на помощь которого надеялся и который был хорошо осведомлен о последних событиях, происшедших в Мавераннахре. Мухаммадхан, уже однажды приютивший и выручивший его, поначалу сделал вид, что якобы ничего не знает и ни о чем не ведаёт. Он встретил эмира Худайдада, воздав должные почести. Устроил пир, зарезав двадцать баранов и десять коней. Ночью же, когда все заснули, ясаул прокрался в комнату Худайдада и перерезал ему горло. Мухаммадхан отослал его голову Шахруху вместе со своим послом.

Как ни значительны были одержанные победы, Шахрух не предавался иллюзиям. Тот же Худайдад Хусайни... хоть с ним было покончено, представляли опасность и его сторонники. К тому же жив был еще Халил Султан. И Шахрух, чтобы окончательно преломить ситуацию, разбить тайных и явных сторонников Худайдада Хусайни, а также захватить Халил Султана, двинулся с войском к берегам Сайхуна. Мирзо Улугбек был оставлен для защиты Самарканда. По пути войско разделилось на три части: эмирзаде Рустам, эмир Али-тархан. Шахмалик Нуширван-барлас вместе с передовыми частями были посланы в Шахрухию, эмирзаде Ахмад вместе со своим сподвижником мирзой Байкара, а также эмиры Султаншах-барлас и Хасан Суфи-тархан вместе с частью войска были отправлены в Ташкент. Сам Шахрух стал в Ура-Тюбе.

Но дело до войны не дошло. Халил Султан после казни Худайдада Хусайни очутился на воле. Бежав в маленькую крепость Ало, что находилась в Ходженте, укрылся там. Через некоторое время бежал в Отрар, но и там не смог собрать войска. В конце концов явился с повинной к Шахруху, который будто простив ему все, назначил Халил Султана хокимом вилайета Рей и отправил его туда. Но и там он не оставил его в покое. 7-го дня месяца зулкада (14 марта 1410 года) в Рей явился гонец Шахруха, вручивший Халил Султану приказ падишаха, в котором было сказано: «Мы предписываем шахзаде объявить подвластным ему племенам, что в сей момент из-за заговорщических действий Кара Юсуфа положение земледельческого люда Ирака и Азербайджана стало тяжелым. Мы

содеем великое благое дело, если отстраним руки заговорщиков от чистого подола мусульман. По воле Всевышнего мы поручаем это святое дело вашей могучей руке. Как только получите наше высочайшее повеление, собрав все войско, поднимите высоко знамя победы. Расправившись с этим нечестивцем, даруйте народу и стране покой и благоденствие». В приказе точно было указано количество войска, которое должен был собрать Халил Султан — не менее десяти тысяч. Выполнил ли Халил Султан приказ Шахруха или нет, неизвестно. Абдураззак Самарканди и Фасих Ахмад Хавафи сообщают о том, что Халил Султан умер в Рае 18-го дня месяца раджаб 814 года (6 ноября 1411 года)...

Перед тем как вернуться в Герат, Шахрух назначил Мирзо Улугбека хокимом Мавераннахра и Туркестана. До его совершеннолетия все управление улусом вручил «могущественной руке великого наввоба Мубаризиддина Шахмалика». Тогда же вилайет Хисари-Шадман был пожалован мирзе Мухаммад Джехангиру, вилайеты Балх и Бадахшан отданы Ибрахим Султану, Кабул и Кандагар — мирзе Кайду, а Фергана — сыну Умаршейха мирзе Амирак Ахмаду. Впоследствии и другие части государства, поделенные на улусы, были распределены между сыновьями, внуками и родичами Шахруха. Вилайеты Хабушан, Ниса Абивард со всеми их кишлаками были дарованы в качестве сюргала Байсункуру Мирзе, западные края Ирана, а также часть Ирака и Анжама — Султан Мухаммаду, вилайет Фарс — Абдулле Мирзе. Шахрух полагал, что таким образом управлять государством будет легче.

ЦЕНА ПАДИШАХСКОГО ВЕЛИЧИЯ

В месяц джумали ал-ахир 812 года (в августе 1409 года) Мирзо Улугбек был провозглашен хокимом Мавераннахра и Туркестана. Было ему всего пятнадцать лет. Ему досталось в наследство обширное государство в междуречье Амударьи и Сырдарьи, совпадающее с границами современного Узбекистана. Юношей он был возведен на трон, который в первые годы его царствования то и дело опасно качался под ним. Если он удержался на нем, то во многом благодаря своему опекуну-наставнику Шахмалику, влиятельному эмиру, проявившему себя как незаурядная личность.

Первые три года, пока Улугбек не достиг совершенно-

летия, дела управления государством находились в руках Шахмалика, с которым у юного царевича порой складывались довольно трудные взаимоотношения.

Во все периоды становления и упрочения узбекской государственности делу опекунов и наставничества над царевичем придавали особое значение, как сам правитель государства, так и его влиятельное окружение. Воспитание отпрыска царствующей династии приобретало общественную и общенародную значимость. Так благом или злом было наставничество Шахмалика для Улугбека, тем более, если учесть, что натуре Шахмалика, как политика, не чужды были вероломство и коварство.

В эпоху Улугбека исключительно жизненной и актуальной была идея централизованного государства, служащая интересам народа. Жизнь и деятельность Шахмалика убеждает, что именно этой идеей он руководствовался в качестве наставника и политического деятеля. Его действия в этом отношении, вызывая понимание и определенные симпатии к нему со стороны прогрессивных государственных деятелей в окружении Шахруха, вместе с тем настраивали против Шахмалика тех военачальников Мавераннахра, которые в угоду своему тщеславию вели дело к раздроблению и развалу государства. В борьбе с ними Шахмалик был неумолим. Тут он не считался ни с родством, ни с дружбой, мог покарать любого. И это особенно ярко и убедительно проявилось в его взаимоотношениях с Шейхом Нуриддином, человеком одного с ним сословия, социального происхождения и положения. До известной поры... Но пути их разошлись. В кризисную пору для государства, раздираемого распрями и междоусобными войнами, они находились по разным сторонам...

Шахмалик со временем был отстранен от наставничества, и произошло это довольно обидно и горько для его самолюбия как политика и человека. Однако он не затаил обиды. Примирившись с судьбой, не только терпеливо довольствовался второстепенной ролью в государственных делах, но и сохранил чувство преданности и признательности к своему воспитаннику, на что последний отвечал взаимностью.

Другое дело Шейх Нуриддин. Привитое ему аристократическое воспитание, предполагавшее по традиции развитое чувство нравственности и политической зрелости, обязывало его к сотрудничеству с Шахмаликом если не по душевному расположению, то хотя бы по благоразумному расчету, ради оказания моральной и политической поддержки Улугбеку,

представителю могущественной династии тимуридов, которому суждено было наследовать трон, как наиболее способному из числа молодых царевичей.

Но именно в этот момент стала обнаруживаться полная противоположность Шахмалику Шейха Нуриддина.

В 1411 году Шахрух отозвал Шахмалика из Мавераннахра в Герат и с той поры воля и власть Мирзо Улугбека должны были определять ход и направление дел в государстве. Шахрух не вмешивался в дела, связанные с благоустройством города, украшением его дворцами, мечетями, медресе и с научными занятиями Улугбека. Но дипломатические сношения с иностранными государствами и отношения с хокимами улусов он сохранил в своих руках. Вопросы внешней политики Мавераннахра, предварительно не согласовав с отцом, Улугбек также не имел права решать единолично. Да и не обнаруживал он особой склонности к этому. И, видимо, вовсе не потому, что не смог бы отстоять свою самостоятельность. Политика ряда молодых отпрысков тимуридов, правивших другими улусами и стремившихся к обособлению и усилению своей власти, приводила с одной стороны к обострению их отношений с Шахрухом, а с другой — к распрям, войнам между ними, что угрожало дальнейшим дроблением государства и было чрезвычайно опасной для его целостности и независимости. Улугбек, видевший все это и с годами все больше набиравшийся опыта, предпочитал обсуждать с отцом вопросы внутренней политики. Поступал так не потому, что был покорен. Он становился дальновиднее, да и уважение к отцу, доверие и любовь к нему также питали его миролюбие. Ко всему еще Улугбек, достигший совершеннолетия, умел ради благополучия и безопасности народа поступиться своим самолюбием и тщеславием.

Но мир вокруг него далеко не всегда отвечал ему взаимностью, наверное, не до конца понимал его и отец. Даже в его собственном дворце были люди, которые наблюдали за каждым его шагом. Они были людьми Шахруха и его властолюбивой жены Гавхаршад-бегим, матери Улугбека. Он не был свободен еще и потому, что время от времени должен был являться в Герат к отцу и отчитываться перед ним, часть пошлины посылать в его казну, а когда Шахрух отправлялся в поход — обязан был поставлять из Мавераннахра воинов, коней, оружие, скот, продовольствие.

По воле Шахруха его власть была ограничена только вилайетами Самарканд, Бухара и Насиф, а Фергана до самого Узгенда была отдана Амирак Ахмаду, вилайет

Хисар-и шадман мирзе Мухаммад Джехангиру. Туркестан же по сути был в руках Шейха Нуриддина. Разделять и властвовать Шахруху было удобнее и безопаснее, ибо любой из правителей, расширив свои владения, мог стать более могущественным, чем он сам, и потому представлять опасность для него. Шахрух, держа всех в подчинении, мог привлечь любого из них для подавления другого и тем самым укрепить свою единоличную власть.

Отличался среди них упрямством и непокорностью Шейх Нуриддин со своими сторонниками. В первые годы правления Улугбека он не признавал не только его, но даже самого Шахруха.

В государстве было неспокойно. Но это меньше всего волновало Нуриддина. Шейх не хотел довольствоваться даже Туркестаном. Заключив договор с хокимом Хисар-и шадмана мирзой Мухаммад Джехангиром, с хокимом вилайетов Янги и Сайрам эмиром Абдулхаликом, и с Чингиз-огланом, Нуриддин поднял мятеж против тимуридов. В середине апреля 1410 года одновременно двинулись на Самарканд против Улугбека Абдулхалик и Чингиз-оглан из Отрара, эмиры мирза Мухаммад Джехангира, Хамза и Мубашир из Хисар-и шадмана. На 15-й день месяца зулхиджжа (21 апреля 1410 года) в местности Кизил-рабат, расположенном на западной стороне Самарканда, произошло крупное сражение. Удача сопутствовала Шейху Нуриддину и его союзникам. Войско мирзы Улугбека и Шахмалика было разбито. Улугбек бежал в сторону Джейхуна к переправе Келиф, Шахмалик — в Кара-тепа, но не найдя там пристанища, скрылся в горах Алакарага, на подступах к Самарканду. Шейх Нуриддин послал вдогонку за Улугбеком отборную конницу Хасана, Тагая Бугани направил в Бухару, считая этот город важным опорным пунктом, а сам вместе с Чингиз-огланом пошел на Самарканд.

Они считали, что ключи от ворот города уже в их руках, поэтому с полной на то надеждой и уверенностью приблизились к воротам Шейхзаде. Но ни один человек не вышел их встретить. Не только ворота Шейхзаде, но и все остальные крепко были заперты изнутри. Шейх Нуриддин и Чингиз-оглан объехали ворота Феруза, Аханин, Чарраха — все безрезультатно. Что было делать? Для осады не хватало войска, уйти ни с чем — позорно. По обычаям того времени, захваченный город на три дня отдавался на разграбление войску. Шейх Нуриддин обнадежил в этом и Чингиз-оглана. Он не предвидел, что так неудачно

сложатся дела. Растерянный и униженный, невольно обратился к Чингиз-оглану и к его приближенным:

— Если вам угодно будет согласиться, не предпринять ли нам сейчас одно дело?

— Что за дело вы предложите теперь, господин эмир? — Чингиз-оглан с нескрываемой насмешкой уставился на Шейха Нуриддина.

— Не отправить ли нам посла для переговоров с правителями города, возможно, они отдадут его нам без сражения.

— Попробуйте, — Чингиз-оглан улыбнулся надменно.

Посол вернулся ни с чем. Влиятельные представители духовенства и знати ходжа Исамиддин, мавляна Салахиддин-кази, мавляна Кутбиддин, Мирак-данишманд, ходжа Фазлуллох Абуллайси и другие, руководимые шейхуль-исламом ходжой Камалиддином Абдуллавалом, возглавили оборону города. Они отвергли требования Шейха Нуриддина. Что было делать? По требованию Чингиз-оглана сам Шейх Нуриддин поехал к воротам Шейхзаде. Хоть ему и удалось на этот раз вступить в переговоры с Абдуллавалом, все равно из этого ничего не вышло. Словом, Чингиз-оглану пришлось примириться с неудачей, как удалось убедить его, что все другие города и крепости, кроме Термеза и Келифа, уже перешли в руки Шейха Нуриддина и его союзников, значит неотвратимо и падение Самарканда, — вот тогда Чингиз-оглан возьмет свое.

Худые вести о тяжелом положении Мавераннахра через пятнадцать дней, в последний день месяца зулхиджжа (5 мая 1410 года) достигли Герата. Шахрух немедленно отправил на помощь войско, возглавляемое эмирами Термеза и Келифа Музрабом, Таваккал-барласом, Ядгаршахарлатом и другими. В те дни он готовился идти походом на Ирак и Азербайджан, против эмира Кара Юсуфа. Но тщательно взвесив все, решил пока воздержаться и стал готовиться к походу на Мавераннахр.

Между тем Шейх Нуриддин послал на Термез и Келиф против Улугбека войско, предводительствуемое Чингиз-огланом, эмирами Абдулкаримом и Султан Баязидом. Но Музраб уже успел укрепить Термез, а Улугбек — Келиф. Эмиры Чингиз-оглана и Шейха Нуриддина почти каждый день атаквали крепости, но безуспешно. Отступали с большими потерями.

4-го числа месяца мухаррам 813 года (9 мая 1410 года)

Шахрух отправился в поход из Герата в направлении Джейхуна. Но судя по всему, он не особенно спешил. Пробыв в пути почти полтора месяца, он 21 июня 1410 года прибыл в Келиф, откуда, организовав переправу, перебрался на правый берег реки, видимо, намереваясь вступить в сражение с войском Нуриддина. Тот же из-за явного численного превосходства противника предпочел отступить — берег силы.

Подоспевшие к берегу Джейхуна Мирак Ахмад и Шахмалик присоединились со своими отрядами к войску Шахруха.

Между Шахрухом, с одной стороны, Шейхом Нуриддином и его сторонниками, с другой, 9-го числа месяца раби ул-аввал (12 июля 1410 года) произошло ожесточенное сражение у Кизил-рабата. В этом сражении Шейх Нуриддин и мирза Мухаммад Джехангир были разбиты. Шейх Нуриддин с остатками своих людей бежал в Сабран, мирза Мухаммад Джехангир — в Хиср-и шадман, а эмир Хамза и эмир Мубашшир, бросив все свое войско и оружие, ускакали в сторону Хисара. Абдулхалик сдался и предложил свои услуги Шахруху. Неизвестно куда бежал Чингизоглан...

Через два дня, 14 июля Шахрух вошел в Самарканд. Но он задержался тут ненадолго. Уже 30 июля он стремительно покинул его. Причиной этому стали события, происшедшие в Фарсе, — сыновья Умаршейха мирза Рустам и мирза Искандар, втянувшись в распри за Исфаган и Шираз, начали войну между собой. Теперь надо было как-то усмирять их. Незадолго до этого по его приказу эмир Шахмалик отправился с войском в направлении крепости Сабран против эмира Шейха Нуриддина, а эмир Музраб — в Хиср-и шадман, где укрепились Мухаммад Джехангир и Хамза-сулдуз.

Мирза Мухаммад Джехангир, у которого к этому времени начались раздоры с Шейхом Нуриддином, не стал сражаться с эмиром Музрабом. Он дал слово повиноваться далее Шахруху и сдержал свое слово, управляя от его имени Хиср-и шадманом. Но борьба с Шейхом Нуриддином оказалась нелегкой и длилась еще долго.

Поход против него начался 13-го числа месяца рамазан 813 года (10 января 1411 года). Командовать передовыми частями войск Самарканда было поручено эмиру Мусаака и Хамза-тархану, слывшими опытными военачальниками. Обстоятельство это, должно быть, заставило задуматься Шейха Нуриддина. И еще до того как войско Шах-

малика приблизилось к Сабрану, он отступил в сторону Моголистана. За этим его маневром могло что-то скрываться. Возможно поэтому Шахмалик не стал преследовать своего противника. Поручив Сабран и Ясси эмиру Абдухалику, недавно перешедшему на их сторону, сам вернулся в Самарканд. А перед возвращением он приказал Абдухалику:

— Когда наши войска покинут Сабран, Шейх Нуриддин, не исключено, вернется туда. Ты же устрой засаду, замани его в ловушку...

Абдухалик поступил так, как советовал ему Шахмалик. Шейх Нуриддин и в самом деле однажды ночью появился в окрестностях Сабрана, чем умело воспользовался Абдухалик, устроивший засаду. Шейх Нуриддин, лишившись своего войска, с горсткой своих джигитов бежал снова в сторону Моголистана.

Историк Абдураззак Самарканди писал: «Тогда Абдухалик мог даже поймать Шейха Нуриддина, но принял в расчет следующее соображение: «Если я с ним покончу, то эмир Шахмалик впоследствии возьмется и за меня». В то ночное сражение эмир Абдухалик получил большую добычу. Одних коней он захватил около десяти тысяч». После этого Абдухалик был назначен хокимом Туркестана.

Но по прошествии семнадцати дней эмир Абдухалик, заболев, внезапно скончался. Улугбек послал вместо него хокимом Туркестана сына эмира Дулдая Тимура Малика. Шейх Нуриддин, пока Тимур Малик не успел упрочить свое положение в качестве правителя Туркестана, вознамерился свалить его. С этой целью он явился к хану Моголистана Мухаммадхану и попросил у него помощи. Почти в это же время прибыли к Мухаммадхану посол Улугбека и Шахмалика. Мухаммадхан посчитался с просьбой Шейха Нуриддина, а посла Улугбека заточил в темницу.

Пятнадцатитысячное войско, во главе которого стал Шами Джахон, отправилось в поход и взяло в осаду Сабран. Вслед за ним вторгся в Туркестан со своим войском и Мухаммадхан.

Над небом Мавераннахра и Туркестана вновь стали сгущаться тучи. Улугбек отправил гонца в Герат, чтобы оповестить обо всем отца, а Шахмалик во главе большого войска двинулся на Туркестан. В последний день месяца раби ул-аввал 814 года (22 июля 1411 года) вышел с большим войском из Герата и Шахрух. Он прибыл в Чечекту. Здесь он стал, ибо продолжать поход не было нужды —

гонiec Улугбека принес вестъ: «Мухаммадхан, заключив договор с Шахмаликом, покинул Кулан-баши».

Об этом договоре в книгах, достойных нашего внимания, есть интересные сведения. Абдураззак Самарканди писал: «Мухаммадхан провел совещание с влиятельными особами государства. Повидавшие жизнь, многоопытные люди сказали: «К чему нам из-за Шейха Нуриддина враждовать с сильными и славными племенами, ведь неизвестно чем кончится эта война». Мухаммадхан послал своего посла Хафиза к эмиру Шахмалику, дабы он оповестил: «Прежде между нами не было никакой вражды, распря же возникла из-за коварных происков мерзостных корыстолюбцев. Нам следует дружить. Если же между вами и Шейхом Нуриддином возникнет распря, мы ни за что не станем защищать Шейха Нуриддина».

А распря не могла не возникнуть, ибо Шейх Нуриддин, будучи знатного происхождения, так сказать, одного рода и племени с теми великими эмирами, жажду власти которых могла прервать только смерть, обладал умом, волей и кипучей энергией, связями и богатством, необходимыми для привлечения сторонников. Поэтому его поражение не могло быть окончательным. После очередного поражения он вставал на ноги и вновь ввязывался в борьбу за власть. Так случилось и на этот раз. Проявив находчивость, хитрость и проворство, он с пятью сотнями воинов смог захватить крепость Сабран. Улугбеку снова пришлось взяться за оружие. Его войско начало сооружать мост через Сайхун. Но только взялись за это, как явился посол Шейха Нуриддина Рамазан-узбек и, вручив послание, сказал:

— Их высочество эмир не желают кровопролития, они хотят заключить мир и восстановить дружбу.

Рамазан-узбек протянул Шахмалику послание Шейха Нуриддина. Шахмалик внимательно прочитал послание, затем, снова сложив его, протянул стоявшему рядом лашкарнавису. Рамазан-узбек, почтительно сложив руки, ждал ответа. Шахмалик счел за лучшее сказать напрямик.

— Если Шейх Нуриддин воистину возжелали мира с нами, то пусть вернут нам Туман-ага, незаконно выданную за него, ее брата Шейха Хасана, а также сына Махмудшаха, близкого нам человека. Только после этого мы поверим в искренность ваших слов.

Шейха Нуриддина не устраивали выдвинутые условия и он всячески стал оттягивать дело заключения мира. Шахмалик окружил Сабран, но взять его не смог. Время шло, страдали как осаждавшие, так и осажденные. В такой

ситуации стороны снова вынуждены были вступить в переговоры. На этот раз решили встретиться сами эмиры, сопровождаемые двумя нукерами, чтобы поговорить с глазу на глаз. Но конечной целью каждого было захватить трон в Самарканде, а трон был один. Ни один не мог уступить другому. Один из них рано или поздно должен был убрать с дороги другого. Так оно и случилось. Перехитрил Шахмалик, использовавший для претворения в жизнь своего коварного замысла нукера Хиркадака. Абдураззак Самарканди описывает это событие так:

«Хиркадак по повелению Шахмалика, взявшийся доставить ему Шейха Нуриддина, явился к воротам крепости. Шейх Нуриддин находился за пределами ворот. Увидев Хиркадака, подозвал его к себе. Хиркадак подошел и несколько раз поклонился. Эмир Шейх Нуриддин, наклонившись с лошади, намеревался его обнять, но коварный Хиркадак обхватил эмира за стан и, дернув его изо всех сил, повалил с коня. В этот же момент Хиркадак, придавив его грудь коленом, выхватил из ножен саблю. Но подоспевший нукер Шейха Нуриддина бросился на Хиркадака и успел ударить саблей по его руке. Хиркадак, придавивший Шейха Нуриддина, с такой силой ударил саблей лошадь нукера, что оторвал ей губы. Лошадь, дико заржав, ускакала вместе с нукером, и тут-то Хиркадак замахнулся саблей над лицом Шейха Нуриддина, который попытался было схватить саблю. Но это не удалось. Удар сабли отсек ему пальцы, нос и половину черепа.

Шахмалик в некотором отдалении наблюдал за всем этим с холма. Хиркадак, подняв руки, сделал знак. И Шахмалик прискакал с двумя сотнями воинов отборной конницы. Хиркадак стоял, все еще придавив Шейха Нуриддина. Когда они подскакали, он поднялся с места и, отрубив голову Шейху Нуриддину, швырнул ее на слой пыли рядом».

Туркестан, приведенный к покорности, подчинился Улугбеку. И в этом, несомненно, была заслуга Шахмалика. Улугбек не мог не понимать этого и в глубине души отдавал ему должное, особенно когда с годами приобрел опыт государственного мужа, стал разумнее, мудрее.

Но глубокое понимание слов и поступков наставника пришло не сразу. В начале восхождения на трон царевича Улугбека их отношения порой сильно обострились.

С высоты все более возрастающего и все более поощряемого окружением чувства царского величия, пробуждения вкуса к власти, Улугбек чем дальше, тем сильнее испытывал желание решать государственные вопросы самолично,

особенно же когда ему исполнилось семнадцать лет. Но Шахмалик, как ему казалось, не считаясь с его правами и полномочиями, не допускал его близко к государственным делам. Даже когда Шахмалик вел переговоры с ханом Моголистана Мухаммадханом, ни разу не упомянул имени Улугбека, ведя переговоры от своего имени. Это сильно задевало самолюбие молодого правителя.

И вот однажды во время пребывания Шахруха в Чечекту Улугбек прислал к отцу своего нукера Малика-ясавула, который доложил Шахруху об усилившихся в последнее время раздорах между ним и Шахмаликом. Прежде, когда случалось подобное, Шахрух ограничивался советами и увещаниями. Теперь он видел — этим не обойтись. Жалоб становилось все больше, последняя была особенно тревожной. Поэтому, чтобы проверить их, Шахрух вынужден был послать в Самарканд эмира Саида Али-тархана. Тот после двухнедельного пребывания там, вернувшись, доложил свой вывод, который замечателен своей объективностью, какой-то беспощадной смелостью выводов, опровергающих бытующее традиционное представление о выдающихся узбекских правителях, как якобы нетерпимых к мнению даже близкого окружения. Выводы свидетельствуют как раз об обратном.

Им можно было говорить правду, подчас горькую, если даже она касалась их отпрысков-царевичей, которые, естественно, еще не набравшись жизненного и политического опыта, зачастую склонны были в действиях своих наставников, руководствовавшихся прежде всего интересами государства, усматривать ущемление их прав и достоинств. Что же касается Улугбека, то он в своих притязаниях к наставнику все-таки знал меру и не был злопамятен. Более того, в дальнейшем, в годы своего уже полноправного пребывания у власти, он при каждом удобном случае выражал чувства благодарности и почтения к своему бывшему наставнику. Ну а пока, когда ему было всего семнадцать, он обнаруживал порой простительную для его возраста слабость и неопытность. Именно обо всем этом и было доложено Шахруху.

Шахрух, поразмыслив над сложившимися обстоятельствами, затревожился. Что делать? Шахмалик и в самом деле, кажется, превышает свои полномочия. Не понравилось падишаху коварство, проявленное им в Сабране. Неужто нельзя было избавиться от Шейха Нуриддина другим путем? Ведь у него много сторонников в Туркестане! Кроме всего прочего, города Сабрана и Янги находятся в руках его

младшего брата Шейха Хасана! Почему Шахмалик, не подумав обо всем этом, поступил так опрометчиво? Теперь каким бы то ни было путем надо было как-то ублажить обиженные души сыновей, родственников и сторонников Шейха Нуриддина. Что ж, придется лишить Шахмалика всех его полномочий в Мавераннахре.

Осенью 1411 года Шахрух посетил Мавераннахр. Когда отец и сын остались наедине в саду Баг-и дилкушод Канигада, Улугбек поделился своими сомнениями относительно Шахмалика. И судя по всему, теперь Шахрух должен был посчитаться с пожеланиями и требованиями сына. Этим самым он намеревался, как говорится, убить двух зайцев. Во-первых, удовлетворить желания Улугбека и поддерживавших его влиятельных особ государства, во-вторых, утешить души близких Шейха Нуриддина.

— Если, мой мирза, таково ваше желание, то мы назначим господину Шахмалику другую службу.

— Благодарю за вашу несравненную милость, атаджан, этим самым вы воцаряете мир и спокойствие во всем Мавераннахре.

Улугбек поднялся и низко поклонился отцу. Шахрух вызвал Шахмалика.

Когда тот явился, Шахрух пригласил его в специальную потайную комнату — хонаихос. Как только вошел эмир, Улугбек, испросив у отца разрешения, вышел и сел на расположенное неподалеку сури под яблоней...

Долго пребывали наедине Шахрух и Шахмалик. Наконец эмир вышел. Судя по всему, разговор с падишахом был не из приятных — он был бледен и хмур. Проходя мимо Улугбека, только слегка кивнул ему головой. Он явно был обижен на Улугбека. «Столько услуг оказал ему, а он вот таким неблагодарным оказался», — можно было прочесть в его взгляде.

Шахрух, возвращаясь из Самарканда, взял с собой в Хорасан эмира Шахмалика, который в дальнейшем примерно года два жил в Герате. Но уже в 1413 году, то есть через каких-нибудь два года после казни им Шейха Нуриддина, был возвращен в круг избранной правящей элиты и назначен хокимом Хорезма, которым успешно управлял до самой своей смерти, последовавшей в январе 1426 года. И потомки Шахмалика пребывали на больших и маленьких должностях. Его сын Нурсайдбек служил сперва Улугбеку, затем Султану Абу Саиду, а внуку Шахмалика, известному поэту Мухаммаду Солиху, покровительствовали Султан Хусейн-мирза и Шейбанихан.

Опала Шахмалика была вынужденной и недолгой. Шахмалик своей общественно-политической деятельностью в целом активно, находчиво и смело поддерживал прогрессивные устремления тимуридов. При некотором взаимном раздражении, возникавшем порой между могущественным эмиром-наставником и царевичем, в целом хоть сколько-нибудь осознанной вражды и неприязни между ними не было. Более того, их распри зачастую были скорее поверхностными, а внутреннее понимание и духовное тяготение искренними. Роль Шахмалика как единомышленника и союзника Улугбека и Шахруха была огромной для становления и упрочения централизованного узбекского государства.

Шахрух, возвращаясь из Мавераннахра, взял с собой в Хорасан и Туман-ага, которую в свое время Халил Султан выдал за Шейха Нуриддина. В качестве суюргала он пожаловал ей Каусию, относившуюся к вилайету Джам.

Таким образом, к 1411 году расположенные на правом берегу Сайхуна города: Ясси, Сабран, Сайрам, Янги и Ташкент снова были присоединены к государству тимуридов, управление ими было возложено на Улугбека. А Фергана и Хиср-и шадман еще некоторое время сохраняли свою самостоятельность. Этот богатый и важный в военно-политическом отношении край, начиная с 1409 года, был в руках Амирак Ахмада. Улугбек хотел установить свое господство над этой областью. Не устранив Амирак Ахмада, добиться этого было невозможно. С этой целью он послал в Андижан посла, который пригласил Амирак Ахмада в Самарканд «на один важный совет». Но Амирак Ахмад под разными предложениями уклонялся, гонец вернулся ни с чем.

Не прошло и месяца, как из Самарканда снова прибыл посол точно с таким же приглашением. Понять истинные намерения Улугбека не представляло труда. Поэтому Амирак Ахмад без обиняков заявил послу Улугбека: «Нрав мирзы Улугбека внушает мне опасения, по сей причине я не могу явиться к нему, но мы признаем их власть над собой». Улугбек снова послал человека в Андижан. На этот раз в качестве посла был Баязид-парваначи, один из уважаемых людей Самарканда. Вместе с дарами он вручил Амирак Ахмаду послание, полное уверенций в дружеском расположении Улугбека. Оно заканчивалось словами: «Их, Баязида-парваначи, слова — это наши слова, какие будут условия у мирзы, мы примем их с готовностью. Ваше согласие на мирное соглашение мы клятвенно подкрепим со своей стороны». Амирак Ахмад ответил: «Пока от властелина

мира, нашего покровителя Шахруха не будет соизволения, мы не можем покинуть Фергану». Так безрезультатно закончилась миссия Баязида-парваначи.

Теперь не оставалось другого выхода, как применить оружие. Улугбек в 817 (1414) году вместе с большим войском, возглавляемом эмирами Муса-ака, Мухаммад Табаном и эмиром Али, двинулся на Фергану. Амирак Ахмад, понимавший, что с такой силой ему не совладать, отдал Андижан и Ахси в руки эмиров, сам же бежал в сторону Оша, а оттуда — в Кашгар. Улугбек занял эти города. Затем, оставив в Ахси эмира Поянда-бакаула, а в Андижане эмиров Муса-ака и Мухаммад Табана, сам вернулся в Самарканд.

Прошло немного времени, и Амирак Ахмад, опираясь на поддержку от хокима Кашгара, вернул себе Фергану. В решающем сражении, происшедшем под Ошем, Амирак Ахмад разбил войско эмиров Улугбека. Эмиры Муса-ака, Мухаммад-табан и Али были убиты.

О событиях, происшедших в Фергане, Шахрух узнал в дни, когда был занят осадой Исфагана. Эту страшную весть доставил нукер Улугбека Шайхуни-караунас. Горько было Шахруху лишиться таких знатных эмиров, ставших шахидами. До чего же опрометчиво поступил сын! Хотел он немедленно отправиться и наказать Амирак Ахмада, но руки его сейчас были связаны. Поэтому отослал с послом такой короткий ответ:

«В эти мгновения наивысшей целью являются наши дела в Ираке. Только освободившись от них и благополучно вернувшись к порогу нашей столицы, мы, иншоолло, обратим наши помыслы на Фергану».

Улугбеку было ясно — отец сейчас войсками не может помочь. Занят делами в Ираке. Улугбек не отказался от мысли покончить с Амирак Ахмадом и покорить Фергану, но в этот раз он решил лично встретиться с отцом. С этой целью 12-го числа месяца рамазан 817 года (25 ноября 1414 года) явился в Герат. Приложил много усилий, но уговорить отца не удалось, более того, не получил даже разрешения вернуться назад. Наверное, Шахрух поступил так, чтобы «несколько образумить сына». Примерно в середине месяца зулхиджжа (26 февраля 1415 года) отец и сын прибыли на охоту в Серахс. И тут Улугбек не раз пытался заговорить с отцом относительно Ферганы и Амирак Ахмада, но падишах не произносил ни слова. И только несколько позже Шахрух разрешил своему сыну вернуться в Мавераннахр, но насчет Ферганы не сказал ни «да», ни «нет».

Улугбек растолковал это по-своему. Молчание — знак согласия.

Амирак Ахмад снова бежал в Кашгар. Войско Улугбека преследовало его. Что касается Шахруха, то у него, судя по всему, был тут свой расчет. Воинственно настроенный Улугбек давал ему повод продемонстрировать свое миролюбие, некое снисходительно-благородное отношение к настороженной непокорности Амирак Ахмада и тем самым привлечь его на свою сторону. Об этом свидетельствует письмо Шахруха, отосланное Амирак Ахмаду 16-го числа месяца раби ул-аввал 818 года (26 июня 1415 года). В нем было сказано: «Как явствует из сведений, дошедших до нас, высокородный шахзаде и наш сын Улугбек, введенные в заблуждение интригами злоумышленников, не ладят между собой, что умножило заботы люда и народа города. Мы узнали о них во время нашего пребывания в государстве Ирак, но по причине нашей удаленности не могли должным образом проявить свою заботу о вас. После же возвращения к порогу нашего достославного Герата мы услышали также, что вы, наш доблестный баходыр нашего отечества, отправились в сторону Моголистана. Сей поступок показался нам дивным и непродуманным, ибо наша постоянная и бдительная забота о наших сыновьях и братьях вам известны. Мы надеемся, что ради упрочения здания отца и сына, вы, достойный нашей любви и признательности, ища пристанища и нашего верного покровительства, явитесь к нам. Наша уверенность сем сильна. Мы не ошибемся, если предположим, что группа неблагоприятных к нам людей, не способных каяться в своих вольных и невольных прегрешениях, будут препятствовать вашему возвращению в нашу обитель. Мы готовы уверить весь честный люд в том, что мы водами нашей милости и великодушия готовы смыть все их прегрешения. Словом, не подлежит никакому сомнению то, что мы, проявив великодушие и всепрощение, предоставим вам, нашему славному баходыру, кров и убежище в нашем государстве».

Инонч-наме оказало свое воздействие. Амирак Ахмад вынужден был оставить Фергану Улугбеку. Абдураззак Самарканди среди значительных событий, происшедших в 819 (1416) году в Хорасане, Герате и Мавераннахре, пишет о прибытии в Герат Амирак Ахмада, которого Шахрух отправил в паломничество в Мекку. Таков был один из способов избавления от высокопоставленных лиц, которые в большинстве случаев, не успев достигнуть желанной и священной цели паломничества, уже по пути, неожидан-

но подвергнувшись какому-то недугу, отдавали богу душу. Таковы были нравы.

После этого и Фергана, и покорившийся Кашгар перешли в руки Улугбека. Хокимом Кашгара Улугбек назначил одного из своих знатных эмиров — Сиддик Али-текрита. Наввоб же Амирак Ахмада Шайх Али Тугайи, отдавший ему Кашгар, сам прибыл в Самарканд. Фасих Ахмад Хавафи пишет о том, что Улугбек, встретивший его с огромным почетом и уважением, сделал его вхожим в среду могущественных эмиров. А Абдураззак Самарканди рассказывает об этом так:

«...Мирза Амирак Ахмад... отправляясь в Хорасан, оставил наувобом в Кашгаре эмира Шайх Али Тугайи. Эмир Шайх Али послал своего сына в Самарканд и, взывая через него к духу великого Тимура, умолял мирзу Улугбека простить свои прегрешения: «Если соизволите назначить в Кашгар своего человека, поручив ему сие государство, отправиться бы мне в Самарканд». Мирзо Улугбек прислал в Кашгар Сиддик Али-текрита. Шайх Али Тугайи, благополучно сдав Кашгар, прибыл в Самарканд. Шахзаде Улугбек весьма хорошо принял его».

В 820 (1417) году Улугбек снова прибыл в Герат, намереваясь обсудить с отцом тревожную ситуацию, вновь возникавшую у границ государства. Усиление ханства Ак-орда в узбекской кочевой степи и Моголистана серьезно угрожало самостоятельности Мавераннахра. Вот если бы группировки, боровшиеся там за власть, передрались между собой!.. Тогда они, ослабевшие и обескровленные во взаимных стычках, не представляли бы большой опасности для Улугбека. Вот обо всем этом и надо было посоветоваться с отцом, весьма искусным в разжигании междоусобных столкновений, которые он использовал для укрепления Мавераннахра и Хорасана. Чтобы добиться покоя и благополучия своего дома, надо было разорять дома соседа.

В этой чрезвычайно сложной борьбе приходилось поддерживать то одну, то другую сторону, и никогда не было уверенности в том, что тот, на которого делалась ставка, не окажется потом предателем. Улугбеку и Шахруху приходилось упорно сражаться за низложение того, кого они сами и возвели на трон в том или ином улусе. Но на этом борьба не кончалась, начавшись по новому кругу, требовала сил, средств и новых сторонников и союзников, тоже вступивших явно и тайно в сделки и союзы между собой...

Улугбек прибыл в Герат. «Махди улё Гавхаршад-бегим, Гиясиддин, мирза Байсункур, мирза Мухаммад Джехан-

гир, мирза Мухаммад Джуки и другие шахзаде, нойоны и великие эмиры, — повествует Абдураззак Самарканди, — выехав за несколько фарсангов от Герата, встретили там шахзаде и со всем должным усердием ублаготворили и возвеличили его».

Улугбек в этот раз пробыл в стольном городе сорок дней (6 мая — 16 июня 1417 года). Он участвовал во многих государственных совещаниях и церемониях приема, устраиваемых в резиденции его отца. Одна из самых больших церемоний произошла в последний день месяца раби ул-аввал (17 мая 1417 года). В тот день Шахрух принял послов китайского императора Чэн-Цзуна: Би-Бачина, Ту-Бачина, Джот-Бачина и Татк-Бачина. Послы передали множество драгоценных подарков, присланных императором для Шахруха, его жен и детей. Дары эти — атлас, парча, золото, жемчуга, одежда, обувь, фарфор — также привезены на трехстах лошадях. Послы передали также послание императора, проникнутое духом дружбы и доброжелательства. «Да будет отринуты с обеих сторон занавеси отчуждения и нерасположения, пусть отвернутся двери единодушия и дружелюбия, дабы ремесленники и торговцы во исполнение своих благих и добрых желаний свободно могли перемещаться друг к другу, а пути-дороги были мирными и безопасными».

В те дни Улугбек дал большие пиры-угощения в честь своего отца, младшего брата Байсункура-мирзы и мирзы Мухаммад Джехангира, прибывшего из Хорезма в Герат, и дорогого для него человека — эмира Шахмалика.

При возвращении Улугбека из Хорасана Шахрух отправил с ним Мухаммада Джуки. Ни на одном привале они долго не останавливались, за какую-то неделю достигли Самарканда. В дальнейшем же, в нарушение установленной традиции, когда Улугбек зимовал обычно в Бухаре, в этот раз они вместе прибыли в начале зимы в местность на берегу реки Об-и турк, где до конца октября месяца занимались тщательной подготовкой к предстоящему походу в Ак-орду. Закончив же, снялись и двинулись в направлении Шахрухии и 21-го числа месяца рамазан (3 ноября 1417 года) обосновались там неподалеку. Огромное войско, сформированное Улугбеком и Мухаммадом Джуки находилось здесь до 8 февраля 1418 года. И тут ситуация внезапно изменилась. Трон Ак-орды занял сын Тохтамышша Джаббоберди, с чем не могли примириться другие его братья. Это было на руку Улугбеку — разделять и властвовать. Посовещавшись, решили, что войско может вернуться

в Самарканд. Перед возвращением Мирзо Улугбек освободил содержащихся в плену нескольких узбекских огланов, которые вернулись в свой вилайет.

— Пусть едут, пусть пребывают в драке, схватив друг друга за ворот. Так они будут заняты друг другом, а нас оставят в покое, — сказал Улугбек брату.

Наступившее после этого затишье было обманчиво, и Улугбек это чувствовал. Вспыхнули беспорядки в Моголистане. Разгоревшиеся там внутренние раздоры теперь не радовали Улугбека, ибо в начавшейся смуте Увайс-оглан убил хана Моголистана Накши Джахана — ставленника Улугбека. Пока он сидел на троне, Улугбек был спокоен за Туркестан и Андижан. Что будет теперь? Улугбек питал еще слабую надежду на то, что, возможно, весть ошибочная. Решил проверить. Направил в Моголистан своих верных людей. А из Герата снова вызвал Мухаммада Джуки, который 20-го числа месяца раджаб (23 августа 1418 года) прибыл со своим войском и расположился в окрестностях Самарканда. К счастью для Улугбека, и в этот раз не возникло необходимости идти походом на Моголистан, ибо посол Увайс-оглана, прибывший в Самарканд, вручил Улугбеку послание, в котором он изъявлял готовность преданно служить ему. Вслед за послом прибыл и человек Улугбека, посланный до этого в Моголистан... Царевич завел его в хилватхона — комнату уединения.

— Так, мой таксыр, а вы какую приятную весть принесли?

— Ваше величество, Увайсхан так занят внутренними делами своего государства, что ему сейчас не до нас.

Улугбек учел это обстоятельство. Освободив несколько знатных плененных моголов, находившихся в Кок-сараяе, отослал их вместе с послом Увайсхана. Среди них был и Саид Али, принадлежавший к племени дуглатских эмиров. Этим Улугбек хотел усилить дуглатскую группировку эмира Саид Али, борющуюся за власть в Моголистане, связывая этим руки Увайсхана.

Весть, доставленная человеком Улугбека, оказалась верной. В 822 (1419) году пламя феодальных междоусобиц в Моголистане разгорелось еще сильнее. Абуллайс, гонец хокима Андижана, принес весть о том, что сын эмира Шербахрама из Джэте бежал в Кашгар, с ним последовала группа могольских эмиров. В августе месяце того же года дочь эмира Худайдо отравила своего мужа Шами Джахана.

Воспользовавшись этими обстоятельствами, Улугбек хотел было уже идти на Моголистан, но весть о приближе-

нии послов Китая с караваном к границам Ферганы заставляла его временно отложить поход.

22 августа 1419 года. Самарканд чист и многолюден. Перекрестки, улицы вокруг Регистана каждый день поливались водой и подметались, дворцы же и стены базаров украсились красочными полотнами из дорогих материй, дуканы и торговые ряды ломились от товаров.

Прибыли послы Ли-да и Джанг-ку императора Чэн-Цзуна. Вместе с ними также и посол Шахруха в Китае Ардашер-тавачи (в китайских источниках Бек-буко). Был устроен прием, во время которого послы вместе с дарами вручили Улугбеку и послание китайского императора с предложением об укреплении дружбы и дальнейшем развитии связей и торговли. Среди подарков были парча, атлас, льняные ткани, изящные фарфоровые вазы с изображениями драконов, разноцветная китайская бумага, различные вещи, сделанные из тростников стеблей, павлины, орлы для охоты. В честь послов было дано большое угощение. На следующий день послы отправились в Хорасан. Люди Улугбека проводили их до Бухары.

В конце месяца шаабан (20 сентября 1419 года) Улугбек двинулся с войском на Моголистан. В этом походе с ним были хоким Туркестана Арсланходжа-тархан, хоким Сабрана эмир Фаттон, а также хокимы городов вокруг Сайхуна: эмиры Ядгар-барлас и Махмуд-тархан. Управление Самаркандом было поручено эмиру Искандару Хинду Бука. Когда достигли Карабулака, повторилось то, что в последние годы стало чуть ли не правилом — стоило Улугбеку и его военачальникам, собрав сильное и большое войско, отправиться в поход на противника, как этот противник непременно встречал их где-то неподалеку от своих границ своими послами, предлагавшими мир и дружбу. Так случилось и на этот раз.

К Карабулаку прибыли нукеры эмиров Худайдод и Садр Ислама, ведшие в Моголистане борьбу между собой, и известили о том, что они, помирившись, с нетерпением ждут Улугбека. Что ж, с изъявлениями покорности Улугбек не мог не посчитаться. Он сам никогда не прочь кончить дело миром, тем более, что эмиры Моголистана признавали его верховную власть. Словом, войско повернуло назад и 2-го числа месяца шаввал (22 октября 1419 года) достигло окрестностей Самарканда.

Между тем послы Китая, возвращаясь из Хорасана в ноябре месяце того же года, снова заночевали в Самар-

канде. В этот раз Улугбек дал угощение в честь послов в Баг-и майдане, порадовал каждого достойными подарками. После этого послы в сопровождении его посла Султаншаха Мухаммад-бахши отправились в Китай.

Вместе с этим караваном отправили своих послов Шахрух, Байсункур и другие тимуриды. Вместе с купцами и обслугой отправились пятьсот тридцать человек. Караваном Шахруха распоряжались эмир Шадиходжа и эмир Кукча, Байсункура — Султан Ахмад и ходжа Гиясиддин-наккаш, Ибрахим Султана — эмир Хасан, мирзы Рустама — пахлаван Джалал. К ним присоединились в Самарканде эмир Аргудак, представлявший хана Суюргатмыша — хокима Кабула и Газни, посол Урдуван — хокима Хорезма эмира Шахмалика, а также посол падишаха Бадахшана ходжа Таджиддин. Все они подчинялись послу Шахруха эмиру Шадиходже. Гиясиддин-наккаш был секретарем этого корпуса послов. Ему было поручено вести специальную «памятную тетрадь», в которую он должен был записывать все виденное и слышанное...

Послы тимуридов вернулись на родину живыми и здоровыми через два года, два месяца и пять дней — 2 сентября 1422 года.

В те времена караваны послов и торговцев шли из Средней Азии в Китай по двум маршрутам. Первый путь пролегал через Ташкент, Сайрам, Семиречье и города Турфан и Кумул Восточного Туркестана, второй — через Ферганскую долину — Ходженд, Коканд, Маргилан, Андижан, через Ош по Алайской долине и далее через города Кашгара — Хотан и Яркенд.

Гиясиддин-наккаш записывал в памятную тетрадь свои наблюдения об общественно-политическом строе и культуре Моголистана той эпохи: в городах Караходжа, Турфан и Кумул Восточного Туркестана и в китайских городах Сукджу (Цзю-цю-ань), Камджу (Чжанье), Салин-фу и в столице Ханбалик (Пекин). Стоит тут особо отметить, что сведения эти имеют поистине неоценимое значение при изучении истории экономических, политических и культурных взаимосвязей между Средней Азией и Китаем, которые еще более развились при Шахрухе и Улугбеке. Каждые два-три года посещали Самарканд и Герат послы Китая, а Китай — послы и купцы Средней Азии и Хорасана.

Во времена Шахруха и Улугбека были установлены хорошие соседские отношения и с Тибетом.

Улугбек стремился укрепить свое влияние в ханстве Ак-орда. В один из весенних дней 1419 года прибыл чело-

век из тех краев — из Дашт-и-кипчакской стороны и известил Улугбека о беспорядках, происходивших в этом узбекском улусе. Его слова подтвердили также бухарские и самаркандские купцы, посетившие Сыгнак. Оказывается, Барак-оглан, издавна поддерживаемый Улугбеком, потерпел поражение от Мухаммадхана. Прошло немного времени, и в последний день месяца раби ул-ахир 822 года (25 мая 1419 года) он прибыл в Самарканд к Улугбеку. Барак-оглану едва удалось спастись от воинов Мухаммадхана, преследовавших его по пятам.

Улугбек предоставил ему убежище, помог обрести покой. В его лице, одного из признанных вождей кочевых узбеков, Улугбек имел союзника, проверенного долгими годами преданной службы. Поэтому он не мог бросить Барак-оглана на произвол судьбы, тем более, что хотел помочь ему войском, способным превзойти по силе войско Мухаммадхана. Так и произошло. Барак-оглан, оправившийся после поражения, гордый поддержкой Улугбека и уверенный в себе, отбыл в степь во главе большого войска. Вскоре пришла весть о победе, одержанной им над Мухаммадханом.

Но и после этого затишья долговременного перемирия не наступило. На этот раз в узбекской кочевой степи, оттеснив Барак-оглана, схватились между собой за трон Увайсхан и Шермухаммад-оглан. У Улугбека появился повод вмешаться и остановить междоусобную войну. Он вновь начал готовиться к походу на Моголистан. Сам Шахрух подтолкнул к этому Улугбека, отправив ему послание: «Пусть Мирзо Улугбек управляет Мавераннахром, Туркестаном и Моголистаном». Не случайным было и неожиданное прибытие в середине месяца раби ул-ахир 823 года (28—29 апреля 1420 года) Гавхаршад-бегим в Самарканд. Тогда, возможно, Улугбек и советовался с ней относительно предстоящего похода.

Представляет в этом отношении интерес нижеследующее признание Абдураззака Самарканди: «...В Баг-и чинаре состоялся поистине падишахский той и угощение в хосраванском духе. Ряд дней провели в радости и веселии, потом мирза Улугбек подарил матери караван верблюдов, коней с золотыми седлами, груженых одеждами из тонкорунной шерсти и алыми бархатами. Махди улё отправилась в Хорасан... Вот после этого-то мирза Улугбек упрочился в своем решении совершить поход на Моголистан...»

Когда достигли Карабулака, он сам отправил вперед с небольшой частью войска эмиров Искандара, Хари Мали-

ка и Баязида. А 11 июля 1420 года из Моголистана прибыл посол Малик Ислам и вручил Улугбеку послание, из которого следовало, что моголы изъявляют свою покорность и подчинение. Получив такое известие, Улугбек отправил гонцов в передовые части, дабы известить их о приостановлении похода. Эмиры Искандар, Хари Малик и Баязид на 9-й день месяца раджаб 823 года (20 июля 1420 года) вернулись в Карабулак, куда прибыла вместе с ними и группа военачальников-моголов во главе с Шермухаммад-огланом, добровольно перешедшим на их сторону. Они не пожелали подчиниться Увайсхану, разбившему войско Шермухаммада, которого они хотели бы видеть своим вождем. В стане кочевых узбеков именно Шермухаммад выдвинулся в данный момент главным претендентом на престол и это признавалось всеми. Улугбеку стало ясно, что можно сделать ставку на Шермухаммада, который, пользуясь внушительной поддержкой столь большого числа влиятельных военачальников, имеет все шансы одолеть в будущем Увайсхана и стать его ставленником. Сейчас Улугбеку важно было поддержать его.

Когда они остались вдвоем, Шермухаммад заговорил:

— Счастье и удача отвернулись от нас, ваше величество. Мы бьем челом о ваш порог, вознесшийся к небесам. Надеемся на ваше всемогущее покровительство нам.

Шермухаммад хотел было повалиться к ногам, но Улугбек удержал его:

— Нет, нет, не поступайте так, знатнейший! Сие недостойно падишахов.

Улугбек, поддерживая, ввел его в шатер и усадил на почетное место. Шермухаммад прослезился:

— Туманот благодарностей вам. Пока жив, не забуду вашу высочайшую милость.

Улугбек довольно долго беседовал с Шермухаммад-огланом. Обсудив все, вместе решили, что с походом на Увайсхана надо повременить. Во-первых, в настоящий момент у Увайсхана были несколько превосходящие силы, не говоря уж о его сильных сторонниках. Во-вторых, Шахрух находился пока в походе на Азербайджан. Не дождав-шись его, затевать большую войну было чрезвычайно рискованно. В-третьих, сам Шахрух просил срочно направить ему на помощь войско в десять тысяч конных.

Проходили дни, месяцы и, наконец, настал тот благоприятный момент, когда Шермухаммад, надеясь на успех, мог вступить в противоборство с Увайсханом. 22 декабря 1420 года он отправился во главе большого войска для

решающего сражения. Шермухаммад, как и следовало ожидать, одержал победу. Но совершенно неожиданным явилось для Улугбека то, что он, почувствовав значительность победы и прочность своей власти, тут же отвернулся от него.

Абдураззак Самарканди пишет: «Упрочившись на троне салтаната, он предался падишахскому тщеславию и чрезвычайной спеси. Отвергнув в недозволенной степени права и покровительство Улугбека, он поднял до небес знамя самостоятельности и, как стало ясно из его посланий, отклонил свою подчиненность!»

Он стал предоставлять убежище людям, бежавшим из Мавераннахра и Кашгара. Вот одним из таких был сын Пир Али-текрита, назначенного Улугбеком на воеводо Кашгара. Желая избежать кары за содеянное преступление, он в 1423 году бежал из Мавераннахра в Моголистан. Когда Улугбек просил поймать его и вернуть, Шермухаммад-оглан, нисколько не колеблясь, отвергнул эту просьбу. Улугбек, пораженный низким коварством этого человека, которого поддержал в тяжкий для него час, помог обрести достоинство и возвеличиться, теперь каялся в содеянном. А однажды в беседе с мавляной Абулвайсом сказал ему с горечью:

— В один из дней у Бузуржмехра спросили: «Великий таксыр, по-вашему, какой падишах должен считаться благородным?» Бузуржмехр отвечал: «Тот падишах благородный, который справедлив к благородным и карает низких».

— Да, он правдивые слова сказал. Шермухаммад выбрал низость и поэтому его должно покарать!

Мавляна Абдувайси никогда прежде не видел Улугбека столь потрясенным, попытался его утешить. Когда это не подействовало, сказал:

— Кто проявит преданность — тому ответят преданностью, предательство излечивается наказанием, ваше величество. Раз уж таков нрав Шермухаммада, что поделаешь, его уж не излечить. Можно только покарать. Что ж, раз другого выхода нет, придется...

И Улугбек начал готовиться к походу на Моголистан. Но отправиться без высочайшего соизволения отца не мог. Изложив в послании свои соображения и выводы о деяниях Шермухаммада-оглана, с эмиром Хамзой отправил его в Герат. Шахрух не стал препятствовать сыну...

Поход предполагали начать ранней весной 1425 года. Войска решено было расположить в Шахрухии, Сабране,

Андижане и готовить их к предстоящей битве. Приступили к этой операции в первый день месяца зулхиджжа 827 года (25 октября 1424 года). Правое крыло войска, возглавляемое эмиром Хари Маликом и Шайхом Абу Саидом, должно было зимовать в Андижане, левое же крыло во главе с Султан Увайс-барласом, ходжой Юсуфом и Таваккал-барласом в окрестностях Сабрана, в местности Карасаман. Сам Улугбек, командующий главной частью войска, должен был расположиться в Шахрухии. Улугбек прибыл сюда на 15-й день месяца зулхиджжа 827 года (10 ноября 1424 года).

Однажды вечером Улугбек как обычно беседовал с Абулвайсом: «Да, снова тьма народа пришла в движение, нарушен покой людей и края. Что-то теперь будет со строительством обсерватории? А стройки, намеченные в Самарканде, Шахрисабзе и Гяждуване? Строительство обсерватории отодвинулось, ибо средства, выделенные на строительство, пролетит теперь пасть войны. К чему она? Не сделался ли он пленником прославлений в его адрес: «Баракалло, отец и сын, могущественные падишахи Мавераннахра и Хорасана. Счастливы же будут народы, осененные вашей властью. И воздастся тогда вам золотом, серебром и жемчугами».

Улугбек готовился к битве. На 17-й день месяца раби ул-аввал 828 года (17 февраля 1425 года) войско двинулось с места. Так начался поход на Моголистан. Воины Улугбека в сражении, происшедшем у Ашпары и Ак-сува на берегу Буам-сая, разбили войско Шермухаммада, возглавляемое эмирами Ибрагимом и Джаханшахом. Это произошло на 14-й день месяца раби ул-ахир (4 марта 1425 года). Эмир Ибрагим и двое его сыновей были убиты, а Джаханшах с остатками войска бежал в Чонг-кемин, а оттуда в сторону Иссык-куля. В дальнейшем сражения, происшедшие в ущелье Буам, вокруг Иссык-куля, в местностях Чонг, Обиш, Чорпа, Арпа-язи, Тош буйнак, Кизил-сув, Сангтош, Кетмен-тепа, Ак-куяш, Карши, Кунчи и Юлдуз также закончились победой войск Мавераннахра и Туркестана.

Война продолжалась более ста дней, она лишила жизни тысячи джигитов, подвергла разорению города и кишлаки. Эмиры же и беки Улугбека вернулись, захватив добычу и пригнав много пленных. Среди привезенной добычи были и две глыбы нефритового камня, захваченные в главной ставке хана Моголистана в Карши.

«Мирза Улугбек, — вспоминает Абдураззак Самарканди, — чтобы поставить на арбах в столицу Самарканд эти нефритовые глыбы, согнал в ту местность две тысячи

силачей. Те камни древние падишахи доставили из Китая и теперешний властелин, намереваясь перевезти эти камни в Мавераннахр, дополнительно оставил в тех местах эмира Джакон с несколькими тысячами людей, но и они оказались не в силах совладать с этими камнями». Эти глыбы, некогда доставленные из местности Дува Сецерхан Китая и установленные в резиденции могольских правителей, состояли из трех частей. В свое время эмиру Тимуру удалось доставить в Самарканд только одну часть. Остальные две Улугбек, погрузив на специальные арбы, привез в Самарканд. По приказу Улугбека искусные каменотесы обработали эти нефритовые камни, затем они были установлены на могиле эмира Тимура.

Улугбек вернулся в Самарканд на 10-й день месяца шаабан (27 июня 1425 года). В пути, в ущелье Илан-ути между Джизаком и крепостью Сайбуи, по его приказу на высокой скале были высечены следующие слова: «Великим всевышним... поддержанный могущественный султан, властелин всех падишахов, тень всевышнего на земле, знаменосец исламской веры, Улугбек-кураган, да возвеличит всевышний его салтанат, прошел через это место во время похода на Джэте и Моголистан. Хиджры 828 год».

Эта война с Моголистаном была первой и последней серьезной войной Улугбека. И победа, одержанная в ней, также была первой и последней большой победой за все его сорокалетнее царствование. Через два года он решился и на другую войну и потерпел в ней поражение.

По сути, даже сам эмир Тимур не смог по-настоящему подчинить себе Моголистан. Напрасной было и попытка Улугбека. Правда, в годы второго господства Увайсхана, то есть в 1425—1428 годы, усилились феодальные беспорядки, чем воспользовались калмыки, участвовавшие свои нападения. Но государство сохранило свою независимость. В тот же период, когда престол наследовал Исан Бугахан, оно настолько окрепло, что смогло даже отнять Кашгар из рук наввоба Улугбека. Теперь же могольские феодалы то и дело вторгались в Фергану, грабили кишлаки в окрестностях Андижана, Канибадама и Сайрама.

Барак-оглан в 1423 году с помощью Улугбека стал правителем Ак-орды. Судя по словам автора «Раузат ус-сафо», примерно в том году в Самарканд прибыл посол Барак-оглана Джумодук-оглан, миссия которого, судя по всему, заключалась именно в том, чтобы заручиться военно-политической поддержкой Улугбека, на что последний не мог не пойти с охотой. И действительно в дальнейшем

Барак-оглан, опираясь на большую материальную, моральную и военную поддержку Улугбека, одолел Джучи-наджода и других султанов. Судя по сведениям, приведенным в русских летописях, в 1423-1425 годы он одержал победу над Давлатберды и Кепак-огланом. Он подчинил себе даже столицу Золотой Орды Сарай-Берка и подвластные Золотой Орде другие вилайеты.

Но и Барак-оглан, подобно Шермухаммаду-оглану, после упрочения своего положения в Ак-орде, изменил Улугбеку, своему покровителю, оказавшему ему помощь и поддержку в тяжкие для него дни. В ответ на все это он пограл стопой лик своего верного защитника. Он начал зариться даже на города Отрар, Сабран и Сыгнак на берегу Сырдарьи, входившие в состав государства тимуридов. С 1425 года в Самарканд часто стали прибывать с жалобами гонцы Арсланходжи-тархана — хокима Туркестана. В одном из донесений было сказано: «Они подвергают разграблению наши края, считая себя подвластными властителями, причиняют ущерб султанату».

Ни советы-назидания, ни даже угрозы Улугбека не действовали. Барак-оглан продолжал действовать с прежней наглостью. Он уже захватил Сыгнак. Послу же Арсланходжи-тархана, пришедшему к нему с выражением недовольства, заявил дерзко: «Джайляу Сыгнака с древних времен принадлежали моим предкам, а мой бува Урусхан построил в Сыгнаке дворец». Вражда с обеих сторон стала откровенной.

Шахрух поначалу предостерегал сына от вражды. Но в дальнейшем агрессивные действия Барак-оглана заставили его перейти от советов к делу. Теперь он был преисполнен решимости дать отпор Барак-оглану. По его приказу в 17-й день месяца раби ул-ахир 830 года (17 февраля 1427 года) большое войско под предводительством мирзы Мухаммада Джуки двинулось к Самарканду.

Но Мирзо Улугбек еще до того, как прибыло войско младшего брата, отправился из Самарканда во главе своего войска. Мухаммад Джуки догнал своего старшего брата в Шахрухии. Соединившись, братья сперва дали отдохнуть войску. На третий день отправились в путь. Через Сайхун прибыли в Ташкент, а оттуда в кишлак Джумгол Сыгнака. Не успели они расположиться, как явился посол Баракхана. Не вызывало сомнений, чем вызван этот визит. Конечно же, Барак-хан жаждал мира и согласия. Улугбек был сильно разгневан на него. Потому обошелся с послом довольно сухо. Он не принял его условий и в тот же день

двинулся вперед со своим войском. Но, к своему великому несчастью, видимо, уже заранее уверовав в свою победу, проявил неосторожность. Он расположил свое войско на маленьком, узком пространстве за холмом в окрестностях Сыгнака. Когда его воины уснули, войско Барак-хана внезапно напало с четырех сторон.

В «Матлаъ ас-саъдайн» читаем: «Противники схватились самоотверженно на равных, проявляя отвагу и могущество. Правому крылу мирзы Улугбека стало тяжело. Враг атаковал. В результате центр был разбит. И среди войска Мавераннахра появились признаки поражения и склонности к бегству...»

Люди Улугбека, покинув все, бежали кто куда. Улугбека спасли люди Арсланходжи-тархана, а мирзу Мухаммада Джуки спас преданный нукер Шахруха пахлаван Махмуд Дандана. Это случилось, когда около двадцати джигитов Барак-хана все сильнее прижимали к склону горы братьев, оторвавшихся от войска... Большинство отступавших бежали в крепость Янги, Сабран и Ташкент. Улугбек и мирза Мухаммад Джуки со своими людьми бежали в Самарканд, где и скрылись за прочными стенами его крепости. Воины Барак-оглана преследовали их до самого города; ограбив кишлаки в окрестностях Ясси, Сабрана, Ташкента, Шахрухии, Самарканда и Бухары, ушли обратно.

Весть о поражении Улугбека у Сыгнака достигла Самарканда. Народ охватила паника. Недоумевали — имея огромное войско, потерпеть такой позор? Предательство тут или бестолковость? Были и такие, которые будоражили народ словами: «А кому нужен такой царь?» Кое-кто предлагал закрыть ворота города и не пускать ни Улугбека, ни мирзу Мухаммада Джуки. И только благодаря находчивости хокима города напряженность была снята...

Весть о поражении Улугбека дошла и в Герат, во дворец Шахруха. В тот момент Шахрух лежал тяжело больной. 22 февраля 1427 года, когда он выходил из джума-мечети Герата, некто ударом ножа ранил его.

Абдураззак Самарканди повествует об этом так: «...Когда он еще находился внутри мечети, неожиданно приблизился к нему в облике жалобщика один из мюридов мавляны Файзуллаха Астрободи по имени Ахмад Дур, держа в руке какую-то бумагу. Его величество сделало знак одному из слуг: «Изложите его жалобу словами». Но в этот миг подлый Ахмад Дур сделал прыжок и воткнул в живот их величеству блестящее лезвие ножа...»

Хотя Шахрух ничего не сказал гонцу Улугбека, он отправил вслед за ним 17 апреля 1427 года мирзу Мухаммада Джуки, который доставил оружие и большую сумму денег. Он требовал от Улугбека поправить положение дел в Туркестане.

Помощь, присланная вовремя, необыкновенно взбодрила Улугбека. Он поклялся собрать новое войско и пойти походом на Барак-оглана. Но когда он готовился к походу, неожиданно тяжело заболел Мухаммад Джуки. Улугбек, оставив брата в Самарканде, присоединил к войску его туман и отправился в поход. Построив мост через Сайхун против Шахрухии, переправился через реку и достиг Ташкента, куда прискакал и гонец из Самарканда, который сообщил, что Шахрух со своим войском, прихватив с собой и Байсункура-мирзу, направился в Мавераннахр. Улугбек был доволен тем, что сам отец спешит к нему на помощь, но вот зачем он взял с собой Байсункура? Улугбек задумался над этим.

«Уж не хочет ли отец отобрать у меня Мавераннахр с Туркестаном, а на мое место назначить мирзу Байсункура?» Нет, Улугбек не может допустить этого. Чего бы то ни стоило, он должен сохранить власть в своих руках. Оставив свое войско в Ташкенте, Улугбек отправился к отцу.

В верховную ставку Шахруха, на берегу Джейхуна, прискакал гонец Улугбека. Он опустился на колени перед падишахом и вручил ему послание. Шахрух снисходительно улыбнулся. Сын умолял отца отослать Байсункура обратно. Шахрух, затеявший это из соображений дипломатии, легко удовлетворил просьбу сына.

«Мирза Байсункур,— пишет Абдураззак Самарканди,— по указанию хакани-саида и ради удовлетворения мольбы Мирзо Улугбека вернулся в столицу Хорасана».

Двести лодок за месяц переправили войско Шахруха в Термез. Знать Мавераннахра во главе с Улугбеком с превеликим торжеством встретили падишаха. Шахрух поздоровался с сыном холодно, но вечером, когда все разошлись, насмешливо обратился:

— Так, всемогущий Искандар, не будете ли любезны ответить, где сейчас стоит войско? И каково его общее состояние?

— Основная часть войска в Ташкенте

— В таком случае, что вы тут делаете, мирза?

Едкие и многозначительные слова отца глубоко уязвили самолюбие Улугбека, будто острием стрелы кольнули в его сердце. Под пронизывающим взглядом отца он отвел глаза

и опустил голову. Но этим дело не ограничилось. Основной вопрос предстояло выдержать в Самарканде.

В источнике «Матлаъ ас-саъдайн» читаем: «...Он порасспросил о сражении, происшедшем с Барак-огланом, проник в самую суть этого события. Когда выпытал подробности события, оказались виновными ряд эмиров Мавераннахра, которых он в присутствии дивана подверг чуби ясаку — наказанию плетьюми. Допрос же, учиненный Мирзо Улугбеку, был мучительнее любой пытки. Шахзаде испытал всю горечь временного пренебрежения к нему».

Целый месяц после этого Улугбек ни за что не мог приняться — опускались руки. Проводил время в своем ханака, точно дервиш. Проводил ночи без сна. Что только не пережил и не передумал. Неужто власть будет утрачена? А что он мог сделать, если даже отец отстранит его от трона... Может быть, тогда у него развяжутся руки для строительства расадхона — обсерватории, и он всецело посвятит себя этому делу? Мавляна Мухаммад Хавофи вчера сказал ему о неудовлетворенности преподаванием математики. Возможно, он в своем медресе останется обычным мударрисом и сам возьмется за математику. Ведь не запретит же ему это отец!

Но, к счастью, его мучительные сомнения оказались напрасными. Все кончилось благополучно. Шахрух вновь доверил ему Мавераннахр и Туркестан.

В тот год в начале осени в Ташкент были посланы дополнительные силы. Но Барак-оглан бежал в глубь степей Дашт-и кипчак. Передовые части войск Улугбека, прибывшие в Сыгнак, ни в городе, ни в его окрестностях не нашли даже следов пребывания войск противника — сгинули...

Шахрух стоял в Самарканде до 14-го числа месяца зулхиджжа (7 октября 1427 года)...

Боль поражения и горькие слова отца сильно подействовали на Улугбека. Проводив отца, он вновь начал испытывать душевные муки. В течение нескольких дней, уединившись в Баг-и чинаре, лежал в постели. Видный ученый того времени мавляна Нафис, посетивший его в эти дни, утешил его близкими словами: «Мирза предался меланхолии, да дарует ему Аллах исцеление».

Даже после этого, когда Улугбек, оправившись, вернулся во дворец, он не проявил склонности к государственным делам, ночами предавался наукам, днем же окунался в дела по строительству расадхона.

Но воистину Улугбек не был волен над собой. Эмиры, не мыслившие свою жизнь без войн и походов, особенно же

эмир Сатук-хан, очень влиятельный среди них и не менее воинственный, не оставляли его в покое, уговаривали, правдами и неправдами подталкивали на свершение новых походов. Сатук-хан внушал ему:

— Ваш почтеннейший отец, мой мирза, несмотря на свою болезнь, как только они вернулись из Мавераннахра в Хири, собрав войско, отправились в поход, на эмира Кара Юсуфа в Азербайджан. Вне всякого сомнения, они вернутся с победой. Можем ли мы в такое время пребывать зрителями и ждать сложа руки, мирза? Если мы отметим возвращение нашего могущественного падишаха достойным делом, как это было бы прекрасно, мирза?

Улугбек промолчал. На следующий день Сатук-хан привел к падишаху Хари Малика и Шейх Абу Саида. Снова разговор был о том же. Ублажить чем-либо душу Шахруха — сие было для Сатук-хана только поводом. На самом деле он зарился на трон Моголистана. И остальные же эмиры день и ночь помышляли о добыче... И в конце концов одолели-таки. Они уговорили Улугбека. В 832 (1429) году он решил идти походом на Увайсхана, в Моголистан, но при этом военачальником назначил самого Сатук-хана. В сражении, происшедшем в окрестностях Иссык-куля, Сатук-хан убил Увайсхана, но все равно не смог занять трон Моголистана. Не прошло много времени, как сторонники убитого хана лишили его трона. Сатук-хан бежал в сторону Кашгара.

Эсан Бугахан, ставший во главе государства, довольно быстро восстановил самостоятельность Моголистана. В окрестностях Алабуки и Иссык-куля он воздвиг несколько укрепленных крепостей, опираясь на которые он то и дело совершал грабительские набеги на кишлаки Ферганы, Сайрама и Туркестана.

Тимуриды не смогли удержать и Кашгар. Внук эмира Худайдо, хоким Ак-сува Саид Али-дуглат, упорно сражался за Кашгар с военачальником Улугбека эмиром Шоястамом. В 1435 году Саид Али с семью тысячами своих конных джигитов вторгся в Восточный Туркестан и в ожесточенном сражении, происшедшем у Кашгара, разбил войско эмира Шоястама. Автор книги «Тарих-и Рашиди» мирза Мухаммад Хайдар рассказывает о том, что мирза Шоястам явился на это сражение с тридцатитысячным войском.

По мнению историка, причиной поражения, кроме бестолковости самого Шоястама, стало также предательство некоторых военачальников. В самый разгар сражения, когда ветер победы уже колыхал и развеивал было знамя

Шоястама, они, покинув поле боя, бежали. Должно быть, по этой причине это сражение получило в истории название «Солой бегим» («Покинувшие бека»).

Войска эмира Саида Али-дуглата нещадно ограбили окрестности Кашгара. Это же самое повторилось и на следующий год. На этот раз эмир Шоястам отсиделся внутри крепости. Захватчики, воспользовавшись этим, жестоко разграбили многие кишлаки вилайета.

Кашгарцы во что бы то ни стало решили избавиться от своего правителя. С этой целью они послали человека в Самарканд, который выразил Улугбеку отчаяние народа. Мирзо Улугбек, освободив эмира Шоястама, назначил на его место эмира Пирмухаммада, который в низости и разгильдяйстве превзошел Шоястама. Когда на следующий год орды Моголистана снова хлынули на Кашгар, Пирмухаммад невозмутимо предавался уладам. Получив весть о том, что грабители приближаются к Кашгару, он перевез в крепость со всех окрестных кишлаков знатных и богатых людей. Этим он спас их жизни и их богатства.

Народ же был брошен на произвол судьбы. Грабители и в этот раз грабили окрестности Кашгара. Никто не сопротивлялся, они, подступив к городу, окружили его. Эмир Пирмухаммад даже носа не высунул. Наконец, чаша терпения переполнилась. Не оставалось другого выхода, как избавиться от хокима, ни на что не способного, кроме обжорства, жадного стремления наполнять свой кошелек.

Они теперь даже не стали утруждать себя посылкой человека в Самарканд. Кашгарцы, выбрав в посредники Мухаммада Шарифа, заключили с моголами мир, а связанного по рукам и ногам эмира¹ Пирмухаммада выдали главному военачальнику моголов. Эмир Саид Али, убив его, овладел Кашгаром. Таким образом в 840 (1437) году вилайет Кашгар был присоединен к Моголистану. Эмир Саид Али до своей смерти в 1458 году почти в течение двадцати лет управлял этим городом.

В 30-40-е годы XV века Шахруху и Улугбеку пришлось вести борьбу с двумя сильными кочевыми государствами: с Абулхайрханом, подчинившим себе народы и племена, проживавшие в восточной части Дашт-и кипчака, а также с видными представителями династии Кара-хоюнлу Искандаром и Джаханшахом, которые установили свое господство в Азербайджане и Ираке.

Шахрух трижды отправлялся в поход на Искандара (в 1429, 1430 и 1435 годах), но ни разу так и не удалось вступить в сражение. Каждый раз, когда Шахрух появлялся

в пределах Азербайджана, каракуюны, не сдержав натиска его многочисленного войска, отступали в глубь страны, потом, прислав послов и богатые дары, клялись: «Не вынем более наши головы из ошейника повиновения». Но стоило Шахруху покинуть Азербайджан, как они снова поднимали мятеж, еще до того как он доезжал до Герата. У Шахруха не осталось сил держать их в повиновении. И по этой причине в 1438 году, когда в Герат прибыли послы Джahanшаха, только что провозглашенного падишахом, он в переговорах вынужден был признать независимость Азербайджана и Ирака.

Борьба с Абулхайрханом и кочевниками Дашт-и кипчака для Шахруха и Улугбека также была нелегкой. Они каждый год, особенно в зимнюю пору, вторгались во внутренние районы Мавераннахра и, ограбив бедный народ, столь же стремительно уходили. Да, кочевые племена испытывали в зимнюю пору недостаток кормовых трав для своих стад, не хватало у них продовольствия и одежды. Поэтому они в 1431 и 1435 годах дважды вторгались в Хорезм под главенством Абулхайрхана и захватывали его северо-западную часть, включая и Ургенч.

В. В. Бартольд пишет, что единственной целью этих походов был грабеж и захват большой добычи. Но в сохранившихся первоисточниках на этот счет говорится и нечто другое. Так, по сведениям, приведенным в книге «Тарих-и Абулхайрхан», основной целью похода Абулхайрхана на Хорезм было его покорение и включение в состав кочевого узбекского государства. В то время Хорезмом управлял эмир Ибрахим, сын эмира Шахмалика. Когда Абулхайрхан вторгся в 1431 году в Хорезм, то почему-то не встретил настоящего сопротивления. Автор книги «Бахрул-асрар» Махмуд ибн Вали приводит интересные сведения: «Абулхайрхан, направив в крепость посла, потребовал у эмира Ибрахима сдать город по-хорошему. Знатные люди города и верхушка духовенства, в конечном счете, вынудили сдать город хану, не оказав сопротивления». Как бы там ни было, эмир Ибрахим, оставив Ургенч, бежал в сторону Ката и Хивы. Вот таким образом Хорезм перешел в руки Абулхайрхана.

На страницах книги «Тарих-и Абулхайрхан» читаем: «Абулхайрхан, после того как он занял Хорезм, приказал открыть двери казны, где хранились сокровища, с превеликим трудом накопленные правившими прежде падишахами, затем усадил у дверей казны двух своих доверенных эмиров и приказал остальным эмирам, правителям и стражникам,

чтобы они по двое входили в казну и набивали свои карманы серебряными монетами и разными жемчугами-драгоценностями столько, сколько влезет. И они брали из казны столько, сколько хотели, все вдруг стали богатыми...»

В пределах Хорасана и Мавераннахра стали проявлять активность кочевники династии Кара-коюнлу и Дашт-и кипчака. Но ни Шахрух, ни Улугбек уже были не в силах совладать с ними. Что касается Улугбека, то он еще помнил сокрушительное поражение, которое потерпел от Баракхана.

События в Хорезме не могли не тревожить Шахруха. Причину бед он видел и в ослаблении внимания Улугбека к государственным делам. Должно быть, по этой причине в середине месяца джумади ал-аввал 835 года (середина января 1432 года), зимую в Серахсе, призвал к себе Улугбека. Поначалу при всех обнял сына, был милостив с ним и за дастарханом. Но когда высшая знать разошлась и отец с сыном остались наедине, падишах внезапно насупил брови и обратился к Улугбеку:

— Вы, наверное, ведаете о том, что происходило в Хорезме, мирза?

— Конечно, атаджан. Опасаясь за рубежи Туркестана, мы не смогли послать помощь эмиру Ибрахиму.

— В небесах со стороны Дашт-и кипчака вы не заметили никаких стервятников или не рассмотреть это было с крыши Талли-расал?!

Улугбеку не оставалось ничего другого как опустить голову и промолчать. Да и что он мог сказать? Отец его осведомлен обо всем. В самом деле он, забыв обо всем, увлекся наукой, не то, что в Хорезме, но и во дворце стал редко бывать.

В тот вечер Шахрух довольно долго пытал сына за то, что он не послал войско на помощь эмиру Ибрахиму, а на следующий день за завтраком высказал расположение и милость Байсункуру-мирзе, который был вызван из Герата незадолго до прибытия Улугбека в Серахс.

Между прочим спросил Байсункура:

— Эмирзаде, наверное, прошло уже много времени с тех пор, как вы не были в Самарканде?

— Да, много, атаджан.

Байсункур попеременно бросил взгляд на отца и на старшего брата. Нетрудно было разгадать смысл этих многозначительных слов. Улугбек, разумеется, хорошо осознал, на что именно намекал отец.

Он вернулся в Самарканд грустным. Часто пребывая те-

перь в угнетенном состоянии, стал побаливать. Мало с кем общался, был мало разговорчив. В иные мгновения испытывал саднящую душу боль от сознания несбывшихся надежд... «Вот такова участь пышного падишахского величия, обреченная на тлен, забвение, а то и осмеяние потомков», — сказал он однажды сам себе. Горько сожалел о жизни, проведенной в походах на коне. Сожалел о том, что задолго до всего этого не уступил Мухаммад Джуки или Байсункуру это величественное и пышное возвышение, именуемое тронem. Напрасно прожитая жизнь! Образумься он в то время, как далеко продвинулся бы в науке, в созиidании...

МИРА КРАСОТА НЕТЛЕННАЯ...

Минуло почти пять с половиной веков с той далекой поры, когда не стало Улугбека. Опередивший свой век, не понятый современниками, кроме узкого круга своих соратников, он, пожалуй, всю жизнь переживал трагедию своего одиночества. Народ в своей массе, поглощенный тяжелой борьбой за существование и выживание, все-таки был далек, очень далек от помыслов Улугбека-ученого, погруженного в исследование загадок мироздания. Для народных масс он прежде всего был падишах, владеющий несметными сокровищами, столь знатный, могучий и великий, что простолюдину, дехканину и ремесленнику немислимо было даже представить саму возможность какого-то человеческого общения с ним. Недоступный и, что ни говори, бесконечно чужой...

Мог ли Улугбек предположить, надеяться, что когда-нибудь будет признан, оценен, приближен к народу и найти в этом утешение для себя. Да, мог, ибо, как гениальный ученый, верил в силу прогресса. Но в силу же этой, присущей гениям прозорливости, понимал, как бесконечно далеко еще до этого. Не могло это угнетать человека с тоской по гармонии в его настоящей жизни. Наверное, поэтому, при всей своей уверенности и надежде, что не будет забыт грядущими поколениями, Улугбек не мог избавиться порой от мук и сомнений, раззавших его...

Чем нравственно совершеннее человек, сочетающий в себе в таком качестве глубокий ум, благородство и скромность, тем более он склонен приуменьшать масштабы своих деяний, а то и вовсе отрицать их пользу, особенно же в мгновения горьких и тяжких раздумий под влиянием суровых и жестоких обстоятельств.

Откажись он от трона, было ли бы это благом для государства, для народа? История, минувшие века, осмысленные нами деяния Улугбека убедительно подтверждают предположение, что государственная деятельность Улугбека, в том числе и его походы, как следствие и продолжение его внутренней политики, были не только вынужденными, но и необходимыми для поддержания и упрочения централизованного узбекского государства ради высших интересов народа.

Улугбек проявился именно в том, что смог совместить свои походы, свои нескончаемые обязанности по управлению государством с деятельностью и занятиями ученого, великого организатора науки и культуры в Самарканде и в Мавераннахре. Титул монарха, сосредоточившего в своих руках политическую власть и управление экономикой, право распоряжения казной создавали ему огромные возможности как для плодотворного занятия наукой, так и для успешного претворения в жизнь, в практику своих открытий, совершенных подчас в тесном содружестве с талантливой когортой ученых, воспитанных и объединенных им. Вот тут-то проявил себя и отличился Улугбек с первых же дней вступления в семнадцатилетнем возрасте на престол.

На следующий день после того как Шахрух, взяв с собой Шахмалика, отправился в Хорасан, Мирзо Улугбек в сопровождении агзама ходжи Насириддина Насрулла Хавафи, старших эмиров Аргуншаха, Таваккала-барласа и Хамзы чухра-ага решил обойти город. Настал день, который Улугбек ждал нетерпеливо, исполнились его мечты и надежды — он теперь правитель Мавераннахра и Туркестана... Может приступить к претворению в жизнь своих заветных желаний. Серьезно займется наукой, вдохновит и объединит ученых. И примется за исполнение своего самого сокровенного желания — воздвигнет обсерваторию. И какие-то еще не совсем ясные даже себе, но лучезарные горизонты будто засияли и раскрылись перед его мысленным взором. Мало ли какие полезные и благородные дела может осуществить теперь Улугбек, вершитель собственной судьбы и народа своего обширного государства. Как благоустроить ее и облегчить жизнь народа, дабы он, вздохнув свободнее, возвеличил себя в веках великими делами. Вот такие думы и заботы занимали теперь Улугбека...

Солнце только что поднялось, когда падишах вместе со своей свитой выехал из ворот дворца. В тот день они первым делом совершили паломничество к мазарам Куссам

ибн Аббас, ходжа Мухаммад-санграсон, шейх Абу Мансур Матуриди, ходжа Абди-дарун и ходжа Абди-бирун, а также к мазарам Гур-Эмир и Рухабат. Так ли уж надо было падишаху Улугбеку, у которого земных дел было сейчас невпроворот, отдавать дань ритуалу паломничества именно сейчас?

При каждом потрясении души, то ли от счастья или горя, при рождении высоких и чистых помыслов или при намерении свершить благородные дела, памятуя о бренности мира, что каждый уйдет туда, откуда возврата нет, положено посетить могилы предков, ибо ты жив и наслаждаешься жизнью какой бы она ни была, а их уж нет... Так помни же о них, унесших с собой все думы свои и печали, коим у человека никогда нет ни конца, ни края.

Чем счастливее был человек в этой жизни, тем мучительнее расстался он с ней, с родными, с близкими, с любимой... Будешь чтить их и будет тебе облегчение в жизни, а придет твой час, смерть не будет невыносимо тяжелой, если ты успел приобщиться при жизни к бессмертному духу ушедших, значит, не забудут и тебя...

Вот таков смысл паломничества к могилам предков на Востоке. Улугбек завершил исполнение своего долга посещением джами-мечети и гробницы Шах-и-Зинда. Они произвели на этот раз особое впечатление. Великих зодчих, создавших эти бессмертные творения, вдохновил его великий дед. В их помыслы он вдохнул свои дерзания, свое стремление возвеличить свою столицу Самарканд среди всех столиц мира дворцами, садами и гробницами, способными изумить и восхитить мир, обессмертить народ и его имя. Что ж, дед достиг своей цели. Восторг, восхищение и преклонение испытывал перед ним Улугбек. И от внезапно нахлынувшей печали, от горечи невозполнимой и невозвратимой утраты больно и тоскливо стало его душе. Но что поделаешь, таков закон жизни и Вселенной. Вечен в этом мире только дух человека, непокорного и пытливого. Суждено ли ему умножить славу деда. И он тоже жаждет возвеличить Самарканд. Но как? Казна пуста. «Нет, не падай духом, Улугбек! Все в твоих руках. Дед начал, я продолжу. Я смогу. Зачем жить иначе, если нет великой цели. А для человека, удостоившегося трона, это все равно, что быть бесплодным деревом — стыд и позор», — убеждал сам себя молодой правитель.

Не заметил, как охваченный раздумьями, вместе со спутниками достиг базара Чорсу. Базар Востока, многоголовый, бойкий, пестрый, говорливый — вечно живой. Торговые

дуканы всегда полны самых разнообразных тканей: карбоса, парчи, голубых бархатов, фаты, атласа, таргу, дибо, колин, зулуча и многих других редкостных товаров и сшитых из них одежд. А в торговых рядах Самарканда великое многообразие фруктов, созревших в его садах, полным-полно всяческих яств, знаменитых самаркандских лепешек: оби, пулоти, ширмой седана-пайванд, нони-заргарон, нонисией... А вот и ряды совмещенных с дуканами и окружающих базар со всех сторон мастерских: по изготовлению гвоздей — михгарчилик, медной посуды — мисгарчилик, гончарных изделий — кулолчилик, ичигов — махсидузлик, переплетных — саххофлик, ювелирных — заргарлик, каменотесных — сангтарош, плотничьих — наджжорлик. Тут изготавливается вся необходимая для хозяйства утварь, изумительные по качеству краски и даже военное снаряжение — нагрудные панцири — джиба, совут — кольчуги, баргуствон — нательные панцири для коней. В мастерских, построенных над арыком Об-и рахмат и снабженных специальными жерновами, производят разных сортов бумагу, которой тут же торгуют в дуканах. В других дуканах расположились искусные каллиграфы, мастера — наккоши, украшающие страницы книг позолотой и разнообразными узорами. И нельзя не восхищаться лавохами — мастерами книжных миниатюр. А вкуснейшие блюда, приготовляемые искуснейшими поварами!

Самарканд был благоустроенным и сытым городом. Махмуд Кашгари не напрасно же назвал его Семизкент — Сытый Город.

Улугбек был удовлетворен общим состоянием города. Конечно, он был столь благоустроен благодаря необыкновенному развитию ремесленничества, ювелирного дела и торговли, а во-вторых, за счет огромных богатств, накопленных эмиром Тимуром в своих победоносных походах в Иран, Азербайджан, Ирак, Турцию и Индию и которыми финансировал строительство дворцов, а также благодаря великому искусству мастеров, пригнанных из этих стран. Они, пребывая рядом с самаркандскими, кешскими, бухарскими и хорезмскими архитекторами, плотниками и резчиками по ганчу и алебастру, построили в Самарканде, Бухаре, Гиждуване, Кеше и в других городах Мавераннахра мечети, медресе, великолепные дворцы, прекрасные каравансарай и бани.

Да, много великих дел успел совершить дед, но, как это бывает с каждым — смерть застала его врасплох и далеко не все успел он завершить. Человек никогда не бывает

удовлетворен достигнутым, а еще чаще великие мечты остаются мечтами — удел, как знал Улугбек, постигающий и многих ученых. Не из их ли числа был и его устоз — воспитатель, ученый-астроном Бадриддин, отягощенный службой при дворе, бедностью и зависимостью. Как страдал он от того, что не может серьезно заняться астрономией.

И тут Улугбеку стало вдруг тяжело и тоскливо на душе. А много ли возможностей у него, занятого государственными делами. Подумав так, внезапно ощутил потребность свидеться и поговорить по душам с этим дорогим для него человеком, который, заболев тяжело, уже не появлялся на людях, не выходил из дома. Совершив паломничество к гробнице Бурханиддина Сагарджи, Улугбек отпустил свиту. Вместе с несколькими нукерами-телохранителями, постоянно сопровождавшими его, повернули коней в сторону махалли имама Хан Саида.

Невзрачный дом устоа был расположен прямо рядышком с мазаром имама Хан Саида, у родника Навадон. Хозяин дома был не один. Его посетили гости — мавляна Афзалиддин Кеши, шейхульислам ходжа Исамиддин и ходжа Фазлуллах Абуллайси... Все трое были образованные, тонкие и интересные собеседники.

— Да будет благословенно ваше явление, мой мирза,— низко и учтиво поклонился шейхульислам ходжа Исамиддин, затем с благодарностью добавил:— Столь возвышенная и истинная доброта падишаха благотворна и для подданных.

Мавляна Бадриддин был глубоко тронут — его навестил бывший ученик, ныне могущественный и всесильный падишах, наделенный правом распоряжаться жизнью и судьбой подданных. Он попытался было подняться с места.

— Не надо, не надо, устоз, не беспокойтесь,— Улугбек опустился перед ним на колени. Учитель, совершив над собой усилие, приподнялся и обнял монарха, который, поддерживая и поглаживая вытянутые руки больного, бережно опустил их, затем, действуя столь же трепетно, помог поудобнее устроиться ему. И только после этого осторожно присел рядом сам, уперевшись коленями о пол.

После короткой молитвы-благословения и взаимных расспросов Улугбек, боясь, что, засидевшись, может переутомить больного, сказал откровенно:

— Ваш покорный слуга уж давно желал видеть вас всех. Повезло нам. Очень хотелось бы посоветоваться со всеми вами. Мы сегодня еще раз осмотрели нашу столицу, совершили паломничество к святым и дорогим могилам. Самар-

канд наш, благодаря заботам нашего великого деда, стал столицей красивейшей и благоустроенной.

— Именно так, ваше величество, — шейхульислам Исамиддин, приложив руки к груди, подтвердил правоту слов падишаха.

Улугбек помолчал мгновение, оглядел по одному сидевших, увидев, что его слушают с выражениями искреннего доброжелательства и даже благоговения на лицах, произнес:

— И мы желали бы оставить после себя добрую память, хотели бы продолжить дело нашего деда.

Кто же станет возражать, когда выражают столь благородное желание, правда, если быть откровенным, не совсем скромное. Будучи искренними, многие могли бы сказать на этот счет мудрецы. «Надо хотя бы начать эти великие дела, чего-то уже добиться, чем-то заявить о себе, и даже тогда не каждый бы заикнулся о своих великих намерениях. Ведь истинно великие предпочитают заявлять о себе делами». Таков был всемогущий Тимур. Но мудрецы были снисходительны, ведь перед ними сидел царь, еще очень молодой и в глубине души не совсем уверенный в себе.

Затем мавляна Бадриддин спросил почтительно:

— На что именно подвигнул вас Аллах, мой мирза, не угодно ли будет поделиться с нами?

— Со всей душой, устоз. Мы прежде всего намерены соорудить в Самарканде обсерваторию.

— Баракалла, это будет осуществлением и наших помыслов. — Хоть глаза мавляны Бадриддина посветлели, а в голосе прозвучала радость, он все же после паузы выразил опасение: — Но как посмотрит на это наше уважаемое духовенство?

Эти слова мавляны Бадриддина были обращены к шейхульисламу, который ответил с готовностью:

— Слово падишаха да будет исполнено. Обсерватория воистину прославила бы Самарканд. Но если их величество не посчитают за вину, мы изложили бы одну мысль, пришедшую в нашу грешную голову.

— Со всей душой выслушаем вас, мавляна, говорите.

Шейхульислам, приложив руки к груди, поклонился Улугбеку, затем продолжал:

— Среди почитаемого нами знатного духовенства есть такие высокоуважаемые, как мухтасиб Сайид Ашик, Низамуддин Хомуш и ходжа Мухаммад Парса, не считаться с ними невозможно. По сей причине я полагаю, что строительство надо бы начать с мечети или хотя бы с медресе.

И мечеть, и медресе для правоверного есть очаг просвещения.

Мавляна Бадриддин нашел мысль шейхульислама уместной. Улугбек счел возможным подвести итог:

— Мы согласны с вами, таксыр. Мы начнем строительство именно с мечети и медресе. Во славу великого Аллаха мы воздвигнем не одну, а даже две или три медресе.

К вечеру этого дня во дворец были созваны эмиры, визири, агламы, шейхульислам, кази-калан. Среди приглашенных был Низамуддин Хомуш — видный и влиятельный представитель ордена накшбандиев, к мнению которого тоже нельзя было не прислушаться.

После молитвы-благословения, обмениваясь мнениями, признали, что после долгих войн, продолжавшихся и после смерти эмира Тимура, положение народа стало тяжким. Надо было немедленно облегчить его участь. По знаку падишаха взял слово визирь-агзам.

— Уважаемому собранию известно, — сказал он, — что во времена Халил Султана мир и покой страны нарушились. Народ был обречен на бесконечные войны и сражения. Урожаи снизились, разорились ремесленники и купцы. Цены на базарах возросли. Сверх всего этого Халил Султан повысил и налоги.

Казначей прибавил:

— После Халил Султана и в главной казне не осталось даже фулуса акчи — ни медяшки. Пусто.

Не сказал ничего утешительного и муставфий ал-мамалик — верховный визирь падишаха по делам финансов. После его слов наступило тяжелое молчание. Улугбек оглядел собравшихся — все молчали. Ждали, что скажет молодой падишах. И Улугбек выразил свое мнение:

— Если соизволили все высказать, то мы попросили бы визирь-агзама и муставфий ал-мамалика о следующем: пусть они призовут к себе из наших финансовых правлений всех должностных лиц, которые подготовят закон об упорядочении налогов и базарных цен. Пусть будет уточнена поземельная и подушная подать, взимаемая с каждого джериба земли...

После ужина он призвал к себе китобдара — хранителя книг и велел отыскать трактаты об управлении государственными делами. Скоро китобдар положил перед царем три книги. Одна из них была трактатом Насируддина Туси о ведении финансовых дел Элханидами, вторая — Мухаммада ибн Хиндушаха Нахичевони «Дастур ал-

катиб ва таъйин ал-маротиб» («Руководство для секретарей в определении степеней должностных лиц») и третья — Абдуллы ибн Мухаммада Мазандарана «Рисала-йи фалакия» («Трактат о небесных сферах»). Улугбек недели за полторы изучил эти книги.

И во времена эмира Тимура служащие дивана в своей деятельности опирались на инструкции, изложенные в этих трудах, авторы которых обосновывали цифрами и жизненными аргументами каждую статью излагаемого ими закона. Но ко времени правления Халил Султана мансабдоры — должностные лица пренебрегали этими инструкциями. Улугбек это знал. Но чтобы покончить с этим, надо было вступить в борьбу со многими, в том числе и из своего окружения. К несчастью, в те времена обе его руки были связаны — бразды правления государством находились в руках Шахмалика. Но теперь уже правил он сам. И все-таки исправить все сразу было невозможно. По этой причине на настоящем собрании Улугбек без дальних слов коротко сказал о своей цели:

— Все налоги, введенные во времена нашего великого бобо, остаются прежними, но мы должны усилить контроль над всеми теми, кто их взимает и доставляет в казну. Останется в неприкосновенности и взимаемый с купцов и ремесленников налог-тамга.

Тут некоторым эмирам явно стало не по себе, ибо и они имели отношение к торговым и купеческим делам. Недовольство это не осталось незамеченным Улугбеком.

Наконец, Улугбек высказал совету свои соображения относительно благоустройства городов Мавераннахра. И тут большинство снова высказалось за то, что дело надо начать со строительства мечетей, медресе и обителей дервишей — хонакахов, с благоустройства гробниц.

Что мог сказать и что хотелось бы возразить тут Улугбеку? Да, он тоже был правоверным мусульманином, и по этой причине признавал верховенство предначертания, направляющего помыслы и деяния мусульманина к свершению дел, праведных и потому добрых, нравственных и благородных, предначертания, всеильного внушением о бессмертии души, оправдывающего и облегчающего тяготы земной жизни и удерживающего от греха-зла, утоляющего тоску души человека по совершенству жизни, если не на земле, то в небесах. А что там в небесах? Обитель Всевышнего? Или в его безмолвии и беспредельности сокрыты и другие тайны мироздания? Как проникнуть в них? Что движет звездами, планетами и вечны ли они?

Улугбек уже с поры юности глубоко задумывался над загадками бытия человека, природы и Вселенной. Но разве мог он выразить подобные мысли вслух?

Улугбек сдержал свое слово. Он и в самом деле построил не одну, а три медресе. Первое из них в благородной Бухаре было завершено в 1417 году, второе — в Самарканде в 1420 году, третье же — в Гиждуване в 1433 году.

В одной из книг того времени описано: «Скалообразная грандиозность медресе в своей прочной величавости и внушительности взяла себе подобие будто с какого-то небесного волшебного здания. От тяжести ее могущественных порталов, казалось, могла содрогнуться земля, а зубцы по красоте уподоблялись резным капителям неких сказочных небесных дворцов, а глазурь изразцовой мозаики искрилась мерцающими звездами небес. А солнцеподобное сияние, позолота узоров были столь же изумительны, как волшебный купол необъятных небес, озаряемых лучами солнца».

В двухэтажном медресе было обычно два десятка худжр, каждая из которых состояла из трех помещений: казнак-чулана, спальни и дарсхона — комнаты для занятий. В медресе Улугбека в Самарканде жили и обучались свыше ста учащихся. Ведущим муддarrisом медресе был выдающийся ученый того времени мавляна Шамсуддин Мухаммад Хавофи. В книге «Бедоий ул-вакаиъ» знаменитого писателя XVI века Зайниддина Васифи читаем: «Когда строительство медресе было завершено, на пространстве его двора было проведено большое собрание, куда пожаловал и Мирзо Улугбек. Когда у него спросили: «Кого назначить первым мудarrisом медресе?», Улугбек ответил: «Мударрисом медресе будет назначен человек, самый выдающийся в науках, если отыщется такой». Только произнес он эти слова, как некий человек, одетый в отрепья и сидевший на том собрании, решительно поднялся с места и, поклонившись мирзе, сказал: «Я прочитал и изучил великое множество книг, но с каждой прочитанной книгой я убеждался, сколь ничтожны и малы мои познания. Но может быть их хватит, чтобы преподавать в медресе. Не соизволите ли проверить?» Мирзо Улугбек тут же устроил ему экзамен. Все присутствовавшие были поражены совершенством познаний этого безвестного для них человека. Молодой царь велел отвести его в баню, после того как умоется, соответственно одеть. В день открытия медресе он, уже в должности мударриса, дал свой первый урок вместо Шамсуддина Мухаммада Хавофи. Присутствовали девяносто ученых, но смысл

преподанной науки был столь глубок и основателен, что ее новизну и необъятность уразумели до конца только Мирзо Улугбек и Казизаде Руми. Остальные только диву давались.

На солнечной стороне медресе Улугбек построил замечательную мечеть. Относительно этого здания в «Бабур-наме» есть такие ценные сведения: «Купол хонагоха бесподобно величественный, подобного которому, пожалуй, нет в мире... С южной стороны медресе построил еще одну мечеть, которая называется мечеть мукаттаъ. Потому называлась мукаттаъ, что ее искусно обтесанные преогромные балки были в резных узорах классического стиля, получившие название ислими и хитойи. Все стены и потолки были расписаны также на такой манер».

Стройки, о которых мечтал Улугбек, развернулись в 1424 году, после великих весенних празднеств — Навруз аълам. Таков был народный обычай. На востоке с древнейших времен все достойные дела начинались в эти дни.

Навруз обычно приходится на первый день месяца хамал, по принятому ныне календарю на 21-22 марта. Большинство самаркандцев по установившемуся издревле обычаю этот священный праздник встречали на Чупан-Ата — на раздолье равнинного холма, светлые и прозрачные дали которого, будто расширяя до бесконечности лазурный небосклон, сказочно манили и радовали всех, кто прибывал в это прекрасное место на северо-восточной стороне города.

Чупан-Ата была особенно прелестна и привлекательна в весеннюю пору. Все вокруг ярко зеленело, расцветало тюльпанами и великим множеством других весенних цветов. Ячмень и маис, пышно прораставшие в низовьях холма, делали пейзаж более живописным и красочным.

Более чем когда-либо Чупан-Ата бывает многорядна в дни Навруза. Сюда сходятся все знаменитые акыны, бахши, поэты и хафизы как из Самарканда, так и из всех городов и селений Мавераннахра. Так было и сегодня. В одном месте — канатоходцы, в другом состязаются остроловы, далее на равнине — улак...

В первый день Навруза Мирзо Улугбек и его близкие: шейхульислам мавляна Исамиддин, ходжа Джалалиддин Фазлуллах Абуллеси, мавляна Муиниддин Кашифи, Гиясиддин Джамшид Кашани, Казизаде Руми, ходжа Абулмумин, мавляна Бадахши и другие также отправились в Чупан-Ата. Вначале они поднялись на вершину холма и совершили тут паломничество на мазар Чупан-Ата, затем прибыли к берегу арыка Об-и рахмат. Место это, называвшееся Накши-Джехон — красота мира, возвышалось над окрест-

ностью. Падишахские бакаулы, хонсолы и фарраши — повара, столыники и распорядители празднества, прибывшие еще вчера, приготовили уже все к пиршеству. Для удобства пирующих вдоль берега арыка соорудили ряды внушительных сури. Улугбек и его спутники заняли самое большое сури, возвышавшееся в центре. Хонсолы постелили дастарханы, полные всяческих яств: прекрасно сохранившиеся дыни, арбузы, яблоки, виноград и гранаты, вплоть до урюка, персиков, черешни и инжира. От сумалака до палуда — блюда из фруктов и великого множества сортов халвы. Разнообразные блюда, приготовленные из мяса кекликов, перепелок и ягнят... На дастарханах красовались излюбленные лакомства самаркандцев — особые сорта пшеницы, ячменя, фасоли, гороха и кукурузы, выращенных в специальных посудах.

Музыканты и певцы, расположившись на отдельном сури, пели и играли.

Мушоире — поэтическому состязанию, устроенному мавляной Бадахши, ходжой Абдулмумином и мавляной Саккони, также внимали с неподдельным интересом, восторженными возгласами вознаграждая авторов за те или иные стихи, строки или даже удачное и точное слово.

В ту эпоху расцвета поэзии, высокого авторитета и популярности поэтов народ в своей массе, будь то дехканин или купец, воин или военачальник, сошедшиеся на сайил из дальних и ближних мест, ценили поэтическое слово, что сближало и сплавивало всех.

Абу Райхан Бируни сказал так:

—И в землях Ирана, и Турана, в эпоху Тахмураса, Джамшида и Афрасиаба, с древнейших и наидревнейших времен справлялся Навруз. Сие великое празднество, по дошедшим до нас поверьям, оповещало о пробуждении природы и всего сущего живого. По этой причине Навруз признавался символом новой жизни. В эти дни раздавались падишахами подарки подданным. Дехкане расчищали арыки, каналы, готовили путь воде, сажали деревья. Все земледельцы принимались за свои вечные дела в садах и на нивах...»

Вот в таком духе убедительно и по-своему красочно говорил ученый, доказывая, что деяния тружеников на нивах в весеннюю пору, простые и жизненно необходимые, сплавившая весь трудовой люд, выполняют еще и какое-то другое, высшее предназначение — от весны к другой весне происходит не только обновление жизни, но и в чем-то неуловимое и тем не менее существенное ее качественное совер-

шенствование. Изменяется и развивается духовная сущность народа, обогащающегося познаниями, порождающими в свою очередь жажду новых познаний — всего сущего вокруг и смысла своего бытия. Условием продолжения, обновления и совершенствования ее является именно познание — души, природы, связанных воедино и неразрывно, что Навруз смыслом и сутью своей внушает человеку идею этого спасительного единства — человека и природы.

В разговор вмешался шейхульислам Исамиддин:

— Абу Райхан Бируни в «Асар ул-бакия» приводит интересный сказ: «Сии дни называются Наврузом потому, что сабийцы, празднующие Навруз, начали приобретать известность в эпоху Тахмураса. Когда падишахом стал Джамшид, то язычники приняли новую веру и это обновление стало называться Наврузом, то есть новым днем, хотя этот день был почитаем и до Джамшида, но начиная только с эпохи Джамшида обратился в хаит — празднество!»

Вот такую эрудицию обнаружил шейхульислам мавляна Исамиддин относительно Навруза. Сведения, поведенные им, разумеется, были интересными, но настолько ли уж захватывающими, чтобы им терпеливо внимали собравшиеся тут толпы народа.

Как подтверждают документы, художественные и исторические, внимали, и в этом, конечно же, выразилось всенародное благоговейное отношение к этой традиции предков, ведущей свое начало из глубин веков. Она, формируя народную душу и оставаясь в своей потаенной глубине во многом загадкой для нас, свидетельствует о тысячелетиях нашей истории, что складывавшаяся на их протяжении народная нравственность, чистая и возвышенная, колоритная и самобытная, в своей основе, в своей корневой сути стойка, прочна и незыблема. И об этом позаботились, смеем утверждать, наши предки, жившие тысячелетия назад.

В силу сказанного, уважительно-трепетного отношения масс народа к празднованию Навруза, каждый поэт, ученый, музыкант, певец почитали престижным для себя выступить и иметь успех именно на празднестве Навруза. Вот поэтому-то как только сделал паузу шейхульислам Исамиддин, воспользовавшись этим, ходжа Фазлиддин тут же подхватил мотив и произнес выразительно:

— А как говорится в другом предании, за месяц до начала Навруза в городах и крупных селениях воздвигались кирпичные опоры — площадки с земляной насыпью-почвой, всего двенадцать, что было намеком на двенадцать месяцев года. Опоры украшались редкостными материями, а

почва за сорок дней до Навруза засеивалась пшеницей, ячменем, кукурузой, просом, кунжутом, рисом, фасолью и горохом. К Наврузу они успевали взойти и зазеленеть. К срезанной зелени пшеницы присоединяли муку, масло и из этой смеси варили в огромных казанах наше знаменитое блюдо — сумалак. В первый же день весеннего месяца хама-ла на огромное пространство вокруг этих опор-столбов валил народ на празднество...

В этом месте Фазлиддин остановился и оглядел сидевших.

Казалось, он мог продолжать и дальше, ведь прервал чтение в самом интересном месте, по-своему заинтересовав слушателей. Но ходжа Фазлиддин был многоопытен. Он знал — народ любил поэзию, не насилуя себя. По неписаному правилу терпением публики нельзя было злоупотреблять. Так поступил и ходжа Фазлиддин — остановился. Это оценили все, и это выразил Улугбек словами:

— Прекрасно, мавляна! Мы душевно благодарим вас за доставленное нам наслаждение. — Тут он заметно лукаво улыбнулся и продолжил: — Навруз еще не знает, как растолкуют его сон. Ему положено помучиться. Хоть мы и сочувствуем ему, пускай испытает эти муки. Это пойдет ему на пользу...

Любое празднество любо его участникам возможностью посидеть за застольем с другом или даже с каким-то новым человеком, с которым, как это бывает на празднике, кто-то сходитя, хоть и неожиданно, но тепло и близко.

Жаждающие разнообразия общения с видимым удовольствием переключаются с поэтического состязания, со зрелищ вообще на застолье, где не возбраняется и пиршество, на котором по традиции никому не приходит в голову нарушить меру. Она так строга, что можно говорить о поголовной трезвости на празднике Навруз.

Улугбек и его окружение предпочли застолье из множества вкусных и изысканных блюд. Продолжалось оно до ночи. Наконец, падишах и его близкие, должно быть, приустиали, поэтому, подмяв под себя пуховые подушки, вытянулись. Улугбек, который лежал, уставившись на звездный купол сияющего неба, произнес:

— Дивно, и ночь этих мест обладает изумительными достоинствами. Небо до того низкое, что протяни руку — и точно заденешь, можно будто захватить в горсть его свет и сияние.

— Вон ту звезду Кастор из созвездия Близнецов можно

легонько взять, — сказал Казизаде, уставившись на одну яркую звезду.

— А вон звезда Процион, — заметил мавляна ходжа Фазлиддин.

Улугбек, обводя пристальным взглядом купол неба на северной стороне, показал на две сверкающие звезды — Фаркадан.

Ученые довольно долго перечисляли звезды и созвездия. И тут больше всех познаний обнаружил также Мирзо Улугбек.

— Вон та звезда, — сказал он, — входит в созвездие Весы, в мае мы увидим в этом же месте созвездие Скорпиона, в июне — Стрельца, в июле — Козерога, и далее из месяца в месяц — Водолея, Рыбы, Овна, Тельца, Близнецов, Рака, Льва и Девы. А все вместе они составляют созвездие Зодиака.

Тут Улугбек умолк, предоставив возможность продолжать состязание друзьям. Долго он молчал. И вдруг произнес, обращаясь к Казизаде:

— Место это и для астронома привлекательно во всех отношениях, не здесь ли построить нам расадхона, устоз?

— В самом деле, — отозвался ученый. — Как это мне не пришло в голову?

Другие, кто с удивлением, кто полностью полагаясь в этом отношении на мнение Улугбека, дружно поддержали его. Словом, состоялось своего рода обсуждение, итог которого подвел Казизаде:

— Мы согласны, ваше величество. Добрые намерения благословляются свыше!

После окончания Навруза Улугбек, Казизаде, Гиясиддин Джамшид снова собрались на Чупан-Ата. Они взялись за составление проекта будущей обсерватории.

... Составление проекта продолжалось несколько дней. Строители, отправившись спозаранок на Чупан-Ата, возвращались в сумерки, вечером же, собравшись вместе со всеми астрономами у Улугбека, обсуждали детали и предложения. На этих собраниях Улугбек и его соратники интересовались обсерваториями, построенными на Востоке.

— Расадхона, кою строим мы, ни в чем не должна уступать другим, построенным в аш-Шаммасия, Касиюне и Мараре.

Тут Улугбек имел в виду, конечно, расадхона Яхё ибн Абу Мансура, построенную во времена халифа Мамуна рядом с Багдадом, Димишк Халил ибн Абдулмалика, а также возведенную крупным ученым-энциклопедистом Наси-

руддином Туси в Мараге во времена Холакуна.

— Да поможет Всевышний в осуществлении ваших намерений. Эти расадхона до настоящего времени считаются самыми знаменитыми на Востоке. Но обсерватория, что строит Улугбек, по воле Аллаха, как мы полагаем, должна превосходить их,— сказал Казизаде Руми.

Накануне того дня, когда должно было начаться строительство, ученые, архитекторы и мастера, призванные руководить строительством, а также знать города, всего около пятисот человек, возглавляемые падишахом, снова взошли на Чупан-Ата. Место, отведенное под нее, уже разравнивали и измерили со всех сторон, дабы определить метоположение будущей обсерватории по нисф ан-нахар — по меридиану. Услышав на этот счет сообщение мавляны Гиясиддина Джамшида и главного зодчего усто Исмаила, Улугбек был очнь доволен. Затем же, увидев приготовленный для обсерватории инструмент-треугольник, стороны которого были по четыре гяза, что составляло чуть менее четырех метров, испытал удовлетворение и радость.

— Тысяча благодарностей вам, дорогие. Место расадхона разравнивали очень хорошо и границы его, должно быть, промерили верно. Но погода облачная, в таком случае путь движения солнца трудно рассчитать точно, в вычислениях же может быть допущена ошибка,— внимательно взглянув на небо, продолжал Улугбек:— Судя по всему после полудня тучи рассеются, погода прояснится. Солнце еще не поднялось в зенит. Когда поднимется, надо бы еще раз проверить, насколько разравнивали землю на месте стройки.

Казизаде Руми возразил:

— Мы все это тщательно проверили, ваше величество, думается, нет неровностей.

Гиясиддин Джамшид поддержал Улугбека:

— Так-то оно так, мавляна, но когда погода облачная и солнце еще не поднялось в зенит, в таких условиях в измерениях можно допустить и ошибку.

Начертив на земле форму того самого треугольника, он разными математическими способами доказал свою мысль. Решено было после полудня еще раз проверить все расчеты.

В тот день вечером состоялся разговор об инструментах, необходимых для обсерватории.

— Я знаком с некоторыми книгами о расадхона в Мараге, но саму обсерваторию не видел, в детстве видел только развалины,— сказал Улугбек.

Он хотел построить свою расадхона, как у Насируддина

Туси. Но были трудности в приготовлении необходимых для этого инструментов. Для измерения эклиптического наклона и движения солнца заказали Ибрахиму-мисгару два медных круга, каждый диаметром в шесть гязов. При этом брался за основу опыт Птолемея.

— Положение тысяч звезд этим инструментом не измеришь, мал. Для этого необходим круг диаметром 10 гязов,— сказал Улугбек.— Гиясиддин Джамшид говорит о том, что такой инструмент был построен в эпоху падишаха бувейхидов Азудуддава. Инструмент этот, называвшийся Сулси Фахри, был использован на стройке расадхона в Мараве.

Далее он продолжал:

— Обсерватории необходимы такие астрономические инструменты, как устурлаб, зот ул-халка, зот ул-сукбатайин, зот ашшубатайин и шамила. Следует уделить особое внимание их изготовлению. Нам надо скорее создать хорошие условия работы для Али ибн Иса Устурлаби и непревзойденного Абу Махмуд Ходжанди, которые только и могут смастерить их.

— Большой мастер в этом деле и уста Ибрахим,— сказал мавляна Афзалуддин Кеши.

— Мы не отвергаем инструменты этого мастера, только бы они соответствовали по величине.

Мавляна Гиясиддин сказал о том, что хорошо знаком с работами мастера и что у него есть искусные ученики.

Улугбек хорошо знал, что и сам Гиясиддин Джамшид был искусным мастером в изготовлении инструментов, необходимых для расадхона, поэтому обратился к нему:

— Возглавить это дело мы просим вас, мавляна. Наш искуснейший ученик Алауддин Мухаммад будет вашим помощником.

В этот вечер до мельчайших подробностей были обсуждены все вопросы, связанные со строительством расадхона. Окончательно решено было строить ее в цилиндрической форме, трехэтажной. Ее диаметр намечался в 42 метра, а высота в 31 метр...

На строительство расадхона ушло почти пять лет. Были созданы сотни лучших мастеров Мавераннахра. Строительством руководил сам Улугбек, а при его отсутствии в городе — Казизаде Руми, Гиясиддин Джамшид и Али Кушчи. Историк Абдураззак Самарканди, описавший обсерваторию после завершения ее строительства, подтверждает, что она действительно была трехэтажной. И еще он пишет:

«Здание расадхона было незыблемо, как основа прочного

государства, стены же будто твердые законы. Подобное здание со своими могучими колоннами будет несокрушимо и прочно до самого Судного дня, когда, как говорится в одном аяте—стихотворении Корана, «придут в движение горы». На внутренних стенах этого грандиозного и величественного здания были изображены девять небосводов и начертаны таблицы с градусами, секундами и числами. Кружащиеся небосводы, движения звездных миров, относительное положение звезд в созвездиях, контуры земного шара и картина семи поясов климата были также начертаны с горами и долинами, со всем тем, что содержится в семи поясах климата и с изумительными узорами и учеными цифрами».

Внешняя же сторона здания облицована керамикой и мозаикой. Вокруг обсерватории выросли большие и маленькие худжры, предназначенные для ученых и obsługi. В обсерватории Улугбека была и богатая библиотека, насчитывавшая 150 тысяч книг.

На огромных пространствах за зданием обсерватории были построены для Улугбека загородные дворцы-сады. Они приобрели известность под названием Баг-и майдан и Чиннихона. Здание, построенное посреди Баг-и майдана, было двухэтажным, стены и колонны его сложены из мрамора, одно из зданий во втором саду — из камня, другое — из цветного фарфора, привезенного в 1422 году из Китая. О садах и зданиях вокруг расадхона сохранились сведения в «Бабур-наме»:

«Мирзо Улугбек в низовьях Пушта-и кухака со стороны запада создал сад. Сад имеет майдан. В центре этого сада он построил великолепное здание. Чилстун называется, двухэтажное, колонны сплошь из камня. В четырех углах этого здания подобно четырем минаретам воздвигнуты четыре башни, которые суть для поднятия наверх. И на других сторонах колонны из камня. На них извилистые узоры. Здание со всех четырех сторон окружено верандами, колонны каменные. Перед зданием, в самом центре его, дом с верандами в две противоположные стороны. Ступени всех лестниц в здании выложены из цельных каменных плит. Пушта-и кухак имеет еще один дворец-сад, в котором построено одно великолепное здание, на айване поставлен огромный красиво обтесанный камень длиною примерно в четырнадцать-пятнадцать кари, шириною же семь-восемь кари, высотой в одно кари. И такую скалу-камень привезли издалека. Посередине трещина. Говорят, эта трещина образовалась уже после привоза. В этом саду построили еще один дом, опять-таки с двумя верандами, стены внутри, до

полок ниш, выложены мрамором. Чиннихона называются».

Улугбек жил большей частью в этом саду, расположенном близко к обсерватории.

В те годы одновременно с обсерваторией завершено было строительство еще нескольких общественных зданий: бань и каравансараяв. Самый большой из каравансараяв был построен на парадной площади Регистан, на месте нынешнего медресе Тилля-Кари. Он получил в те времена известность под названием каравансарай Мирзойи. Тут останавливались большей частью купцы, прибывавшие из других государств.

Среди бань Самарканда особенно выделялась построенная вблизи Регистана, чуть поодаль от медресе Улугбека, и тоже называвшаяся баней Мирзойи.

В «Бабур-наме» сказано:

«Мирзо Улугбек вблизи медресе построил еще одну хорошую баню. Сия знаменитая баня Мирзойи была облицована разнообразными высококачественными плитами-камнями. Во всем Хорасане и Самарканде не было столь изумительной бани».

Улугбек завершил строительство зданий, заложенных при эмире Тимуре, но не законченных, в числе их гробницы Гур-Эмир, мемориал Шах-и-Зинда, а также мечеть Кокгумбаз в Шахрисабзе.

В 1425 году Улугбек построил двери в Гур-Эмире с восточной стороны и от нее до самой гробницы соорудил крытую галерею с куполом. Навес над дверью гробницы, боковые стороны, а также крытый айван были украшены многоцветным узором. И мраморные перила вокруг надгробных плит придавали внутреннему виду особую красоту.

Гробницы, расположенные с южной стороны огромного кладбища-кабристана и получившие название Шах-и-Зинда, считаются замечательными образцами зодчества Самарканда. Строительство Шах-и-Зинда начато было в XI веке и закончено в эпоху Тимура и Улугбека. На стенах некоторых гробниц или на их порталах были написаны имена мастеров, соорудивших их: Бадриддин Самарканди, Зайниддин Бухари, Али Насафи, Юсуф Ширази... Особенно усиленно архитектурные работы велись в эпоху Улугбека в Шах-и-Зинда. Выделяются в этом отношении ворота с порталами, сооруженные из цветного кирпича. Построенная с западной стороны Шах-и-Зинда гробница над могилой Казизаде Руми, бывшего его устозом и соратником, считается самой величественной из здешних гробниц. Она состоит из двух комнат, в каждой из которых

купол. Площадь одной — 70, а второй — 35 квадратных метров. Первая для паломников, во второй же — могила Казизаде.

В 1435 году Улугбек построил мечеть с голубым куполом в Шахрисабзе — знаменитый Гумбази Сайидон и Сузангарони в Самарканде...

САМАРКАНДСКАЯ АКАДЕМИЯ

В великую эпоху Ренессанса, с XIII по XV века, в странах Европы произошел невиданный взлет художественного и научного творчества. Накопленная в недрах средневековья энергия недовольства схоластикой и аскетизмом жизни, инквизиторских запретов на радости земного бытия и свободомыслия привела к рождению качественно нового, светского, гуманистического мировоззрения, что и отразилось в искусстве. Человек с его страстями, как высшей ценности бытия и мироздания, стал главным героем бессмертных творений в литературе, живописи и музыке. Ренессанс не миновал и архитектуру.

Принято считать, что многие творения человеческого духа, которыми мы наслаждаемся и поныне, были созданы в эту эпоху Ренессанса только в странах Западной и Центральной Европы. Но имели ли место явления, подобные Ренессансу в каких-то других регионах мира? Именно в эпоху Ренессанса были воздвигнуты восхищающие ныне мир архитектурные ансамбли Самарканда — Шах-и-Зинда, мавзолей Гур-Эмир, ансамбль площади Регистан, мечеть Биби-Ханым и многие другие.

Академия наук, прославившая Самарканд, была основана в XV веке, одновременно с Парижской Академией наук. Блистательные открытия Самаркандской Академии также известны всему миру.

В далеком XV веке существовал научный центр, подобный современным академиям, который выступал организатором различных отраслей наук и в стенах которого росли и воспитывались десятки выдающихся ученых-академиков, создавших фундаментальные труды и особенно преуспевших в астрономических исследованиях в построенной ими же обсерватории.

Во мраке азиатского средневековья, благодаря гению Улугбека начал действовать храм науки, осуществивший прорыв в мировую науку на уровне европейского Ренессанса. В Самаркандской Академии насчитывалось около

сотни академиков. Возглавлял Академию Улугбек, которому помогали трое ученых.

Справедливости ради следует указать, что у Самакандской Академии были свои предшественники. Ничто ведь не возникает на пустом месте. Пальму первенства в этом отношении может оспаривать возникшая в IV веке до нашей эры знаменитая философская школа Платона, с именем которого связано понятие академии — организации ученых, выдающихся и знаменитых, всячески содействовавших своей деятельностью развитию и процветанию наук. Научное учреждение, основанное в Багдаде в эпоху Харун ар-Рашида и ал-Мамуна, известное под названием «Дом мудрости» («Байт ул-хикма»), также считалось академией своего времени. «Дом знаний» («Дар ул-илм»), учрежденный в первой половине X века в городе Мусул, «Дом мудрецов», организованный в 1010 году в древней столице Хорезма в Гургандже, также были своеобразными академиями.

Самаркандское сообщество ученых, созданное через много веков после них, унаследовало их опыт. Вольтер писал: «Знаменитый Улугбек, взошедший в Мавераннахр на трон вместо эмира Тимура, заложил в Самарканде основу для первой академии: он велел измерить земной круг и принимал участие в составлении астрономических таблиц».

Обсерватория Самарканда, ставшая впоследствии известной всему миру, называлась именем города. Построенные Улугбеком медресе в Бухаре и Самарканде были университетами того времени, в которых кроме богословских наук преподавали светские: математику, геометрию, астрономию, медицину, историю, географию, поэтику. В рукописном фонде института Востоковедения Академии наук Узбекистана хранится санад — свидетельство, выданное джигиту Шамсиддину Мухаммаду из Балха, обучавшемуся в самаркандском медресе. В нем перечислены книги, изучавшиеся в медресе, в числе их: «Улучшение яркости тайных помыслов благодаря излучению света божественного», «Выравнивания и исправления чаш весов», «Пути достижения подлинной веры», «Ключи от дверей литературы», «Философия религии и веры».

Медресе и обсерватория были взаимосвязаны. Многие ученые обсерватории были одновременно мударрисами медресе. До того как начала действовать построенная в 1429 году обсерватория, работы по наблюдению за небесными светилами проводились в одной из мечетей, специально

приспособленной для этого, о чем Захириддин Мухаммад Бабур оставил такое свидетельство: «Воистину предназначение этой мечети определялось также и стараниями мунаджима». Астрономические наблюдения осуществлялись и в медресе Самарканда, что отметил знаменитый историк по Средней Азии А. Ю. Якубовский.

Увы, недолго процветала Самаркандская Академия. Век человеческий ограничен, не говоря уже о превратностях судьбы, от которых не избавлен никто и которые зачастую застают человека врасплох, да еще в расцвете творческих сил. Под ударами судьбы безвременно ушли немало соратников Улугбека. Через несколько лет, после того как стала действовать обсерватория, за неделю до великого праздника Навруз, скончался мударрис Гиясиддин Джамшид Кашани. И знаменитый ученый Казизаде Руми, говоря «глаза мои потускнели, а в ногах не стало сил», не мог уже приходить в академию и производить ночные наблюдения, а скоро же вовсе слег и лишился возможности заниматься наукой.

Ученые энциклопедических познаний, умеющие проникать во взаимосвязь расположений и движений небесных светил, предсказать гениальными догадками ума существование бесконечно далеких и невидимых человеческим зрением звезд, были поистине незаменимы.

Многое, что можно было доверить только им, взяли на себя теперь сам Улугбек и его ученик Алауддин Али Кушчи, производивший наблюдения за ночным небом, не смыкая глаз.

Столь самозабвенные, интенсивные и постоянные занятия наукой, одержимость ею не позволяли Улугбеку уделять должное внимание государственным делам, сказать точнее, он отмахивался от них, внешне с досадой, но внутренне с глубоким беспокойством, ибо предвидел, что пренебрежение государственными делами, чем бы это ни мотивировалось, какими бы причинами ни диктовалось, не могло длиться долго и безнаказанно. Недруги рано или поздно воспользуются этим и это может иметь для него последствия самые тяжкие.

Улугбек прекрасно понимал все это и тем не менее ничего не мог изменить в обстоятельствах, возможно, predeterminedных изначально его одержимостью наукой, сколь страстной, столь, как знать, роковой для падишаха-ученого. Путь же, ведущий к этому року, выглядел в повседневности довольно буднично. Прибыв с утра во дворец, надо было удержать в руках бесчисленные нити управле-

ния государственными делами. Он же больше отделялся от них и покидал дворец. Так случилось и сегодня.

Визирь-агзам ходжа Насириддин Хавафи, занесший послания для иностранных государств, бумаги, связанные с ведением дел в вилайетах, грамоты, которые необходимо было заверить печатью, так и остался с протянутыми руками. Падишах, садясь на коня, вроде бы утешил его:

— Сегодня, мавляна, некогда, займемся ими завтра.

— Как вам будет угодно, ваше величество, — хотя визирь-агзам низко поклонился, про себя он досадовал...

В этот день Улугбек экзаменовал студентов по математике и таквиму — таблицам-классификациям созвездий. Студентам, ответ которых не удовлетворил его, он дал задания на дом. Был занят этим весь день. К ночи же собрал астрономов во дворце Чиннихона, расположенном в саду Баг-и майдан на берегу Кухака, и до самых первых петухов занимался вместе с ними классификацией видов отдаленных от Земли небесных светил, определением орбит планет.

На основании полученных результатов исследований надо было составить теперь их общие характеристики.

Жизнь Улугбека, разумеется, не исчерпывалась наукой. Более того, она, скорее, была его личным делом, встречающим сочувствие, понимание и поддержку только у узкого круга его просвещенных друзей, но, по сути, чуждой, непонятной даже многим из его близкого окружения, не говоря уже о том, что немало влиятельных личностей из широчайших кругов знати были настроены враждебно как к занятиям Улугбека наукой, так и к его образу жизни в целом.

Были среди них как фанатики, явно и тайно враждовавшие с ним, так и соратники, единомышленники, духовно близкие ему и всячески оберегавшие репутацию Улугбека, готовые помогать и содействовать осуществлению благородных устремлений великого ученого, но часто бессильные помочь и поддержать его.

В самые морозные дни зимы 1432 года Улугбека постигло горе. 15 января внезапно умер его двенадцатилетний сын мирза Абдурахман, которого он любил горячо, нежно и связывал с ним, умным и одаренным мальчиком, свои великие надежды. Увы, не суждено было им сбыться...

Летом того же года жена Улугбека Бахтигул родила ему сына. Его называли Абдулазиз. На следующий год в

начале лета Улугбек устроил той в честь новорожденного — так повелевал обычай, хоть он по-прежнему горевал по своему сыну Абдурахману. Справили той в Конигида. Не будет преувеличением сказать, что на той повалил чуть ли не весь народ Самарканда. Из Хорасана пожаловала Гавхаршад-бегим. Ремесленный люд Самарканда, дехкане окрестных кишлаков, простолюдины, также созванные на той ревом карнаев и громом барабанов, разместились на площадях Конигида. Эмиры, визири, высокородная знать и гости, прибывшие из других государств, со всеми подобающими почестями были приглашены в Баг-и дилкушо. Угощения на дастарханах было изобильно повсюду. Хватало и разнообразнейших напитков. Песни и танцы перемежались выступлениями маскарабозов. Будто настал час всеобщего единения душ, растроганных лиричными мелодиями проникновенно исполняемых песен.

Хмур и невесел был только один человек — мухтасиб Сайид Ашик, сидевший рядом с кази-каланом. Визирь-агзам Насириддин Хавафи, расположившийся напротив и кажется наблюдавший за ним, заметил:

— Их сиятельство мухтасиб не в духе, уж не малярия ли напала на вас?

Все хохотнули.

Мухтасиб, бросив на него недовольный взгляд, про молчал. В разговор вмешался кази-калян Шамсуддин Мухаммад Мискин:

— Нет, от их сиятельства бежит в страхе даже лихорадка. А дрожь напала на них сегодня на базаре, когда услышали цену товара, который собирались купить.

В этот самый момент к танцовщицам, вившимся в танце тановар, присоединились и джигиты. И веселье забушевало вокруг, и восхищенные взоры устремились на них. Но именно это обстоятельство будто подлило масла в огонь мрачного настроения мухтасиба. Не в силах скрыть своего раздражения, обратился он к хозяину тоя:

— Будучи падишахом мусульман, ты попираешь религию Мухаммада, следуешь обычаям кяфиров. Разве не хватало того, что ты вмешиваешься в дела небесные, так еще предаешься безбожию?!

Дрожь пробрала Улугбека.

— Вы, таксыр, выдавая себя за ходжу, обрели авторитет в народе. Теперь же, на старости лет, вместо того, чтобы предаваться благочестивым размышлениям, вы не даете житья своими преследованиями. Не рискуете ли?.. Неужто возжелали стать шахидом? Но мы вряд ли можем

содействовать этому вашему желанию, — гневно ответил ему Улугбек и больше не обращал на него внимания.

В последнее время Улугбек не вполне ладил с некоторыми слоями духовенства. Сам он не желал этого, но ужиться с ними было невозможно. Вместе с тем у Улугбека в среде мусульманского духовенства было и немало друзей, в их числе ходжа Исамиддин, Абулфатх Дайлар, Шамсиддин Мухаммад Мискин. Ходжа Исамиддин считался главой мусульманского общества, духовным вождем народа. Улугбек, проникнувшись теплыми чувствами, близко сошелся с ним. Ходжа Исамиддин, в свою очередь отвечая ему взаимностью, всячески поддержал научную деятельность «безбожного» падишаха, часто проводил время с ним, постепенно стал его единомышленником.

Очень влиятельным был также Абулфатх Дайлар — духовное лицо, обладающее немалым влиянием на Улугбека.

В источниках есть вот такое сведение.

Однажды на прием к Улугбеку явился один военный человек. Упав к ногам падишаха, сказал:

— Мой старший брат умер, жена его стала вдовой. От него остались двое сирот-детей и небольшой двор с домом. Согласно обычаю, я должен взять эту вдову женой, а сиротам стать отцом. Но, к несчастью, она изволит упрямиться, говорит, что расположена душой к одному торговцу мануфактурой. Надо заставить ее соблюдать обычай. Не пожалейте для меня вашей всемогущей милости, наш властелин.

Улугбек призвал ясавулбаши:

— Пойди с этим человеком и вели той женщине обвенчаться с ним!

В этот самый момент у падишаха сидел Абулфатх Дайлар. Он обратился к падишаху:

— Не повременит ли ваше величество. Да, такой обычай есть, но он сохранился только у кочевников. Да и у них, согласно шариату, обручение требует согласия обеих сторон.

— Простите, таксыр. Мы ошиблись.

Улугбек тут же, призвав каравул-беги, отменил свой прежний указ...

Кази-калян мавляна Шамсиддин Мухаммад Мискин знал не только шариат, свод законов, но и тарикат, учение о путях духовного совершенствования. Как личность глубоко светская, он был широко эрудирован, принадлежал к числу немногих современников, лишенных кастовых пред-

рассудков. Наверное, исключительно по этой причине он был привержен делу справедливости.

В «Хабиб ус-сияр» Хондамира говорится: «В годы, когда счастье и удача сопутствовали падишаху Улугбеку, он предоставил одному купцу большую сумму, дабы он пустил ее в дело с пользой для себя и для казны. Купец неожиданно скончался. Визирь Саид Ималиддин потребовал от его наследников полновесной компенсации. Казн Мискин произвел расследование и вынес решение в пользу не падишаха, а наследников того купца...»

Улугбек, не простив ему оскорбления, мог наказать, отлучить от двorca, лишить сана и звания. Фанатик же, люто возненавидев его за это, задался бы целью отомстить, для чего искал бы и нашел союзников, может быть более коварных и опасных, чем он сам. Это понимали и Улугбек, и его единомышленники, поэтому, позволяя себе незлобивые шутки, избегали обострения отношения с Сайид Ашиком. Последний же будто сам лез на рожон. Потому-то Улугбек, человек дальновидный и проницательный, при всем желании не мог поладить с Сайид Ашиком.

Однажды они снова столкнулись у шейхульислама, который, подражая Улугбеку, построил в махалле ходжи Абуллайси, где он проживал, баню. В честь этого он, зазвав народ в свою загородную усадьбу-чарбаг, дал большое угощение, куда со своей представительной свитой пожаловал и падишах. Пригласили также певцов и музыкантов Самарканда. Среди них была и Шарофатхон, чарующе прелестная и очаровательная собой. Когда состоятельные люди устраивали зиефат — празднество с угощением, они имели обыкновение приглашать эту прекрасную особу, услаждавшую души своим чудным пением. Явившись на церемонию в облике джигита, она, как говорили, «заставляла расцвести мир». Разумеется, ходжа Исамиддин также зазвал ее на свое пиршество. И в те мгновения, когда именно благодаря Шарофатхон празднество было в разгаре, угодно было появиться Сайид Ашику. Один из слуг проворно подбежал к хозяину пира, который в этот момент переговаривался о чем-то с поваром у казана. Ходжа Исамиддин поторопился лично встретить мухтасиба. Приложив обе руки к груди, пригласил его к дастархану:

— Благословенны ваши стопы, господин мухтасиб. Ничайше просим вас к дастархану.

Мухтасиб, демонстрировавший всем своим обликом холодность и высокомерие, изрек ядовито:

— Шейхульислам! В каких наставлениях сказано, что

женщина может танцевать в обществе мужчин? Вы ответите за такое кощунство.

«Если некто воистину с благородными намерениями задает миру угощение, а другой норовит отравить, — не низок ли сей человек? В каком наставлении сказано, что прилично так поступать?» Вот так, наверное, невольно подумал каждый и осудил в душе мухтасиба Сайид Ашика, но никто не высказал этого вслух. Такт, приличие и воспитанность, которые должны были проявлять на тое мусульмане, присущи были каждому приглашенному, независимо от чина и положения в обществе. Промолчал и Улугбек.

Встав поутру на следующий день, он чувствовал себя легко и свободно, будто вольная птица. От нервозности и расстройства, вызванных происшествием на торжествах у шейхульислама, не осталось и следа.

Улугбек ощущал глубокое удовлетворение от того, что завершил труды, над которыми работал много лет. Но предаваться покою, почить на лаврах он не мог, тем более, что накопилось много дел в диване. Он мучился душой от того, что давно не принимал жалобщиков. Поэтому, прибыв в диван, первым делом постарался наверстать упущенное в этом отношении — начал прием с утра. Ближе к полудню эшик-ага впустил к нему одного человека, судя по облику, из состоятельного сословия и чем-то сильно расстроенного. Он, бросившись к ногам падишаха, произнес горестно:

— Мой шах, со мной приключилась беда, пришел искать спасения у тебя.

— Что за беда? Говори!

— Я следовал издали. Присоединился к каравану, направлявшемуся из Хорасана в Самарканд. У берега Джейхуна спешили с коней. Нам предстояло переправиться через брод. В моем кармане хранился кусок рубина, запрятанный там в кожаный мешочек, повязанный крепко. Перед тем как войти в воду, я завязал еще этот свой карман узелочком. Когда переправились, я, чтобы переодеться, отошел подальше. Среди кустарников, стоя спиной к своей одежде, переоделся. Когда же обернулся, о Аллах, вижу, что узелок моего кармана развязался. Я в ужасе сунул руку в карман — мой кожаный мешочек с рубином исчез. Я переодевался тайно от всех своих спутников, никого из них поблизости не было. Поэтому подозревать кого-либо не могу. Возможно, развязался во время переправы, а я этого не заметил. Или, вдруг, кому-то удалось подкрасться, когда

я стоял спиной к своей одежде. Ведь на этом свете бывают очень ловкие мошенники. Может быть один из таких учуял про то, что хранилось в моем кармане. Вот такая беда приключилась со мной, мой падишах.

— Да, действительно, беда. Но каким же образом можно достать со дна такой могучей реки Джейхун столь маленький мешочек или найти воришку, который неизвестно куда исчез.

Улугбек, признаться, немало пораженный столь необыкновенным обращением к нему, но явно сочувствуя этому человеку, сказал озадаченно:

— Потерпи год, другой, купец. Было бы прекрасно, если бы твой рубин отыскался, а если не отыщется, что ж, мы оплатим тебе его стоимость.

Как только жалобщик ушел, Улугбек опомнился и покаялся, что вынес более чем странное решение. Если приключившееся — дело рук ловкого воришки, то где его найдешь, изловишь. И вовсе невозможно отыскать в бурной, бешено скачущей реке, с необозримыми берегами, какой-то маленький мешочек! Как он, падишах, мог позволить себе такое легкомыслие? «Нет, не легкомыслие это, а великодушие! — осенило вдруг Улугбека. — Я поступил так по зову души», — сказал он сам себе и, почувствовав необычайное облегчение и волнение душевное, улыбнулся.

...Много воды утекло с тех пор, наступил новый год. Улугбек потребовал список тех, кто внес налог в прошлом году. Просматривая, вдруг обратил внимание на одну странную вещь: некто из Каракуля в прошлом году вместо 50 таньга налога-хирадж заплатил 500 таньга. Улугбек вызвал к себе ясаулбаши и велел срочно доставить этого человека в Самарканд. Приказ быстро исполнили. Мирзо Улугбек завел его в хилватхона — в комнату уединения и учинил ему допрос:

— По какой причине ты заплатил хирадж в десять раз больше? Такое не случается напрасно. Может быть, наследство огромное тебе оставил отец? Или произошло какое-то волшебство и Аллах одарил тебя несметными сокровищами?

— Мой шах, я простой трепальщик хлопка. Однажды, когда я, сидя на супе во дворе своего дома, трепал хлопок, неожиданно на дерево рядом со мной села сорока. Она держала в клюве что-то похожее на кусочек мяса. Тут на ветвь рядом опустилась другая сорока. Та, первая, застрекотала и выронила из клюва тот самый кусочек. Устремилась было за ним, но я тут же отогнал ее. Я подо-

шел, поднял этот кусочек и вижу, что это обляпанный высушенной глиной кожаный мешочек. Заинтересовавшись, я тут же развязал и, о Аллах, онемел от удивления, ибо узрел дивный рубин. Он сверкал столь ослепительно, что мог затмить сияние самого солнца. Я растолковал это по своему разумению, как снисхождение и милость, оказанные мне Всевышним. «Цену золота знает золотых дел мастер, а жемчуга — ювелир». Не напрасно так говорят, поэтому на следующий день я отправился в славную Бухару. Явился к лавке одного ювелира. Взяв мою находку в руки, он сразу же переменялся в лице, разинув рот от удивления. Я догадался, что принес какой-то исключительно драгоценный камень. Ювелир, посмотрев мне в глаза, спросил с дрожью:

— Цена этому твоему камню одна тысяча таньга.

— Нет, таксыр, прибавьте еще немного, — сказал я ему.

Словом, поторговавшись, я продал свою находку за полторы тысячи таньга. Купив себе на базаре одну лошадь, жене ожерелье-украшения, детям одежды разной и для дома ковер и еще кое-что, вернулся к себе. Конечно, многие стали дивиться моему внезапному обогащению. Я сказал им, что в Бухаре скончался мой богатый родственник, который, не имея других наследников, оставил мне все свое состояние.

Мирзо Улугбек повелел доставить того ювелира. Когда тот предстал перед его очами, спросил:

— Мы слышали, что вы, уважаемый, недавно купили за бесценок один драгоценный рубин!

Ювелир отрицал:

— Ведаю о смерти, но о таком никогда не слышал.

Улугбек уставился пронзительным взглядом в его блуждающие глаза, ювелир, заметавшись, отвел взгляд.

— Странно слышать, мой таксыр, я по вашим глазам вижу, что именно вы завладели драгоценным рубином.

— Да покарает меня Аллах, если я лгу.

Улугбек, призвав к себе астролога вместе с ясавулбаши, сказал:

— Погадайте-ка насчет его клятвы. Если он соврал, она обернется карой против него.

Ясавулбаши приказал немедленно обыскать его дом и лавку. Ювелир тут же растерялся, побледнел лицом и затрясся. Он, представив себе, какая судьба ожидает его, если люди падишаха отыщут в его сундуке тот самый рубин, охваченный ужасом, повалился в ноги Улугбеку:

— Каюсь, ваше величество. Не убивайте меня, греш-

ного, тот самый рубин у меня, — сказал он умоляюще.

Ясавулы повели его в дом. Ювелир вручил ясавулбаши рубин, который Улугбек вернул хозяину. Можно представить себе счастье купца, которому так неожиданно вернулся его рубин. Улугбек, главный виновник его счастья, долгое время ходил, искренно радуясь за этого человека.

1437 год. Наконец, он завершил свой труд «Зидж-и джадиди Улугбек курагани» («Новая астрономическая таблица Улугбека-курагана»). В тот день, когда он дописал последнюю страницу, в Баг-и майдане, в Чиннихона, было устроено большое празднество. Собрались все, кто посвятил свою жизнь обсерватории, мударрисы медресе, улемы края, ученые, а также знатные люди Самарканда. Улугбек провел этот день со своими друзьями, шейхульисламом ходжой Исамиддином, Али Кушчи, ходжой Насириддином Хавафи и Саидом Имадиддином Джунободи. Вечером, после молитвы, были торжественно надеты золотканые чапаны на ученых, которые день и ночь наблюдали за небесными светилами, принимали участие в составлении «Зиджа». Все они были одарены падишахом...

Да, этот труд Самаркандской обсерватории, возглавляемой Улугбеком, был жемчужиной, шедевром восточной классической астрономии. Он вобрал в себя важнейшие теоретические вопросы, которые исследованы посредством привлечения богатейшего фактического материала. И во всем этом присутствует душа и гений Улугбека. Он сам лично руководил исследованиями. И основные части «Зиджа» написал сам Улугбек. А те таблицы, которые были составлены другими, пройдя также проверку Улугбека, затем были включены в «Зидж».

Имеет историческое значение еще одна книга ученого — «Тарихи арбаъ улус» («История четырех улусов»). Но, к несчастью, сохранилось только несколько ее сокращенных вариантов. Два их экземпляра хранятся в библиотеках Оксфорда в Англии, третий экземпляр в Банкипуре (Индия) и, наконец, четвертый — в США, в библиотеке Гарвардского университета.

В этом сочинении излагается краткая история четырех улусов, созданных Чингиз-ханом: 1. Великого Юрта (Моголистан и Северный Китай); 2. Улуса Джучи (земли от Балхаша до областей в среднем и нижнем течении Волги и Западная Сибирь); 3. Улуса Чагатай (Семиречье, Кашгар, Мавераннахр и северная часть современного Афганистана) и, наконец, 4. Улуса Эльханидов (Иран,

Ирак, Азербайджан)... Читая это произведение, то и дело ловишь себя на мысли, что знакомство с деяниями, мыслями, чувствами и переживаниями наших далеких предков, озабоченных общественно-политическим устройством своих улусов, глубоко поучительно для нас. Мы воочию убеждаемся в том, что одни, отстаивая свои взгляды, были непримиримы и упрямы до фанатизма, другие — разумны, уступчивы и гуманны...

Во время правления Мирзо Улугбека в Самарканде, кроме астрономии и математики, получили развитие также право, языкознание, литература. В медресе работали мавляна Мухаммад Хавафи, Саид Ималиддин, знаменитый ученый-медик ходжа Бурханиддин Нафис, крупный литературовед и языковед ходжа Фазлуллах Абулвайси, а также Абулкасим Самарканди. Выросли такие выдающиеся поэты, как Саккаки, Бисати Самарканди, ходжа Исмадулла Бухари, Хияли Бухари, мавляна Бадахши, Джавхари, Вафай, Риязи и многие другие.

Да, Улугбек действительно создал в Самарканде Академию. Гиясиддин Джамшид, Казизаде Руми и Али Кушчи были его помощниками. Со временем слава о Самаркандской Академии распространилась по всему свету. О ней узнали в Иране, Индии, Турции, начиная с XVII века — ученые Европы...

Ученый, если он истинный и большой гуманист, видимо, не может быть терпим к мракобесам и реакционерам. В начале 40-х годов Мирзо Улугбек вновь столкнулся с мухтасибом Сайид Ашиком. Этому предшествовали другие события, когда мухтасиб настроил против себя еще кое-кого из окружения Улугбека.

Однажды шейхульислам ходжа Исамиддин возвращался верхом с чарбага в свой городской дом. Когда проезжал мимо базара на Чорсу, его внимание невольно привлекло одно престранное зрелище, даваемое, как нетрудно было догадаться, мухтасибом Сайид Ашиком. Именно по его повелению двое могучих джигитов избивали плетками, судя по чалме, студента-мулаваччу, распластавшегося ничком на земле. Сам же мухтасиб, стоя в сторонке, любовался этим зрелищем. Как только шейхульислам приблизился к ним, джигиты, избивавшие мулаваччу, по знаку мухтасиба сложили свои плетки и отошли в сторону, при этом не преминув поклониться низко всеми уважаемому шейхульисламу. А мулавачча же, подол рубашки которого был подогнут к плечу и кальсоны заметно опу-

щены, продолжал лежать и стонать. Плечи его были исполо-сованы, а тело сплошь в кровоподтеках. Шейхульислам, проникнувшись к нему жалостью, язвительно обратился к Сайид Ашику.

— Господин мухтасиб, за какие прегрешения вы так истязаете его?

Сайид Ашик не растерялся:

— А вот за какие... Когда в медресе идут занятия, он, сбежав, болтается по базару...

— Не бежал я, сам господин мударрис послали меня купить бумагу, — сказал мулавачча сквозь слезы.

— В таком случае почему же мударрис не написал маленькой бумажечки?! — язвительно возразил Сайид Ашик.

Шейхульислам разгневался:

— Господин, справедливо ли подвергать столь жестокому истязанию за какую-то пустячную провинность?

Мухтасиб попытался превзойти и тут:

— Согласно указаниям, содержащимся в шариате, в задачу шейхульислама не входит определение наказания, кого, за что и как наказывать. И вы, господин, не суйте нос не в свое дело.

Шейхульислам, испытывавший в душе ярость, подумал, что не стоит пререкаться на улице с этим живодером. «Как-нибудь поквитаемся с ним», — сказал он сам себе и стегнул коня плеткой.

Вечером, когда он встретился во дворце с Улугбеком, улучив момент, рассказал ему про жестокий поступок мухтасиба Сайид Ашика, свидетелем которого стал сегодня. От того, что услышал Улугбек, чаша его терпения переполнилась. Решил поставить его на место. На следующий день, вызвав мухтасиба во дворец, в присутствии кази-калана, мударрисов и влиятельных улемов, обратился к нему:

— В последнее время некоторые знатные особы начинают забываться. Пытаются попирать ногами человеческое достоинство нижестоящих, не кажется ли вам так, господин мухтасиб?

То, что этот упрек-обвинение был обращен именно к нему и притом в присутствии столь большого количества влиятельных особ, будто специально созванных для того, чтобы они стали свидетелями суда над ним, над мухтасибом, не заставило его насторожиться. Спесь и злоба, хлопотавшие в его груди, ослепили. Ничего не подозревая, Сайид Ашик хмуρο взглянул вначале на кази-калана,

затем на шейхульислама: «Должно быть насплетничали на меня, наверное, это дело вон того мерзкого», — мухтасиб задержал свой взгляд на шейхульисламе. Затем самоуверенно ответил падишаху:

— И я такого же мнения, мирза. Как я полагаю, некоторые начинают задаваться и языками... — Он явно намекал на шейхульислама.

Ходжа Исамиддин прервал его:

— Господин мухтасиб, пожалуй, прав, ваше величество. Именно кое-кто начинает попирать ногами честных и достойных.

В разговор вмешался кази-калан Шамсиддин Мухаммад Мискин:

— Тот, кто дает волю языкам, не происходит ли он по родословной от сыщиков?

Тут уж Сайид Ашик не сдержал своей злобы и выпалил запальчиво:

— Недостойно поносить мусульманина, проявляющего незыблемость убеждений в соблюдении шариата и тариката. Я горько сожалею и каюсь в том, что сижу среди тех, кто, по облику выдавая себя за мусульман, являются безбожниками.

Тут уж дал волю своему гневу Улугбек, ибо чувствовал, что имеет моральное право не церемониться с ним. Он сурово и даже надменно обратился к мухтасибу:

— За что вы приказали избить мулаваччу?

— За то, что он без дела болтался по городу, самовольно оставив занятия...

— Самовольно? Вы у него спрашивали?

И тут по знаку, поданному Улугбеком, вошел тот самый мулавачча, избитый по приказу Сайид Ашика и который, явно не ожидая такого оборота дела, растерялся. Улугбек обратился теперь к джигиту:

— Вы самовольно отлучились в город?

Мулавачча, зная же, конечно, что Сайид Ашику в могуществе не сравняться с падишахом, прямо, даже с вызовом ответил:

— Нет, не самовольно, мне разрешил мударрис.

— Может быть, мы и его позовем? — Улугбек взглянул на мухтасиба с презрением. Столь же откровенны были и взгляды других.

Теперь даже мухтасиб при всей своей ограниченности и спеси уразумел, что он вызван сюда для расправы за то зло, которое в разное время причинил почти каждому из присутствующих. Предстояло держать ответ. И падишах,

как ясно уж было ему, пришел к какому-то твердому решению относительно его дальнейшей судьбы. Улугбек не заставил себя ждать. Глядя в упор на мухтасиба, сурово и холодно произнес:

— Даже принимая во внимание ваш титул и положение, мы не позволим вам далее вымещать на правоверных свой злобный нрав, утолять свою жажду шахидства. И пребывать далее среди безбожников такому благочестивому человеку, как вы, нельзя более. Начиная с сего дня мы лишаем вас должности мухтасиба.

Сайид Ашик оцепенел. Знал же он, что падишах Улугбек терпелив и миролюбив. А если быть откровенным, добр и человечен. И если теперь даже он, выведенный из себя, наказывает его, то и знать, и народ будут на его стороне. Все одобряют суд падишаха над ним. Мухтасиба обуяла паника. Что ему теперь делать? Как он теперь появится на людях? Что его ожидает? Не он ли, пребывая на своем посту, понапрасну обвинял людей, сам избивал кого попало или же по его приказу жестоко расправлялись. Если встретится кое с кем из тех, с кем расправлялся, то как они поступят с ним? Не станут ли они смеяться над ним, говоря «на что годеи ты сам-то теперь!» Как стерпеть такое? Не повалиться ли в ноги падишаху, умолять его о прощении? Но, увы, Сайид Ашик был не из той породы людей, которые способны испытывать угрызения совести, каяться в содеянном, сколь много подлого не содеяли бы они людям. Натура этого человека тут же взяла свое. «Нет, — сказал он сам себе, — голову, сгибающуюся перед безбожником, лучше отрезать». Сайид Ашик вскочил с места и, не глядя по сторонам, будто ужаленный скорпионом, метнулся наружу. Вышел из дворца и направился прямо в Камонгаран, к Низамуддину Хамушу.

Сайид Ашик, будучи одним из его близких мюридов, был вхож к нему. Сейчас же в состоянии, близком к отчаянию, он не стал даже стучать в калитку. Он тихо открыл и вошел внутрь. Их преосвященство, как обычно, сидел, опустив голову, под свисающими ветвями плакучей ивы на сури, возвышавшемся в самом центре двора на берегу арыка, и предавался благочестивым молитвам, перебирая четки и погрузившись при этом в состояние полудремы. Хоть он и заметил, что калитка открылась, не обратил на это ни малейшего внимания, будто даже не слышал шагов человека, приблизившегося к супе. Когда до супы осталось шагов пять-шесть, Сайид Ашик остановился, кашлянул коротко, на цыпочках подошел вплотную к сури.

И только после этого они изволили степенно поднять голову.

— Ассаляму алейкум, мой хазрат.

Последовал едва заметный кивок головы. Хазрат хоть и заметил на лице своего преданного мюрида признаки расстройства и беспокойства, тем не менее остался невозмутим. Пригласив знаком руки сесть, снова опустив голову, погрузился в полудрему.

«Хоть ты и мой духовный наставник, знаю я тебя, — думал Сайид Ашик про себя, присаживаясь на край супы, — на языке у тебя молитвы, а в уме ты считаешь свои доходы. Кто не знает, может и в самом деле подумать, что он общается со Всевышним».

Так язвил про себя Сайид Ашик, между тем питая надежду, что хазрат все-таки обратит на него внимание и порасспросит у него, что стряслось с ним, и тогда он пожалуется, расскажет ему обо всем, привирая, разумеется, в свою пользу. Но пустыми и тщетными оказались его надежды. Вот уже прошло время, в течение которого закипел бы и забурился начатый плов, хазрат же все еще не поднимал голову, все с тем же отрешенным видом молча перебирая четки. Сайид Ашик, наконец, исчерпав терпение, заговорил сам:

— Как ваше здоровье, мой хазрат? В ту ночь вы приснились мне, вот и пришел я, беспокоясь...

И снова хазрат не промолвил ни слова. Всего только едва заметно кивнул головой, якобы в знак благодарности.

Это уж трудно было стерпеть. Сайид Ашик хотел тут же подняться и уйти, но, подумав, отказался от этого намерения. Ведь он пришел сюда с великой надеждой! Поэтому перешел прямо к делу:

— Мой пир, с вашим рабом приключилось тяжелое горе. Ища вашей поддержки, я явился в вашу обитель с низко опущенной головой.

Сайид Ашик знал, что Низамуддин Хамуш поддерживает дружеские связи с шейхульисламом ходжой Исамиддином. На это он и питал надежду. Если хазрат не пожалеет двух слов для заступничества, то и шейхульислам, смягчившись душой, испросит у падишаха прощение.

Наконец, хазрат лениво поднял голову. Сайид Ашик, заметив в его смиренных глазах признак сочувствия, приложил руки к груди и произнес с покорным видом:

— Наши отношения с их величеством падишахом несколько испортились, мой пир. Помогите!

Хазрат, как только услышал эти слова, насторожился—

уж не натворил ли чего его младший сын Минхаджиддин, служивший во дворце падишаха в канцелярской части дивана. Ничем не выдав своего беспокойства, наконец, раз-верз уста:

— Что за забота обрушилась на вашу голову, мух-тасиб?

Мухтасиб, прикинувшись страдальцем, сказал:

— Начиная с сего дня мы больше не являемся мух-тасибом, мой хазрат. Мы лишились своей должности. Что дальше будет с нами, это знает только Всевышний. — Сайид Ашик коротко рассказал, что произошло накануне на Чорсу и несколько часов назад во дворце.

«Слава богу, Минхаджиддин жив-здоров», — заметил хазрат про себя. Затем кликнул слугу, который уже давно в ожидании его указаний возился у очага. Мухаммад Карим хорошо знает нрав своего хозяина. Если молчит, значит, занимается своим делом, если же позовет его по имени, как вот сейчас, значит, надо стелить перед гостем дастархан, догадываясь при этом по едва заметным дви-жениям головы, что именно надо подать.

Сайид Ашик, улучив удобный момент беседы, назвал шейхульислама и падишаха безбожниками, нарушающими заповеди шариата. Но попали ли эти его слова в цель, он так и не смог понять. Хазрат на этот счет не проронил ни слова. Всего только упрекнул своего мюрида: «Зачем тебе задевать падишаха?» Из этого Сайид Ашик сделал по-своему надлежащий вывод и стал навещать его почти каж-дый день.

Так прошло несколько месяцев. Худо это, оказывается, когда человек бесконечно мозолит глаза. Словом, скоро дело дошло до того, что хазрат, увидев его, раздражался в душе. И должно быть поэтому, когда он вчера заявился снова, небрежным кивком головы только пригласил его на сури, но Мухаммада Карима не позвал... Хазрат уж больше не прислушивался к словам своего мюрида. Он вообще исстари держится подальше от наговоров и сплетен, в последнее же время вообще редко бывает на улице среди народа. И неужто теперь, когда ему уж пошел девяностый год, замарает себя каким-нибудь неосторожным заступни-чеством за кого-то.

Словом, хазрат оставил без последствий все просьбы и намеки Сайид Ашика, после чего последний махнул рукой на хазрата. Хотел бы вообще порвать с ним, но нельзя, осудят, ведь выбрал его своим духовным учителем.

Об этом знают правоверные Самарканда. Да и к кому, куда он теперь пойдет?

Правда, в этом огромном городе у него есть еще одна надежда — имам мечети ходжа Хизр Шарафиддин, который дружен с Сайид Ашиком и которого он посетил было вчера, но вернулся от него не вполне удовлетворенный. Шарафиддин встретил его с видимым искренним радушием, пригласил его на почетное место, но постелить перед ним дастархан не спешил, что есть первый признак равнодушного и даже пренебрежительного отношения к гостю. И только спустя долгое время, когда уже было довольно поздно, хозяин снял с гвоздя узелок, развязал его.

— Простите, господин мухтасиб, э-э... господин Сайид Ашик, — поправился он, зная, что гость лишен уже звания мухтасиба. — Вчера мы были на поминках, так нам завязали нашу долю в платок. Теперь тут и ваша доля. Как это я не припомнил пораньше! Извините, таксыр, вот таким рассеянным я стал.

Развязав платок, он разложил на дастархане четыре лепешки, два куска мяса, горсть халвы, два куска наввата, восемь пирожков, затем разрезал перочинным ножиком мясо на мелкие кусочки.

— Что есть, то и вкусим вместе. — После этих слов имам, извинившись, вышел наружу, чтобы поставить чай.

«Вот жмот проклятуций. Недаром же тебя прозвали «тонкая щепка». Худющ, как скелет, даже для себя, наверное, жадничает. Чтобы тебе пусто было на том и на этом свете». Вот так поругивая и проклиная, сидел он, пока имам не принес заваренный им чай...

Только они успели выпить по пиалушке чая, как заявился мулла Нигматулла, который из-за своей яркой приверженности к клязуничеству был известен всем под прозвищем Фужуриддин, что значило «Порочный».

И имам смерть как недолюбливал его. Поэтому, как только он появился, ощутил в душе брезгливое отвращение к нему, хотя внешне ничем не выдал этого своего ощущения. Наоборот, приветствовал даже словами:

— Да будет благословенен ваш приход, мой мулла. Просим вас к дастархану.

Мулла Нигматулла прошел на сури худжры. Второпях прочитал молитву, поспешно протянув руку к дастархану. Проворно подцепив два ломтика мяса, положил их на кусок лепешки и отправил в рот. То ли мясо оказалось жестким, то ли зубы проклятые подвели, словом, поперхнулся и в следующий миг кашлянул с такой силой, что набитое за щеки

вырвалось и через рот, и через нос. Имам, не скрывая своего отвращения, произнес:

— Таксыр, брали бы по одному и глотали разжеванная. — Он многозначительно взглянул на мухтасиба. «Чтобы этот проглот подавился едой, чтобы он сдох», — красноречиво выражал он взглядом, вслух же обратился к мулле, протянув ему пиалушку чая: — Держите. Не торопясь, пейте глотками, иначе снова прорвет вас.

Мулла принялся за чай. А мухтасиб Сайид Ашик заговорил было о падишахе-безбожнике, но имам, чуть заметно прикусив нижнюю губу, показал глазами на муллу-муаззина, мол, помалкивайте при нем, сами знаете какой он клязник. Сайид Ашик в свою очередь чуть заметно кивнул ему в ответ, мол, понял вас, да, не все можно говорить при нем. Подобное взаимопонимание между ними, имамом и мухтасибом, судя по всему, единодушных в осуждении клязнических качеств муллы-муаззина, если взглянуть со стороны, было несколько странно. Ведь и сам-то мухтасиб Сайид Ашик, как нам уже известно, отнюдь не отличался порядочностью. И тем не менее, они были правы, ибо муллы страшились буквально все. А Сайид Ашик, преданный догмам шариата, преследовал тех, кто с его точки зрения нарушал их. Что касается муллы-муаззина, то он клязничал без разбора на всех. Этим был он опасен, его остерегались все и каждый. Вот поэтому имам, безмолвно призвавший Сайид Ашика к осторожности, проявляя бдительность сам, произнес:

— Таксыр, давайте не будем говорить о том, что имеет отношение к падишаху. Пусть лучше муаззин-ходжа расскажут о своих приключениях, когда он совершал паломничество к святым местам Аравии, в Мекку и Медину.

— Подходяще, таксыр, — одобрил это предложение Сайид Ашик.

Между тем муаззин, уже успевший отправить в рот большущий кусок навват-леденца, никак не мог справиться с ним. Разжевать его не разжуешь, слишком твердый, а сосать надо долго и все это время молчать, что тоже неловко. А тут еще просят рассказать про свое хождение в Мекку и Медину. Не зная как быть, он попытался раздробить леденец зубами, но он, проклятуший, проскочил в самое горло и застрял там. И в следующий миг после этого муаззин выпучил глаза и, судорожно разинув пасть, сделал отчаянный жест рукой, указав на чайник, мол, задыхаюсь, дайте скорее чая. Имам, как ни противно было ему, поспешил выполнить его просьбу, одну за другой на-

дил чая в пиалушку три раза. Наконец, мулла пришел в себя и тут же воздал хвалу Аллаху за то, что не испустил дух. Прокашлявшись после этого несколько раз, наконец, заговорил о своих приключениях, каждый раз приукрашивая их новыми подробностями, часто противоречившими друг другу. Но никто не рисковал сказать, что он врет, ведь как-никак речь шла о паломничестве в наисвятейшие для мусульман места, путешествия к коим ни имам, ни Сайид Ашик не удостоились. Так что приходилось слушать и терпеть, хотя мулла рассказчик был никудышный.

Кто он есть на самом деле — знали хорошо и Сайид Ашик, и имам. Человек этот, проживший свой век, занимаясь только фискальством, кляузничеством и натравливанием людей друг против друга, неожиданно для всех совершил паломничество в Мекку и Медину, для чего, они знали также, провернул не одно жульническое дело, чтобы собрать необходимые средства. Но хадж, который ему удался все-таки, смыл все его грехи. В это он веровал твердо и об этом проболтался однажды, что он оказывается поспешил стать ходжой, заботясь о своей загробной жизни. Он непременно хотел попасть в рай, потому и совершил хадж. А то ведь, чего доброго, оставшись при всех своих грехах, не одолеет мост Пули-сират, ведущий в рай, и суждено ему будет тогда принять навеки облик свиньи, чего также очень не хотелось мулле-муаззину, который-то сам знал, что грехов за ним числится немало. И невесть сколько еще злобных, подлых и прочих подобных дел он успеет натворить, прежде чем успеет преставиться. Вот поэтому-то человека, завязнувшего до ногтей в склочных делах и помыслах, побаивались все, в их числе также мухтасиб и имам. Как бы то ни было, старались ладить с ним. А у Сайид Ашика, метившего далеко, были на это особые причины, в силу чего он подумал: «А может быть стоит воспользоваться его мерзостными свойствами!»

Все трое договорились между собой, что на следующий день после завтрака нанесут паломнический визит к хазрату, после чего, где-то к полуночи, мухтасиб и мулла один за другим оставили худжру имама.

Имам и Сайид Ашик, как условились накануне, долго дожидались на гузаре муаззина. Наконец, исчерпав терпение, одни направились в Камонгаран к дому хазрата. Сайид Ашик и мулла Шарафиддин вошли в калитку и, разинув рты, застыли от удивления в крытом проходе. На супе против хазрата сидел Фужириддин. Муаззин, оказывается, стегнув коня нетерпения, прибыл прямо

сюда. А ведь договорились... И напрасно было бы корить этого человека.

И не один он пришел, а еще с кем-то. Они впервые видели исполинского обличья, поистине диву подобного джигита, сидевшего рядом с хазратом, который пригласил на супу также мухтасиба и имама. После обычной молитвы хазрат представил им незнакомого джигита:

— Наш джигит-баходыр был нукером хокима Кашгара Сиддика. Не поладив со своим хокимом, он сперва поступил на службу к мирзе Абуллатифу в Герате на должность стремянного. Когда мирза, поссорившись с бабушкой, уехал из Герата к нам, мирза также прибыл вместе с ним сюда в Самарканд. Через год пожаловала сюда и бегим. Она, помирившись с мирзой, увезла его обратно, джигит же с нашей помощью остался в Самарканде. Их величество падишах взяли его на службу помощником походного знаменосца. С той поры сей благородный джигит паломнически посещают и нашу хижину. Они вообще родом из нашего Кисана. Исключительно преданный нам.

Тут джигит, которого звали Эхсан Бука-барлас, вскочил с места, приложив руки к груди, низко поклонился хазрату и его гостям. Сайид Ашик запомнил его...

И гость, и Сайид Ашик, и муаззин, и имам, поначалу робея перед хазратом, были очень немногословны. Больше говорил хазрат, которого они выслушали с величайшим почтением. Но далее, почувствовав его хорошее расположение духа, понемногу разговорились. Сайид Ашик снова принялся жаловаться на безбожников, попирающих исламскую веру. Будучи мусульманами, все охотно поддакивали ему, что же до хазрата, когда дело касалось безбожников, он только слушал и молчал.

Скоро его младший сын, джигит привлекательной внешности, которому было чуть больше двадцати лет, вынес из ичкари ляган плова. Как только он опустил ляган на дастархан, хазрат обратился к гостям:

— Наш сын Минходжиддин назначен сегодня на должность главного писаря, мы чрезвычайно удовлетворены щедростью нашего падишаха. Да продлит его жизнь Всевышний, да прибавит он могущества салтанату!

Сайид Ашик, выражая вместе со всеми свое удовлетворение, молитвенно раскрыл ладони, сам же в этот момент, осматривая исподлобья главного писаря, которому явно везло в жизни, думал про себя об его отце: «Да, хитрый лис, знаю теперь, почему у тебя сегодня такое приятное

настроение, подожди же, самая главная прелесть ждет тебя впереди».

Гости усердно хвалили красоту отпрыска хазрата, и в самом деле очень милого собой, хвалили его ум и ученость, благославляли молитвенно: «Да вознесется он еще больше в должностях». Когда же покидали гостеприимный дом хазрата, Сайид Ашик, снова подумав о том, что придет час и может пригодиться ему и его сын, любезно обратился к нему, когда он вышел проводить гостей:

— Минходжиддин, правда, что наш великий падишах редко бывает во дворце, что они больше проводят время в расадхона или же в Чиннихона, где часто и ночуют?

— Правда, господин. Наш повелитель, отдавая дань наукам, уже давно стал уделять очень мало времени делам салтаната. По этой причине их величество редко бывает во дворце.

Сайид Ашик из слов главного писаря сделал вывод: «Если редко бывает во дворце, то, наверное, забыл и про гарем, вот откуда надо начать дело сообразно нашей цели».

Сайид Ашик вернулся домой от хазрата в возбужденном состоянии. Он то покрикивал на жен, то входил к себе в гостиную и, удобно расположившись там на одеялах, приказывал слугам принести себе то чай, то чилим, затем, не дождавшись, неожиданно вскакивал. Словом, в этот день он не находил себе места, а с наступлением темноты направился к мечети ходжа Хизр. Увы, имам-домла был не один, рядом сидел тот самый диву подобный джигит Эхсан Бука-барлас. Факт этот подействовал на него раздражающе, ибо мухтасиб, оставшись наедине с имамом, хотел переговорить с ним кое о чем. Имам, почувствовав его состояние, тихо сказал ему:

— Не беспокойтесь, он свой, нужный человек.

Эхсан Бука-барлас понял, что говорят именно о нем. Но о своей догадке не дал почувствовать.

Еще до прихода мухтасиба кто-то из прихожан принес имаму в мечеть чучвары в большом глиняном кувшине. Имам, разостлав дастархан, положил гостям и себе по полкасы этой чучвары. После еды, совершив вечерний намаз-хуфтон, только расселись было по своим местам, как заявился муаззин, предупредительно покашливая. Имам догадывался, что приход этого человека не радует Сайид Ашика, поэтому поспешил многозначительно мигнуть ему, что, видимо, означало: «Не тревожьтесь, этот человек тоже может пригодиться нам». Затем пригласил муаззина к дастархану:

— Добро пожаловать, господин.

Муаззин, усевшись вплотную к дастархану, раскрыл ладони для молитвы, впившись при этом глазами в кувшин на такче. Имам, заметив это и будто решив досадить ему, сказал:

— Наверное, недолюбливает теща, вы чуть запоздали к еде.

Муаззин еще раз пристально взглянул на кувшин на такче и тяжело вздохнул. Запах чучвары, заполнивший помещение, действовал на него одурманивающе.

— Что ж, на все воля Аллаха, — произнес он с сожалением и, не теряясь более, быстро взял с дастархана кусок зачерствевшей лепешки, с хрустом разломив ее, сунул изрядный кусок в рот.

«Как бы еще не подавился», — подумал имам и, налив чая в простую чашку, подал.

А муаззин между тем, будто не теряя еще надежды, снова пристально посмотрел на такчу. Имам, перехватив его взгляд и, кажется, решив, что помучил его достаточно, сказал:

— Вот вы и утолили жажду чаем, теперь можно и за пельмени.

Он снял с такчи кувшин и положил в касу чучвары.

Муаззин не мог скрыть своего алчного восторга:

— Аллах сберег и нашу долю!

Он опорожнил касу моментально, не обращая даже внимания на своих собеседников, глядевших на него с брезгливым любопытством. Но когда он кончил есть, все пришедшие сюда, будто между ними была какая-то тайна, молча и понимающе обменялись взглядами.

Потом между ними состоялась беседа...

Прошло немного времени и среди дворцового народа распространился слух, будто одна из рабынь падишахского гарема, красавица по имени Салима, находится в любовной связи с главным писарем, что они любят друг друга и тайно встречаются. Такому слуху стоит только появиться. Не успеешь мигнуть, будто обретя крылья-молнии, облетает мир. А длинноухие, прибавляя и приумножая подробности, придают слуху некое подобие неопровержимой правды, которая и достигла ушей падишаха. Писарь, конечно же, будто сквозь землю провалился, исчез за одну ночь, ибо знал он, что в подобного рода случаях суд падишахский быстр, неумолим и жесток, и притом не имеет даже значения, виновен человек или невиновен, главное показать народу, что любой, покушающийся на падишахскую честь

даже в помыслах, будет неминуемо казнен, хотя бы в надзидание другим.

Ясавулы сбились с ног, но так и не смогли найти писаря. Некоторые из дворцовых высказывали предположение: «Вся вина за хазратом, распустил своего баловня». Были и такие, которые по неведению говаривали, что мальчика к отцу потянуло.

Во дворце же падишах однажды невольно обратил внимание на Эхсана Бука-барласа, который, будто желая что-то сказать своему повелителю, пристально смотрел на него.

— Бек, вы что-то хотите сказать? — прямо спросил Улугбек.

Тот, приложив руки к груди, поклонился:

— Если разрешите, повелитель мира.

— Разрешаем.

— Мне ведома одна тайна. Я своими глазами видел, как хазрат, потворствуя своему сыночку, подбивал его на одно несусветное дело...

И он, безбожно преувеличивая и сочиняя, пересказал падишаху то, что слышал якобы недавно, когда вместе с муаззином и имамом посетил хазрата.

— Наш Минхаджиддин достоин того, чтобы в него влюбилась самая наилучшая красавица семи поясов земли, ведь и он сам в красоте единственный, а умом пронзительнейший джигит. Падишах возвысил его, назначив мирзабаши. Наш сын устремится, конечно, еще выше. Лишь бы уберег его Аллах от греха, в гареме падишаха так много томных и прекрасных пери. Они подобны заблудившимся в пустыне путникам, алчущим питья. Да сохранит моего любимого сыночка от их туманящих разум взглядов.

— Вот этими своими ушами я слышал, — прибавил Эхсан Бука-барлас, показывая на свои уши.

Гнев и ярость падишаха перехлестнули через край. Призвав к себе ясавулбаши, приказал немедленно доставить хазрата в Баг-и майдан.

А что за народ ясавулы, известно. Скажут принеси тубетейку, норовят принести голову. Постарались они и в этот раз. Девяностолетнего почтенного старца они доставили в Баг-и майдан, посадив на круп коня в одном нижнем белье и босым. И вот в таком состоянии, дабы все видели его позор, побороздили по улицам города и по большим гузарам. Падишах в пылу гнева в чем только не обвинил хазрата и его якобы нечестивого сына. Низамуд-

дин Хамуш долго сидел с опущенной головой, наконец, взглянув на падишаха, произнес:

— Скажу только одно — я мусульманин. А ты — падишах над нами, мусульманами. Я проповедаю им, мусульманам, что надо жить по совести, что нельзя врать и прелюбодействовать, что в мире есть пороки и есть добродетели, и что разум дан человеку для того, чтобы уметь отличать их, правду от клеветы. А что есть недоказанное, то есть и клевета. Ты, поверив клеветнику, опозорил мою старость. Если ты падишах народа, живешь по разуму и совести, то исправь ошибку пока не поздно. Народ мудр, он поймет тебя.

Эти слова старца, пронизательного и умудренного опытом жизни, потрясли Улугбека. Будто стряслось с ним затмение ума, а теперь прозрел вмиг. Он покаялся в содеянном. Да неужто он приказывал ясавулам, чтобы они доставили старца в таком виде, позоря перед всем людом города? Глянув на ясавулбаши, стоявшего напротив и готового выполнить любой его приказ, крикнул вдруг на него:

— Прочь с моих глаз, глупец!

Затем, призвав одного из своих особо доверенных слуг, велел:

— Отвезите хазрата домой со всеми подобающими почестями.

Так и поступили. Облачив хазрата в дорогие одежды, подобранные для его роста и возраста, снова провезли через весь город, посадив в падишахский фаэтон, запряженный двумя породистыми конями. Такие почести редко кому оказывал падишах.

После этого случая авторитет старца, пожалуй, еще более возрос. Воздали должное и падишаху Улугбеку. Что ж, и он подобно любому смертному может ошибиться. Но чтобы падишах, повелитель судеб, могущий казнить и миловать любого, а тем более не обязанный отчитываться перед кем бы то ни было, мог поступить вот так, по совести — это было нечто невиданное.

Так думал народ, отдавая должное человечности и чувству справедливости своего падишаха. Но так думали далеко не все. Зашевелились, закопошились многие духовники, обвинявшие в безбожничестве Улугбека, и эмиры, сабли которых в жажде крови уж заржавели давно. Улугбек же жил, радуясь теперь и успехам, достигнутым в расадхона. Как раз в эти дни, завершив еще один трактат

по математике, вручил его переписчику. Предавшись науке, он не ведал о черных облаках, все более сгущавшихся над его головой.

БЕРОЛОМСТВО

Шахрух скончался в 72-летнем возрасте. Судьбе было угодно, чтобы и он, подобно своему отцу Тимуру, умер во время похода. Его постигла участь правителя империи, вынужденного всю жизнь отстаивать ее целостность от посягательства как внешних, так и внутренних врагов. В числе последних оказался и один из любимых внуков Шахруха — Султан Мухаммад. Чтобы подавить мятеж, поднятый им, Шахрух и отправился в поход со своим войском в вилайет Рай.

Заболев в пути, он вынужден был остановиться в селении Пешавар. На 25-й день месяца зулхиджжа 850 года (12 марта 1447 года) он оставил этот мир. У изголовья падишаха, в помещении, где он лежал, отрешившись от земных дел, собрались его жена Гавхаршад-бегим, внук Абулкасым Бабур, племянник Мирза Халил и баловень супруги падишаха Пир Лукман-барлас. Войско же, преследуя мятежного внука — Султан Мухаммада, продвигалось к западу...

После смерти Шахруха в Мавераннахре и Хорасане началась жестокая и кровавая борьба за власть между наследниками.

В борьбе за трон узы кровного родства, связывавшие царевичей, пожалуй, еще более ожесточали их нравы, когда они, необузданно тщеславные и коварные, действовали подчас даже вопреки здравому смыслу, делавшими непредсказуемыми их поведение. Это же самое относится к поддерживавшим царевичей влиятельным членам элитных группировок, то изменявшим клану, то вновь возвращавшимся.

Кончина падишаха, отличавшегося волей, характером и умом, отдававшего в политике больше предпочтения дипломатии, не обнажавшего меч без особой надобности, снискавшего авторитет у властителей сопредельных государств, никого из тех, кто находился у изголовья Шахруха в его смертный час, особенно не потрясла.

В этот роковой миг Шахруха постигла, пожалуй, участь всех государей мира, выдающихся и обычных: оплакивали только те, кого он благодетельствовал при жизни. В числе

таких был Пир Лукман-барлас, которому покровительствовала Гавхаршад-бегим.

Это протеже объяснимо, скорее, не какими-то привлекательными чертами характера самого Пир Лукмана, а его умением податливо и угодливо отзываться на ласковое слово. В его натуре более всего преобладали хитрость и приспособляемость, развившиеся с годами в корысть и притворство. Но любящее сердце, находящее радость и утешение в этой своей любви, не всегда различает искреннее от притворного, тем более, когда предмет их любви, возмужав, становится многоопытным в извлечении выгоды от привязанности к нему любящих его покровителей, сказать прямо, ослепленных своей любовью-привязанностью.

Не лишены были этой слабости обычных смертных ни Шахрух, ни Гавхаршад-бегим. Но слезы и причитания Пир Лукмана были сейчас до того неуместны, что сама же бегим, продолжавшая сидеть у изголовья покойного, пронзив его укоризненным взглядом, довольно властно произнесла:

— Перестаньте! — затем сурово и холодно втолковала: — Святые сказали, что нельзя плакать и причитать над усопшим, ибо от этого возрастает грех правоверного...

И тем не менее Пир Лукман-барлас, раб своих верноподданнических чувств, продолжал причитать, стоя на ногах:

— О, Создатель! Не лучше ли было лишить жизни меня, чем этого высокороднейшего святого, любимейшего, боготворимого нами отца, нашего щедрейшего покровителя.

Так он причитал и истерично рыдал, избивая себя. Было за что изображать ему отчаяние. Покойный падишах наделил его немалыми землями, водами, деньгами, постоянно возил его с собой, а после победоносных военных походов обласкивал суюргалами. Например, разгромив Халил Султана и завоевав Мавераннахр, подарил ему вилайет Каррух. В этот вилайет, простиравшийся от Герата до Бадгиза, входило восемьдесят кишлаков. Всего этого он удостоился благодаря человеку, которого уж нет. Что-то теперь будет с ним? Он хотел бы кричать и вопить так, чтобы сотрясались небеса, чтобы все видели, как велико и безутешно его горе. Но внушение, только что сделанное бегим, удерживало его. Он-таки побаивался ее...

А сама бегим в этот час, судя по всему, не очень горевала. Не до этого ей было! Начнется теперь борьба за власть, за падишахский трон. И эта предстоящая борьба

не на жизнь, а насмерть уже захватила все ее существо. Кто достоин трона? Улугбек, Алауддаула или Абдуллатиф? Да, если по завещанию, то вопрос о наследнике был решен еще Шахрухом. Трон должен был занять старший сын Улугбек. Но примириться с этим Гавхаршад-бегим не могла. «Из этого сына никогда не получится ни падишаха, ни полководца, скорее будет мударрисом или же имамом мечети», — как-то сказала она в сердцах мужу, который считал недостойным для себя вступать в пререкания с ней.

Неужто придется возвести на трон Абдуллатифа? Не возражая против него, она всего только считалась с настроениями, царившими в дворцовых кругах, ибо про себя бегим уж давно знала, кому именно суждено стать наследником престола: «Только Алауддаула», — таково было ее решение. Его она выделяла среди других царевичей еще в ту пору, когда он был отроком. Нетерпимая, она не очень располагала к себе юных царевичей. Алауддаула, напротив, не робел и не смущался перед ней, особенно же когда нужно было добиться каких-то благ для себя. Когда другие, видимо, считали для себя обременительным искать ее расположения, он в этом отношении был находчив и хитер. Гавхаршад-бегим в свою очередь шла навстречу ему. Правда, то, что он сейчас находился в Герате, затрудняло осуществление ее планов. Как он оставит столицу? Войско, увы, далеко. А как можно руководить государством без войска, эмиров и кази-каланов? Чтобы прибрать все это к рукам, надо действовать находчиво и быстро, но вместе с тем осторожно и тайно. Всем следует внушить, что ее особое расположение к Алауддаула, не имеет никакого значения при выборе наследника трона. «Пусть им поначалу будет Абдуллатиф», — решила она. Прежде всего необходимо скрыть происшедшее. Придя к такому решению, она энергично поднялась с места и вышла наружу. В нескольких шагах от дверей, как и положено, прохаживался эшик-ага, готовый выполнить любой ее приказ. Она обратилась к нему:

— Хакан Саид очень сильно занемогли, пусть в комнату не входит ни единая душа. А прислугу и стражу надоумь, пусть лишнее не говорят.

Эшик-ага низко поклонился и удалился выполнять ее поручение.

Далее бегим отправила специального гонца-шутурпариса к Абдуллатифу, командовавшему левым крылом войска, наказав ему:

— Лети ветром и втайне от всех скажи ему, что хакан Саид занемог сильно. Пусть немедленно прибудет — он должен взять на себя командование войском и управление государством.

Коварная бегим знала, кого и как надо вводить в заблуждение.

Она вернулась в ичкари и заперлась изнутри. И до того момента, когда прибыл Абдуллатиф, никто не вышел отсюда наружу.

Абдуллатиф же, выслушав гонца, понял — произошла трагедия, но тоже утаил это от всех, сказал только, что его вызвали. Поручив войско эмиру Саиду Али, сам прибыл в кишлак Пешавари. По настоянию Гавхаршад-бегим придворные дали клятву верности Абдуллатифу.

Замысел Гавхаршад-бегим, якобы отдававшей предпочтение как наследнику трона Абдуллатифу и принятый соперниками за чистую монету конечно же пришелся не по душе царевичам, каждый из которых считал себя не менее достойным трона падишаха.

Мирза Абулкасым Бабур и мирза Халил, погрузив гроб с телом Шахруха на паланкин, вместе с войском и слугами покинули 13 марта верховную урду и двинулись в направлении Герата. Через два дня, на рассвете, остановились в кишлаке Сурхча, относившемся к вилайету Семнан.

Интриги плелись и в пути. Те, кто кровно был заинтересован в том, чтобы Абдуллатиф занял трон прочно и надолго, и вместе с тем познавшие нрав Гавхаршад-бегим, в силу многолетнего общения с ней, тайно доносили: «Намерения махди улё опасные. Объединившись с Алауддаула, она хочет завлечь вас в западню и избавиться...» Абдуллатиф, немало удивляясь этому, думал: «Всего три дня назад эти же люди из высшей знати дали мне клятву верности именно по настоянию Гавхаршад-бегим, а теперь они же против нее». Но постепенно он пришел к заключению: «Да, тут что-то есть. Ведь между мной и бегим действительно стоит Алауддаула. Именно его метит она на трон. Почему я не подумал об этом прежде?» Ведь и раньше знал, что буви любит Алауддаула больше! Известен к тому же и нрав ее двуличный.

Абдуллатиф насторожился. Оказанные ему сейчас милость и доверие он посчитал теперь за нечто временное, за компромисс, на который она идет вынужденно, ибо деться некуда, обстоятельства принуждают к этому.

Он уже ясно начал представлять себе опасности, начав-

шие обступать его со всех сторон. Алауддаула завладел столицей, в его руках казна покойного падишаха, переполненная изумрудами, жемчугами, золотом и серебром. Как только достигнет Герата, он, в сговоре с Гавхаршад-бегим, отстранит его, а может быть попытается и вовсе избавиться. Ведь он совершенно чужой для Гавхаршад. Тут Абдуллатиф невольно припомнил кое-что из прошлого...

Как-то вместе с Алауддаула зашел к Гавхаршад-бегим. Она тогда именно его, Алауддаула, встретила как желанного, близкого человека. Обняв его, расцеловала, с ним же обошлась холодно и сказала довольно равнодушно: «Ну как, не скучаете, байвачча?». Тогда он, обидевшись, уехал в Самарканд. На следующий год бегим приехала туда сама и, уговорив, привезла его обратно в Герат.

Абдуллатиф вспомнил еще, как года три-четыре назад в Герате, когда здоровье Шахруха внезапно ухудшилось, он намеревался передать трон Мухаммад Джуки. Гавхаршад-бегим, узнав об этом, так раскричалась, что, казалось, рухнут небеса. Она прямо заявила, что быть наследником достоин только Алауддаула. Падишах же промолчал. Он довольно скоро выздоровел, но Мухаммад Джуки неожиданно скончался.

Обо всем подобном неотступно думал Абдуллатиф. Неужто счастье, которое кружит вокруг него и вот-вот готово опуститься на плечо, теперь упорхнет. Нет, он не допустит этого, пока жив, будет сражаться. Трона должен удостоиться он и только он. В ту пору Шахрух был несколько обижен на Улугбека и на него, потому и назначил наследником Джуки, которого теперь нет. Его же отец, отдающий все свое время обсерватории, библиотеке и медресе, ушедший с головой в науку, не может далее совладать с управлением государства.

Смута, охватившая царство, тоже весьма выгодна для него. Вообразили себя абсолютными властелинами Абулкасым Бабур — в Мазандаране и Джурджане, Алауддаула — в Герате, Султан Мухаммад — в Рае, в Газни и Кабуле — дети Суюргатмиша, в Хутталане — сын Мухаммада Джуки мирза Абубакир. Когда каждый занят лишь собой, можно захватить власть в Герате. Только не надо медлить.

И Абдуллатиф принялся действовать дерзко и находчиво. В последний день месяца зулхиджжа (18 марта 1447 года) он вместе с сотней ловких своих джигитов ворвался в помещение, где устроилась Гавхаршад-бегим и ее приближенные. Перебив стражу во главе с Низамиддином Ахмадом, подверг заточению бегим вместе с эми-

рами, сопровождавшими гроб покойного. Далее он, успев подчинить себе командование армии, не теряя ни минуты, стремительно двинулся к Герату.

В центре вилайета Семнан его встретили прибывшие сюда великий агзам ходжа Гиясиддин Ахмад Хавофи и сахиб Икрам ходжа Шамсиддин Али Семнани. Они, опоясавшись ремнями покорности, перешли на службу к Абдуллатифу. И царевич назначил каждого из них визирем. Продолжая продвигаться, Абдуллатиф достиг Нишапура. Тут разместился во дворце хокима города, а пленников велел запереть в кладовой, приставив надежную и многочисленную охрану.

Казалось бы все было предпринято для того, чтобы успех сопутствовал Абдуллатифу. Но и Гавхаршад-бегим была не из тех, которые легко смиряются с судьбой, уготованной им противником. Она-таки нашла способ установить связь с Алауддаула. Бегим узнала стражника, который принес пленникам еды. Где она видела этого смугловатого джигита могучего сложения? Да, вспомнила. Лет двенадцать назад, когда она вместе с хакан Саидом совершала паломничество к могилам святого Машхали, она видела его среди охраны. И джигит с первого же взгляда узнал эту высокородную женщину, измученную и исхудавшую сейчас от тяжести свалившегося горя, дорожных мук и от такого поворота судьбы, преподнесенного внуком.

Поначалу он чувствовал себя неловко и скованно, не рискнул даже поздороваться, ибо другой стражник у двери бдительно наблюдал за ним. Бегим заметила в выражении лица стражника признаки сочувствия и доброжелательности. Он, после того как пленники поели, зашел прибрать дастархан, она же, воздев руки, молитвенно поблагодарила: «О, Всевышний! Да продлишь ты жизнь Алауддаула, да умножишь его богатства!» Когда же бегим опустила руки, золотое колечко с рубином соскользнуло с большого пальца ее правой руки на дастархан. Стражник, проворно сложив его и обменявшись с ней взглядами исподлобья, вышел.

Алауддаула узнал о беде, стрясшейся с Гавхаршад-бегим. Разгневанный жестокостью и коварством Абдуллатифа, он немедленно прибыл в крепость Ихтияриддин, открыл дверь казны и распределил ее большую часть среди воинов и военачальников, дабы расположить их к себе. Он должен подавить бунт Абдуллатифа и освободить из плена Гавхаршад-бегим и эмиров. Не теряя времени,

Алауддаула послал в Нишапур войско, которое возглавили царевич Мухаммад Салих, а также Увайс-тархан и Ахмад-тархан. Войско через Серахс прибыло в Мешхед. В городе об Абдуллатифе распространялись слухи один страшнее другого, о его зверствах и пытках, учиненных им в Дамгане, Бистаме и Нишапуре. Слухи эти не лишены были основания. В «Матлаъ ус-сагдайин» Абдураззака Самарканди мы читаем о нем: «Мирза Абдуллатиф грубый и злобно-вспыльчивый джигит. Он подверг разграблению страну, народ остался обреченным на его гнет и тиранию».

Гератские эмиры, выехав из Мешхеда, осторожности ради продвигались только ночами и только на 13-й день подошли к Нишапуру. В город пробрались в одежде паломников двое джигитов Увайс-тархана и разведали положение. Вернувшись, они доложили Мухаммад Салиху: «И мирза Абдуллатиф, и пленники находятся во дворце хокима, войско же расположилось за городом в шатрах вдоль дороги. Днем они заняты грабежами, ночами предаются обжорству и беспрерывно пируют».

Царевич собрал на совет эмиров.

— В полночь два соединения войск нападут на Абдуллатифа, а одно войско будет брать дворец.

Такой план предложил Увайс-тархан, а Ахмад-тархан возразил:

— Для дворца целого войска многовато. Тут важно не число, а умение. Кроме того, среди ночи в помещениях дворца мы можем не отличить врагов от своих. На это дело достаточно сто — сто пятьдесят джигитов.

Все согласились.

Когда перевалило за полночь, два отряда, возглавляемые Увайс-тарханом и Ахмад-тарханом, напали на войско Абдуллатифа, расположившееся лагерем у края дороги, и одновременно с этим сто пятьдесят отборных джигитов во главе с Мухаммад Салихом под покровом ночи незаметно подкрались вплотную к воротам дворца. Им удалось тихо покончить с внешней стражей, после чего проникли во дворец и без боя овладели им, ибо в глубокий сон были погружены там все. Джигиты Мухаммад Салиха, покончив в мгновение и с внутренней стражей, ворвались в комнату на втором этаже, где в этот миг Абдуллатиф, забыв обо всем, почивал в теплых объятиях красавицы гарема. По знаку Мухаммад Салиха один из джигитов пощекотал пятки Абдуллатифа, от чего тот, вздрогнув от испуга, очнулся мгновенно. Приподнявшись, оглядел незнакомых джигитов, окруживших его.

— Кто вы? Кто вам разрешил войти сюда? — Он хотел было подняться, но кто-то приставил к его груди кончик сабли.

— Вздумаете сопротивляться, лишитесь головы, мирза. — Хотя этот джигит, приставивший саблю, был в маске, Абдуллатиф узнал в нем Мухаммад Салиха...

Одновременно джигиты царевича, сломав двери кладовой, ворвались и освободили махди улё Гавхаршад-бегим, вызволили из плена и эмиров.

Хотя захват дворца был осуществлен, кровопролитной схватки с войском не удалось миновать. Приближение войска Алауддаула было замечено. По сигналу тревоги воины, спавшие в шатрах, почти все успели выскочить с оружием в руках. Началась битва. Звон сабель и пик, скрежет и лязг, выкрики «Режь!», «Бей!», «Дави!» оглушили самих сражавшихся. После ожесточенной схватки воины Мухаммад Салиха одолели врага.

На рассвете гроб падишаха погрузили на паланкин и вышли на гератскую дорогу. Войско следовало за гробом. Алауддаула встретил их в селении Саидабад вилайета Джам. Абдуллатифа допрашивал сам Алауддаула.

— Почему ты совершил столь низкий поступок по отношению к своей старшей матери? — Абдуллатиф знал, что Гавхаршад-бегим никогда не простит его, а гнева Алауддаула, который не рискнет расправиться с ним, он не очень страшился. Поэтому безбоязненно ответил вопросом на вопрос:

— А ты избежишь наказания?

Алауддаула боялся возмездия отца. Он мог только унижить Абдуллатифа, надев наручник и посадив в тюрьму.

Гавхаршад-бегим в благодарность Всевышнему за избавление устроила традиционное моление с жертвоприношениями народу. В полдень следующего дня тело Шахруха погребли под величественными сводами медресе, воздвигнутом в честь махди улё Гавхаршад-ага и потому носившее ее имя.

Печальную весть о смерти отца доставил Улугбеку гонец Абдуллатифа. Улугбек, узнав о смерти отца, вдруг почувствовал себя отрешенным от трона. Многие он передумал и перечувствовал, что было неведомо ему прежде. Падишахское положение всегда к чему-то обязывало его в ущерб душе. Вот и сейчас, повинувшись чувству государственного долга, он немедленно созвал на совет эмиров, улемов и ученых. Собравшиеся прежде всего выразили

падишаху свое соболезнование. Затем все единодушно высказали мысль, что для предотвращения посягательств на самаркандский трон, для удержания в своих руках власти в государстве, надо немедленно собрать войско и стремительно двинуться на Хорасан. К концу совета шейх-уль-ислам мавляна Исамиддин подвел итог:

— Их величество Мугисиддин Улугбек-кураган являются старшим сыном хакана Саида, бывшего властителем раеподобного государства. По этой причине они являются единственным и законным наследником трона. Исходя из сего, их величество должны немедленно отправиться с войском в Хорасан и взять в свои руки власть в Герате, где пытается утвердиться на престоле Алауддаула.

На четвертый день после совета Улугбек вместе со своей отборной стражей и войском, набранным в туманотах Самарканда, вышел из столицы и направился в Насиф. Основную часть войск перед их окончательным броском на Герат решено было сосредоточить в Термезе.

Но Улугбека заботил не только Алауддаула. Правители вилайетов грозили развалить государство. И приходилось проявлять немалое политическое и дипломатическое искусство, чтобы привлечь их на свою сторону, принудить к повиновению, не прибегая к войне и кровопролитию. Объектом его внимания стал прежде всего Абубакр-мирза, укрепившийся в Балхе.

Вилайеты по обе стороны Амударьи после смерти Мухаммад Джуки были отданы в качестве суюргала двум его сыновьям: Мухаммад Касыму — вилайеты Балх, Шибирган, Кундуз и Баглан, а Абубакр-мирзе — вилайеты Хутталан, Арханг и Сал-и сарай, граничащие с Бадахшаном. После смерти Шахруха между братьями возникла распря. Абубакр-мирза поднял оружие против своего брата и отнял у него вилайеты. Затем переехал в Балх и принялся укреплять крепости и оборонительные сооружения. При таких обстоятельствах, возникших уже после начала похода, не принудив к повиновению Абубакр-мирзу, нельзя было и помышлять о борьбе с Алауддаула, занявшим Хорасан и Герат, с Абулкасым Бабуром, претендовавшим на независимое правление в Джурджане и Астрабаде.

А о борьбе с Султан Мухаммадом, присвоившим себе Западный Иран и Фарс, и с туркменом Джаханшахом из дома Кара-коюнлу, вырвавшим из рук тимуридов Азербайджан, пока нельзя было и помышлять. Думая

о них, Улугбек только вздыхал тяжело... Если угодно будет Аллаху, пора бы навести порядок дома.

Что надо было делать? С чего начать? Сыщики, тайно посланные на ту сторону Амударьи, разузнали, что крепость Балх сильно укреплена, что в Андхуде и Шибиргане собраны большие военные силы. Улугбек долго думал, советовался со своими приближенными.

Если он начнет воевать с Абубакром, Балх можно захватить, но тогда он лишится многих своих воинов. А чтобы идти на Герат, придется собирать новое войско, для чего потребуется немало средств. Откуда он их возьмет? Снова обложит дополнительным налогом земледельцев? А если без конца брать из казны, то на какие средства будет воздвигать намеченные стройки? Значит, поход придется отложить.

После долгих раздумий Улугбек решил переманить племянника на свою сторону, не обнажая сабли. С этой целью он направил в Балх, к Абубакр-мирзе своих послов — шейхульислама Исамиддина и Таваккал-барласа.

Абубакр-мирза встретил их с должным почтением. Мавляна Исамиддин вместе с привезенными подарками вручил мирзе также и послание падишаха, пронизанное чувствами теплого, дружеского расположения. Абубакр-мирза устроил вечером в честь послов большой пир—в Баг-и хуррам. На следующий день после завтрака послы были приглашены на большую охоту в заповеднике Дерегез, куда прибыли уже в сумерках и заночевали в селении Акбулак. Ходжа Исамиддин обратился к шейхзаде:

— Его величество являются самым старшим сыном безупречно безгрешного покойного падишаха. Они по возрасту самый великий из живых тимуридов. Трон и корона несомненно должны принадлежать им. — После такого вступления он каким-то особо доверительным тоном произнес тихо и многозначительно: — Вас же, любя, как родного сына, хотели бы еще более приблизить к себе. И по этой причине их величество не осуждает вас за политику, которой вы придерживаетесь в отношении брата. — Абубакр благосклонно кивнул головой, значит, по душе были ему и эти слова.

Шейхульислам продолжал:

— Радостно то, мой мирза, что наш великий царь намерен сделать вас своим женихом, обручить с вами свою любимую дочь Билкизи Рабию Султан-бегим, пребывающую ныне за занавесью совестливого ожидания.

Царевич, чувствовалось, глубоко тронутый, приложил

руки к груди, поклонился. И тут мавляна Исамиддин произнес самое сокровенное из того, что, видимо, было поручено ему передать:

— Вы никогда не сходите со святых уст их величества. По нашему скромному разумению, они премного стосковались по вас, шейхзаде, знатному и высокородному. Нам прекрасно известно также, сколь душевно были расположены друг к другу ваш покойный отец и мирза Улугбек. Увы, нет уже среди нас любимого нами мирзы Мухаммад Джуки. Такова была воля Аллаха. После этого горестного события любовь мирзы Улугбека к своему младшему брату перешла к вам. Наш почтенный друг, не откажите нам, посетите вашего великого дядю—нашего падишаха Улугбека...

Следующий день провели на охоте, которая в этот раз почему-то совершенно не увлекла Абубакр-мирзу. До самого вечера он был задумчив, стремился проникнуть глубже в смысл слов, сказанных мавляной Исамиддином.

После ужина, пригласив к себе наставника Турдыбека и откровенно поделившись с ним, попросил у него совета, чем поставил того в трудное положение, ибо за многие годы службы отцу Абубаkra, а теперь ему, Турдыбек хорошо успел узнать нравы правителей, слова и дела которых расходятся, а их действия сплошь и рядом невозможно ни предугадать, ни предсказать. Даже за их благодеяниями, щедростью и кажущимся великодушием поступков чаще кроются корысть, эгоистический расчет, а то и коварство. Вот и сейчас Абубакр-мирзу призывают в Термез к государю, якобы особо дружелюбно и любовно настроенного к царевичу, а у него, Турдыбека, просят совета относительно этого—ехать или не ехать? Как же быть?

Ему ли не знать, что за настойчивым приглашением, всяческим обхаживанием кроются какие-то далеко идущие намерения государя относительно Абубаkra. Да, может статься, что в его лице он желает приобрести союзника, для чего готов связать себя с ним родственными узами...

Многое зависит от самого Абубаkra, как он там себя поведет, но вместе с тем от обстоятельств и ситуаций, на которые он бессилен повлиять. Нужный государю и двору сегодня может оказаться помехой, лишним или даже вредным завтра. И от него избавятся—способов для этого не счесть.

Советник терзался, не зная как быть—любой совет мог оказаться впоследствии роковым для него самого. Но и отмалчаться нельзя. На то и держат, платят, чтобы да-

вал совет, когда падишах просит его об этом. Советник понял также, что царевичу очень хочется ехать к государю и что он связывает с этой поездкой самые радужные и высокие надежды. В мыслях он уже видел себя самым близким, родным для великого падишаха человеком, каковым, конечно, станет, женившись на его дочери Рабие Султан-бегим. Так что не посчитаться с этим тайным и сокровенным желанием царевича тоже было рискованно.

Словом, советник Турдыбек сказал то, что Абубакр-мирза хотел услышать от него:

— Мой мирза, если вы поедете к государю, то поступите мудро и благоразумно.

Слова эти прозвучали для Абубакра сладкой музыкой. Турдыбек же, низко поклонившись ему, поспешил удалиться.

Царевич, улегшись в постель, долго не мог сомкнуть глаз, лежал, уставившись в потолок. Перед его глазами стоял прекрасный лик Рабии Султан-бегим, возникали сладкие видения. Когда однажды, во времена юности, Абубакр-мирза был в Самарканде со своим отцом, ему удалось несколько раз видеть эту красавицу... Он заснул очень поздно, погруженный в мечтания.

После завтрака мирза позвал эшик-ага и приказал готовиться к отъезду. В день отъезда в Самарканд мирза собрал всех приближенных и обратился к ним:

— Мы твердо решили ответить согласием на любезное приглашение нашего дяди. Управление делами государства до нашего возвращения мы поручаем многочтимому нами Турдыбеку.

— Благодарим, мой мирза, столь милостивое и великодушное внимание нашего верховного господина мы не забудем до самой смерти,— только и ответил советник, выразив низким поклоном свою благодарность.

Абубакр-мирза отбыл в Термез вместе с послами. У переправы через Джейхун его торжественно встретил сам Улугбек. Дядя и племянник обнялись, затем в окружении нукеров и знати направились в город. Они поселились в загородном дворце термезского бека и не расставались несколько дней, без конца беседуя друг с другом как давние и душевные друзья. На советах Улугбек сажал его выше всех, даже выше своего сына Абулазиза.

Затем как внезапно было их сближение, так же внезапно наступило и отчуждение, по крайней мере со стороны Улугбека. И трудно было понять, чем это вызвано. Он, будто не веря в глубине души своему вассалу, считал целесооб-

разным любимым способом не допустить его возвращения в свой вилайет. Не потому ли он так охотно поверил наветам на него своего главного сыщика Эхсан-Бука-барласа. Так или иначе, предвидение советника Турдыбека, что Абубакр-мирза едет на свою погибель, увы, оправдалось. Он был обвинен в заговоре и казнен. Поводом для этого послужило одно стихотворение, которое написал Абубакр-мирза и в котором именно подслушавший его сыщик Эхсан-Бука-барлас усмотрел какие-то предательские замыслы, в чем и удалось ему убедить Улугбека. Он, внимательно выслушав сыщика, приказал:

— Держи ухо остро, следи за каждым его шагом, лови каждое его слово!

Для сыщика лишь бы был приказ. Прошло несколько дней и он привел к падишаху мулле Нигматуллу, который якобы подтвердил все слышанное сыщиком и привел даже свои кое-какие доказательства. После этого гнев Улугбека удесят�ерился, он посчитал племянника за предателя...

В тот же день Абубакр-мирзу арестовали, на рассвете его отправили в Самарканд. Хоким города эмир Аргуншах заточил шейхзаде в тюрьму Кок-сарай. По прошествии трех дней царевича предали казни.

Так было покончено с Абубаком, правившим до недавнего времени вилайетами Балх, Шибирган, Кундуз и Баглин. Возвращение к власти и усиление его независимости могло сильно осложнить борьбу Улугбека с Алауддаула—с этим главным претендентом на престол в Герате.

Улугбек не успел отправиться в поход на Герат, как пришло страшное известие о том, что мирза Абдуллатиф потерпел в Нишапуре поражение от войска Алауддаула, а сам попал в плен. Улугбек мучительно переживал за сына, томившегося и страдавшего в тюрьме Ихтияридин, куда попадали самые опасные преступники. Теперь не может быть и речи о большой войне. Во что бы то ни стало надо было выручать Абдуллатифа из рук Алауддаула. Пускать в ход оружие было рискованно. Будто к довершению всех бед пришло известие, что большое войско Алауддаула переправилось через реку Мургаб, что ясно выдавало его намерения. Опасность угрожала теперь и Самарканду. Улугбек, пригласив к себе из великих эмиров Идику Темира, Байан Темира, эмира Баязида и других приближенных, провел с ними совет. Пришли к единому мнению, что до освобождения мирзы Абдуллатифа, с Алауддаула не следует воевать, с ним надо вступить в переговоры и попытаться

заклЮчить мир. С этой целью во главе с мавляной Низамиддин Мирак Мухаммад Садром были отправлены послы к Алауддаула.

В послании, которое они должны были вручить, было сказано: «Да будет известно и ясно нашему шейхзаде, обладающему верховной властью, что помыслы наши чисты и мы жаждем мира. Но волей судьбы, складывающейся наперекор нам, наш дорогой сын, баходыр Абдулмузаффар Абдуллатиф пребывает ныне в плену в ваших руках. Судьба его волнует нас, также как и стольного града Герата, являющегося достоянием нашего великого бобо Шахруха. И мы с войском, могущим поджечь мир, превосходящим даже песчинки пустыни, готовы и способны на львиный бросок. Если вдруг по наваждению шайтана возникнет война между нами, то народ и страна могут подвергнуться разорению. Спокойствие земледельцев, благополучие страны и народа требуют, чтобы мы с вами заключили мир. Если по получении сего послания мирза Абдуллатиф будет освобожден из плена и отослан к нам, то этим самым был бы прегражден путь раздору и открыт путь к миру...»

Алауддаула, прочитав послание, остался совершенно невозмутимым. Он выказал послам соответствующие почести, но какого-то ясного ответа не дал. Когда же послы отбыли, усилил приготовления к большой войне. Он целился пока на Балх. Но отправиться туда в поход не успел, ибо из Герата прибыл гонец с известием о том, что Абулкасым Бабу, оспаривавший власть у Алауддаула, выйдя с большим войском из Джурджана и Мазандарана, прибыл в Тус, намереваясь идти теперь на Герат. Не успел он опомниться, как получено было сообщение, что Абулкасым уже в окрестностях Джома, еще ближе к Герату. По его приказу, доставленному гонцом, из Герата отправилось большое войско, которое должно было преградить путь Абулкасыму Бабуру. Сражение с ним произошло в окрестностях Джома. Гератское войско было разбито. Поражение это ввергло Алауддаула в панику. Он очутился между двух огней. Теперь он сам направил посла к дяде. Представители обеих сторон подписали мир в Балхе. Согласно условиям, Хорасан был признан подвластным Алауддаула, а вилайеты Балха, которыми некогда обладали мирза Мухаммад Джуки и его сыновья, а ныне он сам, были включены в состав государства Улугбека. Кроме того, Алауддаула обещал освободить из плена Абдуллатифа с его приближенными и направить их в Балх к Улугбеку.

Посол принес из Балха радостную весть. Алауддаула,

покинув берега Мургаба, стремительно двинулся к Герату и через три дня вошел в город. А Абулкасым Бабур, вынужденный отступить, вернулся в Мешхед, в свои родовые владения.

Алауддаула сдержал свое слово. Вернувшись в Герат, сразу же освободил из плена Абдуллатифа, вроде бы даже отнесся к нему душевно, на самом же деле расчетливо, что устраивало и соперника. Двоюродные братья поклялись: «Отныне мы не будем враждовать, будем укреплять нити дружбы и единодушия». Алауддаула дал слово освободить также нукеров и близких слуг мирзы Абдуллатифа, взятых в плен в Мешхеде. Ко всему он выделил для Абдуллатифа большую сумму из казны, затем с большими дарами отпустил его в Балх, к отцу.

От того, что сын вернулся, радость Улугбека вознеслась до небес, он раздал пожертвования бедному люду Балха, хонакохам и далихона — канцеляриям. Устроил в его честь большой той во дворце Баг-и хуррам. Когда все разошлись, отец и сын, оставшись наедине, долго беседовали между собой.

«Мирзо Улугбек, — рассказывает историк, — был чрезвычайно рад тому, что его сын вернулся живым-здоровым, заключил его в объятия, затем, усадив его рядом с собой, порасспросил о муках, испытанных им в те дни, когда был заключен в зиндан тюрьмы Ихтияридин. Утешая ласковыми словами, развеял тоску его души. Улугбек таким образом ряд дней лелеял уцелевшего сына, затем, преподнеся ему в качестве сургала Балх и принадлежавшие ему прежде земли, сам возвратился в Самарканд».

Между тем никак не успокаивались Алауддаула и Абулкасым Бабур, тяжба между которыми чуть было не переросла в большую войну. Их удалось помирить. Согласно заключенному договору, Мазандаран признавался за Абулкасымом Бабуrom, а Хорасан — улусом Алауддаула.

Но мир оказался кратковременным и непрочным. Алауддаула не выполнил условий договора. А Абдуллатиф жил, снедаемый обидой и горечью за поражение, нанесенное в Нишапуре, за заключение в тюрьму Ихтияридин, за испытанные им муки и унижения. Между ними произошло сражение у Чечекту. Абдуллатиф разбил войско Хорасана, оборонявшее этот город и возглавляемое мирзой Салихом.

Обе стороны вновь усилили подготовку к большой войне, укрепляя принадлежащие им крепости и города. Не помогло и вмешательство Улугбека, который обратился было с

посланием к Алауддаула. Последний, чтобы вдохновить эмиров и войско, широко открыл для них двери казны. Распределил среди них и часть драгоценностей, которые Шахрух собирал почти пятьдесят лет. В Герате хокимами и даругами назначил эмира Мухаммада Суфи-тархана и эмира Султан Абу Саида; командование крепостью Имад, где хранилась личная казна Алауддаула, доверил Ахмад-ясавулу, а управление крепостью-тюрьмой Ихтияриддин (тут хранилось 4000 туманов) поручил эмиру Ака-ходже. И только после этого отправился в поход.

Перевалив через хребет Санджаб, опоясывающий с восточной стороны Герат, его войско остановилось. Ко времени третьей молитвы, перед заходом солнца, гонец из Мургаба принес весть, от которой он невольно содрогнулся—стотысячное войско Улугбека и Абдуллатифа, переправившись через Мургаб, прибыло в местность Точкон. Алауддаула заколебался. У него возникла даже мысль, что, возможно, Улугбек-кураган, как это бывало и раньше, заключит с ним мирный договор. Он ведь хорошо знал нрав своего дяди, предрасположенного к рассудительности, предпочитающего войне мир. Поэтому поспешно отправил человека в Герат к шейхульисламу Бахауддину Умару, просил его быть посредником в деле примирения с дядей. Но было уже поздно. Произошло сражение. Каждая сторона дралась насмерть...

Алауддаула потерпел поражение. Победители захватили большую добычу. Тысячи воинов Алауддаула попали в плен. Трагедия стала возможна и потому, что еще до начала сражения изменил мирза Абдулла. Он увлек свое более чем десятитысячное войско на сторону Улугбека, Алауддаула понял, что все потеряно, что ему уж никогда не быть падишахом. И он бежал с поля боя. Нигде не останавливаясь, не заезжая даже в Герат, достиг Мешхеда, но, не найдя себе места и тут, бежал в свою крепость Имад, затем, поспешно прихватив часть своей казны, пустился вскачь в сторону Астрабада с крошечным отрядом, сохранившим верность ему. Брат Абулкасым принял его, как и надо было ожидать, сдержанно, видимо, из чувства жалости. Ведь только недавно они сражались как враги.

Махди улё Гавхаршад-бегим, получив известие о поражении, поспешила покинуть Герат вместе со своим братом Мухаммадом Суфи, домочадцами, эмиром Гиясиддином Пир Ахмадом, даругом Герата эмиром Султан Абу Саидом. Они направились в Астрабад. Улугбек и Абдуллатиф торжественно въехали в столицу, оставшуюся без войск и

без хокима. Но задержались тут недолго. Война продолжалась.

Абдулаттиф, преследуя войско Абулкасыма Бабура, дошел до Бистама и Астрабада. Бабур бежал в Дамган. Для полной победы достаточно было сделать шаг, как говорится, стегнуть коня камчой еще раз. Но Улугбек не поступил так и остановился в Исфараине. Продолжение похода и нанесение окончательного поражения Абулкасыму Бабуру было поручено Абдуллатифу...

Тогда Улугбек на двадцать дней задержался в Исфараине. В источниках факт этот никак не объясняется. А беспричинно вряд ли могло случиться такое. Не стала ли поводом для задержки его встреча с ученым и путешественником Шейхом Арифом Азари, с которым он встретился тут и который, как мы уже знаем, был его наставником в детские годы. Наверное, было что вспомнить, о чем поговорить. Шейх Азари прибыл в этот дорогой для него город за месяц до Улугбека. Он, вернувшись после своего многолетнего путешествия в Аравию и Индию, обосновался в родном Байхаке, где проводил дни в молениях, занимаясь наукой. Улугбек, хоть они не виделись уже сорок лет, сразу же узнал устоза. Давайте послушаем об этом самого Шейха Азари.

«Я к тому времени состарился. Падишах, увидев меня издали, уже, кажется, узнали. Спросили: «О, Аллах! Уж не наставник ли вы мой далекой поры детства, не племянник ли Хамзы, знаменитого сказителя?» Я, пораженный памятью, пронизательностью падишаха, ответил: «Да, ваше величество, это я». Мирзо Улугбек напомнили мне слышанные сорок лет до этого рассказы в Карабаге, о газзавате в Грузии и давних-давностях Азербайджана».

Много, очень много в ходе беседы рассказал шейх о своих путешествиях, о своей жизни. Наставник детской поры жизни Улугбека, оставивший неизгладимый след в его памяти, вот и сейчас приобретал какую-то необъяснимую словами власть над его душой, заставляя переоценивать свою прошлую жизнь и свои действия в настоящем. Оправданы ли его войны и походы, пусть нечастые и пусть даже навязанные? Всегда ли он делал все от него зависящее, чтобы избежать их? Вот, например, и в этот раз... Так ли уж надо ему преследовать отступающего противника, если можно обойтись без этого, сохранив свою честь падишаха и человеческое достоинство.

Улугбек, оставшись потом наедине, долго размышлял над всем этим, над возможной реакцией прежде всего тех

людей в стане своих врагов и противников, от которых зависит его репутация. И к своему удивлению, пришел к выводу, что будет понят многими, если не большинством, со временем даже противниками.

Словом, Улугбек, вопреки элементарной логике ведения военных действий, повернул назад, и, нигде не останавливаясь в пути, достиг уже было Мешхеда. Но, увы, уже здесь суровая действительность внесла поправки в его благородные и мирные намерения. Он внезапно получил известие о том, что Абулкасым двинул войска из Дамгана в Бистам, а Абдуллатиф бросил Бистам и бежал в Нишапур. Вот как неожиданно обернулась фортуна к Абулкасыму Бабуру, которому только недавно было нанесено поражение. Теперь же роли переменялись—бежал сын Улугбека Абдуллатиф. Ясно, что он где-то сплеховал, потерял бдительность, чем и воспользовался противник.

Ну, а почему проявило неведение ведомство Эхсанабувы? Почему не предупредило о готовящемся наступлении Алауддаула? Не ведал Улугбек, что этот человек, не умеющий наладить работу своих людей и потому допустивший оплошность, теперь, чтобы оправдаться, плел интриги... против Абдуллатифа. Он точно угадал то недовольство, которое зародилось в душе отца против сына. Так надо ковать железо, пока горячо. В этом было его призвание—губить человека, упиваясь собственным коварством.

Однажды Улугбек, погруженный в глубокие раздумья, сидел на берегу великолепного мраморного хауза, в чарбаге хокима Нишапура, куда был приглашен в гости. Вдруг показалось, что со скрипом открылась калитка сада. Эшик-ага, присевший под дерево в двух-трех шагах от падишаха, поспешно взглянул в ту сторону. Никого... Через какое-то время скрип снова повторился. Скоро эшик-ага услышал шорох шагов за спиной. Обернулся и увидел Эхсана-Букубарласа, который кошачьей походкой направился в их сторону. Эшик-ага на цыпочках подошел к падишаху и тихо сообщил о прибытии сыщика.

Улугбек сидел, наблюдая с увлечением за рыбками разноцветных окрасок, плававшими в воде. Нехотя оторвал глаза и гневно взглянул на человека, который всегда возникал незаметно. Эхсан-Бука-барлас опустился на колени. Человек этот был до того гибок, что его несуразное бычье тело, когда он, согнувшись пополам, опускался на колени, будто становилось маленьким, как горсть, сам же точно превращался в кошку. Улугбек в глубине души терпеть не мог эту грязную тварь, но что он мог поделывать—государ-

ственная необходимость требовала и таких. Спросил холодно:

— Что за тайную весть принесли в этот раз?

Эхсан-Бука угодливо и подобострастно уставился на Улугбека:

— Сегодня прибыл из Нишапура один человек, близкий родственник вашего раба, по имени ходжа Сара. Личность эта служила при дворце мирзы Абдуллатифа, он бежал сюда.

«Уж не случилось что-нибудь с Абдуллатифом?» — невольно мелькнуло в голове Улугбека, что отразилось в его тревожном выражении глаз.

«Эге, слово нашло своего хозяина», — с удовольствием подумал Эхсан-Бука. Улугбек едва заметно кивнул головой, разрешая говорить дальше.

Эхсан-Бука доложил:

— Ходжа Сара услышал однажды от любимой рабыни Абдуллатифа по имени Зулейха кое-какие тайны. Мирза, опьянев сильно, как-то сказал про отца премного негодные слова.

Улугбек, почувствовав себя несколько неловко от того, что сын мог сказать про него какие-то слова, бросил взгляд на Эхсана-Буку:

— Что же сказал наш любимый сын про своего отца?

— Господин мирза сказали, что в боях-сражениях одерживаем победы мы, а в победных сообщениях отца первым упоминается имя мирзы Абдуллазиза. И еще сказали, что они в математике и в умении толковать разные науки не только не уступают отцу, но даже превосходят его. А что касается падишахских и государственных дел, то вы будто и вовсе ничего не смыслите.

Перед глазами Улугбека потемнело, гнев обуял его душу, а сыщик между тем продолжал:

— Великий царевич еще сказали, что отец, не совладав с управлением, отдадут Хорасан нам. Сперва мы усядемся на престол Шахруха-мирзы, а там—как будет угодно Аллаху.

— Все? — Улугбек пристально уставился в глаза сыщика, его губы подрагивали, все существо сотрясалось.

— Пока все, покровитель сущего мира.

Улугбек позвал эшик-ага и знаком дал ему приказание. Эшик-ага вынес из ичкари златотканый чанан и набросил его на плечи сыщика, а в руки дал мешочек золота.

Предательские замыслы сына, в которые не хотелось верить Улугбеку, но в достоверности которых убеждал его

сыщик и его свидетель, потрясли его. Ночью Улугбек не сомкнул глаз до самого рассвета. Утром же, вызвав к себе Эхсана-Буку, приказал ему послать гонца в Нишапур, дабы он известил Абдуллатифа о том, что ему должно немедленно прибыть к отцу. Но гонец вернулся ни с чем — к Абдуллатифу его не допустили, визирь же, выслушав гонца, сказал: «Их величество больны очень, по этой причине не могут отправиться в Мешхед».

Улугбек не поверил в болезнь сына, посчитал это за притворство. Снова послал гонца в Нишапур, в этот раз лично сам. Дал приказ: «Доставить сюда мирзу в любом состоянии!»

Абдуллатиф и в самом деле оказался болен. Жар мучил его. В таком состоянии, поместив на паланкин, привезли его в Мешхед. Из-за мук, испытанных в дороге, ему стало еще хуже. Жар стал сильнее, не в силах раскрыть даже глаза, он метался. Улугбек, увидев сына в таком состоянии, испытал ужас, и догадался сразу, что в чем-то его обманули, провели. Он покаялся в содеянном. Затем его обуяла ярость. Он понял, что стал игрушкой в руках Эхсана-Буки-барласа.

Призвав ясавулбаши, приказал немедленно доставить его к нему вместе с гонцом, которого посылал к Абдуллатифу. Люди ясавулбаши не могли разыскать Эхсана-Буку, но вот его гонца привели. Улугбек допросил его. И оказалось, что гонец этот, подкупленный Эхсаном-Букой за двести пятьдесят динаров, вовсе не ездил в Нишапур, лежал, затаившись в одном укромном месте. А ту самую клевету об Абдуллатифе выдумал сам Эхсан-Бука. Гонец был жестоко наказан, а сыщик и на этот раз избежал кары. Он, давно уж покинув Мешхед, находился в пути на Дамган. Как стало известно после, на этот раз он бежал к Абдулкасыму Бабуру.

И вдруг в эти дни стали назревать грозные события в Герате, которым пытался овладеть неизвестно откуда вынырнувший царевич Ерали. В свое время царевич этот, принадлежавший к туркменской династии Кара-Коюнлу, ворвавшись со своим войском в пределы Хорасана, приблизился к Герату. Но был разбит, пленен и заключен в тюрьму-крепость Нерату. И вот теперь, бежав оттуда, напомнил о себе самым неожиданным образом. Вместе с ним бежал и бывший даруга города Герата Абу Саид, некогда изменивший и перешедший на сторону Алауддаула. Помогли им бежать находившиеся в Нерату сторонники эмира Абу Саида. Они передали им напильники, «впеченные» в лепеш-

ки. Заключенные перепилили свои наручники и, убив стражников, вырвались из тюрьмы. Разбили двери казны и овладели хранившимися там сокровищами. Пустив их в дело, Ерали и Абу Саид наняли войско и пошли на Герат. Одержав победу в нескольких стычках, мятежники взяли в кольцо Герат, но не надолго. Из Мешхеда поспешил на выручку со своим войском Улугбек. Как только стало известно о его приближении, мятежники отступили к крепости Нерату.

Между тем Абдуллатиф, которого теперь преследовали неудачи в его борьбе с Абулкасымом, покинув Мешхед, прибыл в Герат, к своему отцу.

Улугбек же, поручив ему Герат, сам отбыл в Самарканд. Ему предстояло доставить в Самарканд гроб отца, Улугбек считал своим священным долгом предать отца земле в Самарканде, для возвеличения которого отец сделал бесконечно много. Да и случай для этого представлялся чрезвычайно благоприятный. Гроб, во избежание разных превратностей судьбы, будет охраняться в пути огромным войском, во главе которого отправится обратно сам Улугбек. И эта предосторожность оказалась вовсе не лишней.

Абулкасым Бабур, занявший в это время уже и Серахс, повел себя довольно дерзко, осуществляя тактику внезапных нападений на арьергардные части войска Улугбека, а порой и на авангардные, благо степные просторы представляли исключительно благоприятные возможности для этого. А однажды случилось и вовсе совершенно неожиданное.

В полночь эмир Абулкасым Хиндука, возглавив небольшое войско, напал на ставку Улугбека, расположившуюся прямо у края дороги. Убив кое-кого, захватил большую добычу. Пока войско Улугбека разворачивалось, нападавшие исчезли так же внезапно, как и появились. На рассвете Улугбек, возглавив конные части своего войска, направил к берегу Амударьи. Эмир Хиндука преследовал его издали, но приблизиться не смел. Через несколько дней его людям удалось разграбить несколько арб из угрука.

По приказу Улугбека построили мост через Джейхун. Часть войск, успевшая переправиться на другой берег реки, тут же подверглась нападению отрядов кочевников-узбеков, которые нанесли ей некоторый урон. К счастью или к несчастью, основной состав войска находился еще на левом берегу реки. Как знать, успеет ли переправиться—кочевники не посмели бы приблизиться. После они, рассеявшись по необозримым просторам степей, стали

подвергать грабежам кишлаки вокруг Ташкента, Шахрухии, Самарканда и Бухары. Руководил ими из своей ставки, молниеносно перемещавшейся в случае необходимости с места на место, их вождь Абулхайрхан, талантливый полководец, пользовавшийся у кочевых племен непрерываемым авторитетом.

Для Улугбека эти дни были тяжелыми и мучительными. Он очутился меж двух огней: с одной стороны эмир Хиндука, подобно охотнику в засаде, мог оказаться в любом месте по пути их следования. А с другой стороны — кочевники. Степь для них, что родной дом. Могли из ее чрева возникнуть целой ордой в любой миг и напасть. Чего бы там ни было, оставаться тут далее было очень опасно.

Однажды ночью Улугбек послал на правый берег реки разведчиков. В полночь они с величайшей предосторожностью пробрались через мост, тщательно обследовали степь, проникнув даже далеко вглубь ее. Бродя по окрестным кишлакам, порасспрашивали, но нигде не было даже признаков кочевников. После этого Улугбек с войском, казной и гробом Шахруха перебрались через мост и благополучно прибыли в Каракуль. И тут Улугбек узнал, что кочевники уже давно покинули также и окрестности Самарканда...

Начало уже темнеть, когда въехали в столицу. Знать, которая при возвращении Улугбека из похода обычно выезжала встречать его далеко за город, в этот раз приветствовала его у ворот, хоть и почтительно, но вместе с тем и сдержанно в выражении тонких знаков внимания, суть которых была ясна Улугбеку. Он возвратился из похода отнюдь не победителем. Как знать, если бы не гроб Шахруха, доставленный им, то, возможно, встретили бы еще холоднее. Утешением для него были только добрые и чуткие глаза шейхульислама Исамиддина, Али Кушчи и других близких, находившихся в числе встречавших. Был ли искренен сын Абдулазиз, обнявший отца, понять было трудно...

Люд, видимо, уже наслышанный о том, что в их город везут для захоронения гроб с телом Шахруха, высыпал на улицу. Огромные толпы, погруженные в торжественное и печальное безмолвие, следовали за гробом до самого дворца Улугбека.

На следующий день после полуденной молитвы при великом стечении народа падишаха Шахруха похоронили под одним из величественных куполов Гур-Эмира.

Тяжко и тоскливо было на душе у Улугбека. Лишился

отца. При всем величии дел, совершаемых им, и он чувствовал себя в эти мгновения обычным смертным. Чувствовал себя осиротевшим. Горечь невозвратимой утраты терзала его. Безмолвно, как должное, принимал соболезнования. К вечеру явился его бывший ученик, а теперь соратник Али Кушчи со своим внуком Миримом. Самый верный и надежный из друзей, почувствовав его состояние, ничего не говоря, остался в эту ночь у него вместе с внуком. Делясь о многом сокровенном, порой погружаясь в молчание, тоже сближавшее их в эти мгновения, они были вместе до утра. Али Кушчи, отвечая на вопросы Улугбека о нашествии кочевников на окрестности города, рассказал и о том, что Мираншах, выполнявший обязанности правителя города в отсутствие Улугбека, и другие эмиры повели себя трусливо, не сумев организовать отпор кочевникам в близких и далеких окрестностях города, «Когда народ постигло горе,— заключил Али Кушчи,— они, помышляя только о себе, готовы были запрятаться в мышиные норы, заплатив за каждую из них по тысяче таньга».

Улугбек, выслушав эти его слова и тяжело вздохнув, ответил:

— Что тут поделаешь, мавляна. Они норовят показать себя радетелями народа, но когда приходит беда, готовы и на подлость, и на предательство, лишь бы спасти свои шкуры. Им нет дела ни до народа, ни до падишаха. Так повелось, мавляна. Вы, наверное, читали книгу «Сирадж ал-мулук». В ней есть такое предание: Хосроу Анушервон в один из тяжких дней своей жизни спросил верховного жреца: «Что может стать причиной разложения царства?» Жрец ответил: «Это может произойти по трем причинам. Во-первых, если высокие должностные лица скрывают от царя истинное положение страны и народа, во-вторых, если земледельческий люд и весь народ проникаются вдруг пренебрежением к падишаху, и, наконец, в-третьих, это может случиться, если станет нетерпим гнет и притеснения зякетчиков-сборщиков. К несчастью, все это есть и в нашем салтанате».

Завтракали в небольшой и уютной худжре Улугбека, который, попивая чай, кажется, впервые обратил пристальное внимание на внука своего ученика. Он, как самый младший, разливал чай. Да, внук значительно вытянулся, уже пробилась усы... Юноша, устыдившись пристального взгляда падишаха, засмутился и опустил голову. Улугбек, ласково улыбнувшись, сказал:

— И Миримджан стали уже большим джигитом, мавля-

на. Иншооло, да будут долгими дни его, а жизнь столь же светлой и благородной, как у ученых, сочинения которых, как нам стало известно, читает он беспрерывно, беря их домой из библиотеки обсерватории.

Юноша, совершенно не ожидавший подобной похвалы от падишаха — великого ученого, зарделся пуще прежнего.

Али Кушчи, будто ожидая именно такого поворота беседы, сделал знак внуку, который поднялся и, взяв книгу из ниши, куда они ее поместили, видимо, в минуту прихода сюда, подал ее деду. Он же, почтительно приложив руку к груди, протянул книгу Улугбеку и произнес:

— Новый экземпляр «Зидж-и джадиди курагани», его прислал нам всеми почитаемый Абдурахман Хоразми.

— Передайте ему нашу признательность, благодарим и вас, мавляна, — Улугбек, приложив обе руки к груди, поклонился учтиво.

Ночь была проведена за беседой.

После ознакомления с настроениями различных кругов Самарканда, изменившимися как в отсутствие Улугбека, так и после его возвращения из неудачного похода на Хорасан, где власть его сына Абдуллатифа в столице Герат была очень зыбкой, и об этом уже знали все, душевный подъем, испытанный Улугбеком от сердечной поддержки Али Кушчи и других ближайших друзей, значительно померк. Тех, которые хотели бы унизить Улугбека, ослабить его власть, а при первой же возможности отстранить, — было куда больше. Поэтому Улугбек часто бывал не в настроении, а то и вовсе мрачен.

Военный поход не удался, оказались разбитыми его мечты и надежды. Понес много жертв, но завладеть Хорасаном так и не смог. Все это способствовало тому, что он в последнее время приобрел еще больше врагов, которые еще недавно прикидывались ему верными, в том числе и из среды высшей знати.

Ожидая от Улугбека нечто большего, не считались особо с его успехами. А ведь они тоже были. Он завладел Балхом, Хутталоном и относящимися к ним землями, но вот сможет ли и далее распространить на них свою власть? Сможет ли удержать в руках Мавераннахр, где его сын едва удерживается на троне Герата. Вот почему был в плохом настроении падишах. Придворные чувствовали это. Если эмиры причину неудач Улугбека видели в незнании им военного искусства, в отсутствии прилежания к государственным делам, то духовники, подобные Сайид Ашику, злонамеренно сваливали все неудачи на безбожие Улугбе-

ка. Ведь в лекциях во всех медресе он отдаст предпочтение светским наукам. Сколько земель и немалых денежных сумм он выделил в качестве вакуфа ряду медресе в Самарканде, Бухаре и Гиждуване, окружил заботой мударрисов, а вот к мечетям и к духовным лицам благоволил не очень.

Вот к таким пересудам и к клеветническим измышлениям приводило стремление Улугбека править по справедливости, соблюдая прежде всего интересы народа и государства. Во имя этого он ни к кому особенно не благоволил, даже к своему сыну Абдулазизу и к особо доверенному эмиру Мираншаху. Взявшись заново наводить порядок в государственных делах столицы, он начал именно с них. Велел передать, чтобы они немедленно явились к нему.

И Абдулазиз, и Мираншах явились к Улугбеку с некоторой тревогой, ибо в последнее время они чувствовали, что падишах недоволен ими. Улугбек принял их сразу. Разрешив им сесть, сам довольно долго молчал. Наконец, поднял голову и обратился к сыну:

— Как здоровье и настроение, мирза? Как поживает семья?

— Благодарим, ваше величество, все мы живы-здоровы, благоденствуем, день-ночь молимся за вас.

— Мы полагаем, что также благоденствуют и торговые люди, не так ли, мирза?

Абдулазиз понял иронию отца. «Да, он обо всем ведает», — подумал про себя, но тем не менее ответил:

— Мир и страна благополучны. Но как известно вашему величеству, этот торговый люд премного ненасытный. Если каждый день в их кошельки не будут попадать приличные суммы дохода, то, страдая, не сомкнут глаз ночью.

— Если с них возьмут сразу налог в двойном размере, то как же развиваться их делам? И если северные границы нашего государства, как только мы отбыли в поход, открылись для кочевников, то откуда быть миру и спокойствию среди народа? — Улугбек, столь пристально уставился на Мираншаха, что того бросило в жар. Падишах, бросив взгляд на Абдулазиза, продолжал:

— Вы, мирза, наверное, были довольны, получив и прочитав наши послания, отправленные из Хорасана?

— Благодарим, атаджан. Вы вознесли нашу радость до седьмого неба.

— А по нашему скромному разумению ликование мирзы вознеслось еще превыше... от того, что мы отсутствовали долго.

От этих слов, язвительно произнесенных падишахом, шейхзаде перепугался не на шутку. Падишах между тем спросил многозначительно:

— Скажите-ка, пожалуйста, жива-здорова ли наложница эмира Хари Малика?

У Абдулазиза чуть было ноги не подкосились от этих слов. Выходит, отец осведомлен и об этом. После получения известия о победе, одержанной в Тарнабе, в Баг-и дилкуше был дан большой пир. Вот тогда он, сильно опьянев, заставил к себе привести из гарема эмира эту рабыню...

Допрос продолжался до полуночи. Абдулазиз и Мираншах должны были серьезно подумать о своем поведении и сделать для себя выводы. Отныне падишах давал им возможность искупить свою вину.

Отпустив их, Улугбек зашел в комнату уединения и прилег. Он долго не мог заснуть. Тяжелое положение государства, продажные эмиры, хитрые и корыстные сыновья, как при таком положении справиться с обсерваторией и великим множеством других дел. Улугбек заснул очень поздно, но тем не менее поднялся как всегда рано. Подойдя к окну, выглянул наружу—валил хлопьями снег. Да, занятый заботами, и не заметил как началась настоящая зима. Впервые он подумал о себе, что надо дать отдых своей уставшей плоти. Аллах знает, какие еще беды и испытания на него обрушит грядущий год. После завтрака вызвал эшик-ага вместе с кушбеги и приказал им приготовить дорожное снаряжение. Улугбек решил провести зиму в Бухаре...

После отца Абдуллатиф правил в Герате всего-навсего пятнадцать дней. Как только войско, посланное Абулкасымом Бабуром, и возглавляемое эмиром Халилом и эмиром Бабаходжой, приблизилось к городу, он с постыдной поспешностью, не пытаясь даже обороняться, покинул столицу и направился прямо в Мавераннахр. Переправившись затем у Келифа, остановился в крепости, неподалеку от берега реки. Отсюда послал гонца к отцу. Известив его о происшедшем событии, просил разрешения прибыть в Самарканд. Улугбек, будто ожидавший подобного исхода дел в Герате, отнесся довольно благосклонно к просьбе сына. Сообщив в свою очередь, что предоставляет ему в качестве суюргала вилайет Балх, приказал, чтобы он, не теряя времени, сразу же отправился туда.

Абулкасым Бабур занял Герат. Но и ему упиваться победой не суждено было. Уже через три дня на него напал туркменский царевич Ерали, у которого оказались сто-

ронники в городе. Они на четвертый день осады открыли ему ворота Ирак. Абулкасым Бабур скрылся со своим войском за крепкими стенами крепости Ихтияридин. Приступ стоил бы немалых жертв, поэтому Ерали при всей своей воинственности предложил мир. Стороны пришли к соглашению. Абулкасым Бабур, получив вознаграждение из казны, ограбленной ими совместно, покинул Герат.

Но эмирзаде Ерали наслаждался ролью падишаха всего-навсего двадцать дней, очень скоро испив из рук Абулкасыма Бабура чашу шахидства. Подробности события историки-современники описывают так: у Абулкасыма Бабура был стремянный по имени Абу Али. Оставив падишаха, когда он стоял в Серахсе, прибыл в крепость Нерату и поступил на службу к шейхзаде Ерали, прикинувшись перебежчиком. В подходящий момент он вошел в сговор с сыщиком Абулкасыма Бабура. По уговору он должен был открыть ворота Мелик. В ту ночь, когда Абулкасым Бабур приблизился к городу со стороны этих ворот, Абу Али напоил царевича Ерали снотворным. И в самый критический момент, когда вражеское войско подступило к воротам, а Ерали не могли добудиться, среди поднявшейся паники и суматохи Абу Али пробрался к воротам и открыл их. Абулкасым Бабур ворвался через распахнутые ворота Мелик и захватил город. А Ерали, связав по рукам, привели к Абулкасыму Бабуру, который приказал заточить его в Ихтияридин. В последний день месяца зулхиджжа 852 года (23 февраля 1449 года) Ерали был казнен на площади Чорсу.

Таким образом, в 1449 году трона Шахруха удостоился Абулкасым Бабур. Город Тун он отдал Алауддаула, которым брат правил благополучно, пока не вмешался принятый на службу сыщик Эхсан-Бука. Сыщик этот, как и надо было ожидать, ловко играя на тонких струнах души обоих братьев, вечно ожидающих, подобно всем правителям, подвоха и интриг, покушения на свою власть, внес рознь между братьями. Поссорив их и, как всегда, упиваясь своим коварством, вовремя бежал. Хотя его интриги, в конце концов, были разоблачены и братья помирились, тем не менее яд сомнения и недоверия то и дело отравлял их души.

Улугбек, разумеется, следил за событиями в Хорасане. Претендующие на престол и Абулкасым Бабур, и Алауддаула, и Абдуллатиф без конца выясняли отношения между собой—то на словах, то посредством оружия. Как знать, возможно, со временем придется вмешаться и ему, что все-

ляло в его душу тревогу. Между тем, значительно ухудшилось в последнее время здоровье. Ведь сколько пришлось пережить невзгод и лишений. Нет, пока не поздно надо позаботиться и о себе, иначе неблагоприятное с его стороны будет стоить слишком дорого. Придя к такому выводу, он решил побольше проводить время на охоте и прогулках. В окрестностях Бухары были в изобилии озера, поросшие по берегам камышовыми зарослями. Вот тут и стал охотиться Улугбек, чаще вдвоем или втроем, хотя предпочитал бы охотиться один. Однажды ему захотелось поохотиться вместе с друзьями, для чего он приказал кушбеги, хозяину охоты, построить у берега озера среди камышовых зарослей газы—специальные окопы для охоты...

Утиная охота, как известно, особенно обещает охотнику удачу в рассветную пору. Улугбек и приглашенные им друзья, тоже заядлые охотники, устроились в этих газах среди камышовых зарослей. Подсадные утки с завязанными лапками были пущены на край озера. Скоро они начали гоготать вовсю. Вот высоко в поднебесье показались дикие утки. Они одна за другой стали опускаться вокруг подсадных. По одной, по несколько... И тут-то со всех сторон открыли стрельбу по ним...

Улугбек и его спутники подстрелили в тот день не меньше сотни уток. После охоты гуляли и любовались окрестностями. Вечером искусные повара приготовили из дичи разнообразные блюда. Улугбек со своими приближенными пиروвали допоздна. Обычно Улугбек велел записывать в особую тетрадь подробности охоты: где была охота и как она прошла, какой дичи понастреляли и ее общее количество, кому именно везло в состязании, записывали также особо интересные случаи и даже кое-какие любопытные детали о поведении и повадках птиц. Задача эта возлагалась на одного летописца, тоже питавшего страсть к охоте. Он был очень наблюдательный, обладал цепкой и удивительно хорошей памятью, ничто не ускользало от его внимания. Поэтому его записи были обширны, подробны и точны. Это ведение дневника охоты часто брал на себя Улугбек, что делало изложение наблюдений еще живее.

Никто точно не знал, почему Улугбек занимается и этим делом. Возможно, это было для него своего рода забавой, способом отдыха, отвлечения от государственных и научных дел, а может быть он намеревался в будущем написать книгу об охоте... В тот вечер Улугбек позвал летописца.

— А ну, таксыр, откройте-ка тетрадь, заглянем, что у нас там было на охоте.

Летописец, обычно подававший тетрадь сразу, после первой же просьбы Улугбека, сейчас почему-то стоял растерянный и молчал. Улугбек понял, что тетрадь пропала, но от этого его настроение не испортилось, тем более, что в этот раз он диктовал записи сам:

— Не тревожьтесь, я с начала и до конца помню все, что было записано в той тетради.

Улугбек приказал принести новую тетрадь. Принесли. Падишах говорил, летописец писал. Только заполнили новую тетрадь, как вдруг нашли утерянную. Друзья любопытства ради сверили обе тетради, обнаружили почти полное сходство, за исключением нескольких подробностей. Все были поражены такой памятью Улугбека...

Вот так жил Улугбек, увы, не ведая о том, что его сын Абдуллатиф, с которым он только недавно делил радость побед и горечь поражений, проводил время в откровенных и задушевных беседах, которого обнимал ласково и тепло и который, казалось, отвечал взаимностью, на деле же, будучи необузданно тщеславным, капризным и упрямым из-за мелочных недоразумений, неизбежных порой во взаимоотношениях между родными, затаил на отца чувство глубокой обиды, перешедшее в желание жестокой мести, не исключавшей самого худшего... Для этой цели теперь были хороши все средства.

В начале февраля 1449 года он, войдя в сговор с Абулкасымом Бабуром, посвятил его в свои планы борьбы и мести отцу. В письме, доставленном Абулкасыму Бабуру в Герат посланником Абдуллатифа, было написано: «Улугбек никогда не откажется от своих притязаний на Хорасан. Он неоднократно посвящал нас в свои замыслы по захвату Герата и устранению его законного правителя. Мы, как его сын, ведаем и о других его коварных замыслах, чрезвычайно опасных для вас. Мы полны решимости не допустить этого. К вашему же величеству испытываем любовь, преданность и дружбу». Теперь Абдуллатиф перешел на путь открытой борьбы со своим отцом.

Несколько месяцев назад, когда он, с необыкновенной легкостью уступив Герат Абулкасыму Бабуру, бежал в Мавераннахр, отец отдал ему в качестве сюржала Балх. Тогда он обрадовался этому до глубины души, ибо чрезвычайно был доволен тем, что отец не стал выискивать причину того, почему он сдал Нишапур и Герат, не оказав

никакого сопротивления. Уже тогда Абдуллатиф метил далеко, вербуя себе союзника в лице Абулкасыма, о чем последний догадывался. Поэтому в свою очередь не очень-то преследовал его.

После возвращения в Балх Абдуллатиф окончательно водрузил в своей душе знамя борьбы со своим отцом и уже не находил даже нужным скрывать это от кого бы то ни было. Он стал собирать вокруг себя людей, недовольных Улугбеком, привлек на свою сторону даже торговый люд, для чего издал указ об отмене в Балхе налога тамга на купцов. Он прямо и откровенно говорил уже о якобы жестоком и несправедливом отношении отца к себе:

«В сражениях за Герат, Мешхед и Бистам я не жалел своей жизни, шел прямо на смерть и отважно сражался с врагом. А отец же в своих победных рапортах, рассылаемых повсюду, имя моего младшего брата Абдулазиза ставил вперед моего. И к тому же отобрал казну, что была у меня в Ихтияриддине».

Как это часто бывает в жизни, о предательстве сына Улугбек узнал в числе последних. О вражде сына к отцу заговорили повсюду—от дворцов до хижин. И никто не решался сказать об этом Улугбеку первым—не только страшились его возможного гнева, но и жалели его. Но когда об этом заговорил народ, скрывать все это было уже невозможно. И Улугбек узнал, узнал все...

В мухаррам 853 года (в марте 1449 года) Улугбек вернулся из Бухары в Самарканд. Его единственной целью было кончить миром распрю, возникшую между ним и сыном. Думал только об этом. Советовался с эмирами. Но, увы, как выяснилось, сын Абдуллатиф, непреклонный в своей решимости бороться с отцом, настолько преуспел, что влиятельные дворцовые круги как в Балхе, так и в Самарканде разделились на два лагеря—сторонников и противников Абдуллатифа. Первыми в окружении Абдуллатифа, разумеется, были почти все, по крайней мере так казалось внешне, в окружении же Улугбека их было тоже немало, но они действовали исподтишка. К ним принадлежали Хари Малик, шах Вали-баходыр и Таваккал-барлас, которые, заставив схватиться отца и сына, сами не прочь были полюбоваться со стороны.

— Сын, поднявший руку на отца—разве будет считаться сыном? Следует отказаться от него, лучше не быть такому сыну! — как свое твердое убеждение, произнес Таваккал-барлас.

— Нет пощады такому сыну! — в тон ему воскликнул

Хари Малик. Никто не единым словом не возразил им. Значит, надо поднять оружие на родного сына, воевать с ним и вести дело к тому, чтобы его... По сути именно это требуют от него, и иного выхода даже не видят. Зашемило сердце. Улугбек по одному оглядел собравшихся. Все сидели, опустив головы. Молчание нарушил Шах Вали:

— Мой падишах, есть предел уступчивости, обласкивания и обхаживания. Мирза Абдуллатиф перешел меру в своей спеси, было бы верно отослать его в Балх или куда-то подальше, например, в Хадж...

Разве Улугбек не знает, что это такое? По сути своей, это то же самое предложение, что и первое—убить... Ведь именно для этого отсылают в Хадж особо опасных опальных лиц, откуда они не возвращаются... Ни один из присутствующих не возразил против этого. Более того, Улугбек понял, что они тут выразили царящее в дворцовых кругах и среди знати убеждение, что падишах, не наказав сына, не восстановит своей чести. Но наказать можно только разбив войско Абдуллатифа. Значит, война неизбежна. Вот чего требуют от него все. И тут уже ничего изменить невозможно, он обязан выбрать войну—другого не дано...

Улугбек, поняв это, стал готовиться к войне, но, как выяснилось, поздно, может быть даже слишком поздно. В этом он убедился, когда в начале месяца раби ул-аввал 853 года (в конце апреля 1449 года), выступив в поход против сына, подошел с войском к правому берегу реки, чтобы, переправившись, идти на Балх. Осуществить это уже было невозможно, ибо кишлаки, города и крепости на другом берегу реки, как легко убедились его лазутчики, были заняты войском Абдуллатифа, почти вдвое превосходившим его войско.

И все-таки так ли уж неизбежна была война между отцом и сыном? Чрезвычайно редок среди мусульман сын, поднимающий руку на отца, ибо сие есть по их понятию грех смертный. Но именно таким был Абдуллатиф, который вызвал гнев и осуждение у наиболее смелых и честных людей своего окружения. Они приходили к Абдуллатифу и, рискуя своей карьерой и положением, пытались советами и наставлениями свернуть его с гибельного пути, но Абдуллатиф не прислушивался к ним, отвергая всякую возможность примирения с отцом.

Между тем противостояние продолжалось, отец с войском—на правом берегу реки, войско сына—на левом. С каждой стороны, пользуясь ночной темнотой, то и дело переправлялись через реку маленькие группы, учинив

что-то похожее на стычку или разведав кое-что, возвращались назад.

Каждая сторона продолжала накапливать силы. При этом Абдуллатиф, помня о том, какую услугу он оказал в свое время Абулкасыму, когда намеренно, без боя, сдал ему Герат, теперь пытался привлечь его на свою сторону и, как казалось ему, небезуспешно. На деле же Абулкасым и тогда, принимая его услуги, не очень-то собирался подчинять себя его замыслам. Далеко не всегда порядочный в политике сам, порой проявлявший даже коварство, он в настоящем случае отказывался быть союзником Абдуллатифа в его войне против отца.

Вот поэтому, когда Абдуллатиф, послав человека к нему, пытался втянуть его в войну с Улугбеком, он не спешил следовать за ним, обнаруживая себя в данном случае человеком очень осторожным и не лишенным проницательности.

В самом окружении Улугбека отсутствовало подлинное понимание драматизма его положения. Будь иначе—эмиры, окружавшие его в походе, не стали бы использовать, например, грехопадение его сына Абдулазиза против самого Улугбека. Этот его блудный сын, оставленный в Самарканде, начал вести себя легкомысленно. Можно было бы потребовать именно его наказания. Эмиры же начали роптать против самого Улугбека. Они сперва говорили друг другу, что сын падишаха попирает их честь, достоинство и самолюбие. Далее же эти нашептывания стали постепенно переходить в козни и сговоры между собой. Недалеко было и до заговора.

Улугбек, вовремя узнавший об этом, попытался упредить опасный ход событий. Некоторым эмирам подарил земли, другим—золото, дорогие материи. Но все напрасно. Воспользовавшись ропотом эмиров, опираясь на них, поднял мятеж Султан Абу Саид-мирза, верно служивший Улугбеку до этой поры. Он вместе с войском, которым командовал, покинул свои укрепления, направился к Самарканду и окружил его. Войско Самарканда, оборонявшее город во главе с Мираншахом, пока удерживало столицу.

Потеряв Самарканд, Улугбек лишился трона. Поэтому он, оставив расположенный на берегу Джейхуна город Термез, где сосредоточилось его войско, стремительно двинулся к столице. Жгучая тревога не оставляла его и в пути. Сможет ли он усмирить Абу Саида? Или же, пока прибудет туда, Самарканд будет уже утерян? Не переправится ли Абдуллатиф с войском на правый берег? Тогда он очутится меж двух огней.

Такие думы терзали его душу. А ко всему еще, в пути, когда остановились на привал, исчезли эмиры со своими людьми.

«Войско до того было расстроено,— рассказывает историк Абдураззак Самарканди,— что большинство, побросав шатры и всякое другое имущество, бежало. Улугбек с большим трудом сохранил малую часть войска».

Султан Абу Саид, услышав о приближении Улугбека к городу, оставил осаду и подался в сторону Туркестана... Улугбек вошел в город. Как он выяснил, Абдулазизом недовольны были и эмиры, и ремесленники, и торговцы. Его своевольный сын обходил ювелирные ряды и лавки, где продавались шелковые ткани, парча и атлас. И все, что ему нравилось, забирал, отнимал. Такого в Самарканде не видывали. Насильно забирал красавиц-девушек и рабынь. Улугбек сделал свое царское внушение сыну, что это значило—знали... Повторение чего-либо подобного грозило ссылкой туда, откуда он мог не вернуться. Падишах подверг телесному наказанию Мираншаха-каучина...

Установив порядок в городе, насколько это было возможно, и набрав дополнительно воинов, Улугбек снова двинулся к берегу Джейхуна, взяв с собой и мирзу Абдулазиза.

Улугбека ожидали плохие новости. К моменту его возвращения Абдуллатиф переправился через реку и захватил город, затем, преодолев с войском перевал Пул-и сангин, легко овладел городами Хузар и Кеш. Пополнив свои продовольственные запасы, двинулся на Самарканд. Очень скоро вошел в Шираз, где сосредоточились к этому времени и основные силы Улугбека.

На просторной низменности неподалеку от крепости Димишк сошлись войска обеих сторон. Улугбек установил свою резиденцию на склоне высокого холма, почти у самой его вершины. Когда взошло солнце, противоборствующие стороны уже стояли друг против друга. Улугбек вытащил из-за пазухи платочек, развернул его, поднял и взмахнул несколько раз. И тут же рядом, вокруг и во многих других местах возвышенности затрубили, заиграли карнайчи и сурнайчи, забили всю барабаны. Поднялся такой рев, звон и гул, что, казалось, треснут небеса. Эмиры, находившиеся на левом и правом флангах, и в центре, воздев руки для молитвы, благословили воинов. И в следующий миг, выхватив сабли из ножен, устремились на врага, увлекая за собой войско.

Точно так же двинулось на кровавую битву и войско

Абдуллатифа. Началась смертная схватка, которая продолжалась непрерывно до полудня. Уже начало было одолевать войско Улугбека. Правое крыло Абдуллатифа понесло большие потери. Левое крыло едва удерживало натиск воинов Улугбека. В тот момент, когда Абдуллатиф, не слезая с коня, уже советовался со своими приближенными об отступлении, некоторые эмиры Улугбека, поддавшись уговорам эмира Пирмухаммада Тагая Буки, перешли на сторону Абдуллатифа. Предательство эмиров сказалось роковым образом.

Это произошло в начале месяца шаабан 853 года (19 сентября 1449 года). Улугбек отдал приказ к отступлению. Пока не поздно, надо было отходить к Самарканду и укрепляться. Горько и тяжело было на душе. Если бы не предатели-эмиры, он мог бы победить. Но еще не все было потеряно. «Лишь бы удалось успеть войти в город и укрепиться там. И мятеж Абдуллатифа будет сокрушен»,— сказал он тогда близким. Увы, этому не суждено было сбыться. Мираншах закрыл ворота прямо на глазах своего падишаха, подъехавшего к воротам. Улугбек покаялся, что уже тогда не покончил с этим лицемером. Что он теперь может сделать?

Абдуллатиф не гнался за отцом—на три дня остался в Ширазе. Один из эмиров, улучив удобный момент, когда мирза находился в хорошем настроении, сказал, что если будет тянуть и задерживаться, то это может повредить. На это Абдуллатиф коротко ответил: «Оставьте, пусть старец покружит вокруг, посмотрим, на что он способен». Да, насчет дальнейшего хода событий он был спокоен. Знал, что будет дальше, ибо уже давно вошел в сговор с Мираншахом.

Улугбек вместе с эмирами, оставшимися ему верными, во главе небольшого войска направился к крепости Шахрухия на берегу Джейхуна. Этот город, называвшийся некогда Банокат и находившийся на пути из Согда в Китай, во времена захватнических войн Чингиз-хана был полностью разрушен. Эмир Тимур вновь восстановил его в 1382 году и в честь своего младшего сына назвал Шахрухия. Когда приблизились к Шахрухии, Улугбек сказал:

— Задержимся в этой крепости на три-четыре дня, а там посмотрим, что нам явит время в своем зеркале.

Хоким города Шахрухия Ибрахим ибн Фулал вместе со знатными людьми города вышел навстречу Улугбеку, ему и эмирам были оказаны большие почести. Но затем он поступил подобно Мираншаху. На третий день после прибы-

тия в Шахрухию Улугбек вместе со своим сыном Абдулазизом и эмирами имел неосторожность выехать за пределы города. Вернувшись, очутились перед запертыми воротами. Унизительно было бы стучать по ним, но они испробовали и это—не открыли. Более того, некто властно и грубо ответил:

— Приказано не пускать вас. Отправляйтесь отсюда. Может быть, в другом месте вам повезет больше...

Что было делать? Может, явиться с низким поклоном к властелину степей—к его величеству Абдулхайрхану? Просить у него помощи и покровительства? Возможно, и не откажет, польстит ему такой союз. И снова разгорится пожар междоусобной войны. Нет, Улугбек не хочет такого несчастья для своего государства. Каким бы унижениям не подверг его сын Абдуллатиф, он должен явиться к нему и стерпеть их. Придя к такому заключению, грустно сказал:

— Что ж, мы уступим царство мирзе Абдуллатифу и все свое время будем уделять лекциям в медресе и наукам.

На этот раз им открыли ворота Самарканда без всяких пререканий. Слуги Абдуллатифа привели их в Баг-и майдан. У входа их встретил сам Абдуллатиф. Присутствовавшие с жгучим любопытством наблюдали за встречей отца и сына.

Абдуллатиф был победителем, он мог позволить себе великодушие, которое в этих обстоятельствах было унижительно для Улугбека. И Абдуллатиф одарил им отца... обнял его. После этого Улугбек и Абдулазиз направились в расположенный в середине сада двухэтажный дворец с мраморными стенами, окруженный со всех четырех сторон верандами. В тот день вечером было устроено угощение в честь Улугбека и его спутников.

Когда собрались приглашенные, со свойственной падишахам величию вошел Абдуллатиф. Все, в их числе Улугбек и Абдулазиз, встретили его стоя, почтительно сложив руки. Унижение продолжалось. Этого, как уже понимали все, хотел Абдуллатиф. Он прошел на самое почетное место, на тури, и сел выше отца. Угощение прошло в натянутой обстановке, веяло холодом... Когда все разошлись, Улугбек, Абдуллатиф и Абдулазиз остались одни. Все трое были скованы, никто не смел заговорить первым. Но деваться было некуда, это понимал мудрый Улугбек. Он первым нарушил воцарившееся молчание, произнес:

— Как ваше здоровье, мой мирза? Благополучна ли семья?

— Слава Аллаху, все здоровы.

Думая, что ответную любезность проявит и сын, Улугбек

несколько мгновений пристально смотрел в его глаза. Но Абдуллатиф не издал ни звука. Невыносимо уязвленный и униженный, Улугбек замолчал. Отказавшись теперь от всех надежд, он счел нужным перейти прямо к цели:

— Мы уже прожили свое. Как говорится, годы ушли. Далее, как нам кажется, мы проведем остаток жизни, занимаясь науками и просвещением. Что вы скажете на это, мирза? — Улугбек снова посмотрел на сына.

Абдуллатиф прямо взглянул на отца и произнес лицемерно:

— Повелитель, сообразно ли будет шариату, если мы займем место их величества?

Улугбек смиренно ответил:

— Мирза, вряд ли теперь возможно, чтобы состарившийся и ослабевший человек взвалил на себя тяжкий груз, называемый тронем, обязывающий заботиться о стране и народе, выносить тяжесть войн и походов. Грядет старость, и нам хотелось бы, выполняя свой мусульманский долг, совершить паломничество к нашим святыням. Ведь это есть долг и обязанность каждого мусульманина.

— Если такова воля Всевышнего и нашего почтенного отца, то мы покоряемся ей.

Вот так притворно, с едва заметной улыбкой и, конечно же, ликуя в душе, говорил Абдуллатиф. Настал день, которого он ждал годы. Наконец-то он завладел тронем эмира Тимура-курагана. Что из того, что жив отец? Сегодня жив, а завтра, возможно, отправится на вечный покой. Улугбек пристально вгляделся в глаза сына, как бы читая его мысли.

Так завершилась беседа отца и сына. Улугбек в ту ночь не сомкнул глаз до самого утра. Родной сын опозорил его перед дворцовой знатью, унизил и оскорбил открыто— все его существо терзалось. А эти эмиры, которые только вчера, становясь на колени перед ним, ждали, что он скажет, готовые исполнить любую его волю! Сегодня отвернулись от своего повелителя, всю жизнь осыпавшего их щедротами. Неужто он теперь никому не нужен? Ведь он сын этой страны! Тут родился, вырос, сорок лет правил ими. Он падишах! Сегодня же ему нет места.

Никогда Улугбек не чувствовал себя столь тоскливо и одиноко...

На следующий день снова собрались в гостиной. И Улугбек в присутствии шейхов, улемов, ученых, дворцовой и военной знати объявил свою последнюю волю— он, уступив трон Абдуллатифу, проведет остаток своей жизни в молениях, занимаясь науками. И одно за другим посыпа-

лись приветствия:

— Баракалло, да будет долгой жизнь мугусуддина Улугбека-курагана и его детей!

— Поздравляем, мой мирза! Да будет благословенен ваш трон!

— Трон и царство их величества Абдуллатифа будут вечными в том и в этом мире!

— Да будут вечными!

Аглам-домла благословил молитвами Улугбека и его сыновей. Улугбек, прощаясь, обнял Абдуллатифа и Абдулазиза.

— Пусть вечно хранит вас Всевышний под своей сенью. Да свидимся мы в хорошие дни.

— Да хранит вас Всевышний! — ответил Абдуллатиф, даже не взглянув на отца.

Да, Улугбек, действительно помышлял о паломничестве в Мекку. Но ни он, ни Абдулазиз не знали, что это их последнее свидание. Это знал только Абдуллатиф. Когда покинули Баг-и майдан, Улугбек, сев на своего коня, в сопровождении нескольких слуг направился в сторону Чупан-Ата, к обсерватории, а Абдулазиз—в Баг-и бехишт, в свою постоянную резиденцию.

Абдулазиз так и не смог доехать до намеченной цели. При приближении к Баг-и бехишт он вдруг заметил у дороги под тополем группу конных джигитов.

Шейхзаде, обернувшись, вопросительно взглянул на ехавшего позади нукера, мол, что это может значить. Нукер с чуть заметной тревогой пожал плечами. Когда поравнялись с конными, один из них, резко подстегнув коня, вырвался вперед и преградил им дорогу, затем, спрыгнув с коня, поклонился мирзе Абдулазизу:

— Их величество определили для вас другой дворец. Проедем с нами, шейхзаде.

Абдулазиз пристально оглядел нукера. На нем был чапан, надетый поверх кольчуги, сбоку свешивалась сабля. Всмотрелся и в джигитов, стоявших в сторонке. В таком же облачении были и они. Абдулазизу все стало ясно. Все они, будучи джигитами Абдуллатифа, действовали по его приказу. Джигиты Абдуллатифа, окружив со всех сторон Абдулазиза и его нукеров, отвели их в Кок-сарай и сдали стражникам, которые ввели Абдулазиза в одну из комнат на четвертом этаже и заперли там на замок.

Улугбек провел этот вечер вместе с Али Кушчи в обсерватории. Они долго сидели, беседуя по душам. В конце Улугбек сказал о своем намерении совершить хадж.

Новость эта подействовала на Али Кушчи удручающе, но он постарался скрыть свое состояние от устоза. Хотел было сказать, что именно подумалось ему по этому поводу, но Улугбек то ли от сильной усталости, то ли потому, что на все махнул рукой, закрыл глаза. Они где сидели, там и прилегли. Улугбек почти тут же заснул. Он не ведал о том, что произошло с Абдулазизом.

7-го числа месяца рамазана 853 года (25 октября 1449 года) во время завтрака в обсерваторию явился нукер Абдуллатифа и сообщил о том, что принято к сведению желание Улугбека отправиться в паломничество в Мекку и Медину. Улугбек был доволен этим, но Али Кушчи явно расстроился. Да и сам Улугбек разве не знал, чем кончаются подобного рода хаджи, и тем не менее утешил ученика:

— Не беспокойтесь, мавляна, все в воле Всевышнего. Мирза оказал нам великодушное внимание, которое мы вовек не забудем.

— Нет, ваше величество, тут что-то другое, не мешает принять меры предосторожности. Вас нельзя отпускать туда одного. Мы дадим вам наших близких и преданных людей. Если не возражаете, устоз, то вас буду сопровождать и я.

— Благодарю, мавляна. Вы больше нужны здесь. Уедете и вы, то кто тут будет руководить обсерваторией? Мирза Абдуллатиф дает нам в спутники своего верного слугу ходжу Мухаммада Хусрава. И у нас есть несколько верных людей, они отправятся в хадж вместе со мной.

— Все, что ни происходит, есть исполнение воли Аллаха. Что суждено, то свершится.

Слова эти значили, что разговор окончен.

В те часы, когда Улугбек готовился в дальнюю дорогу, Абдуллатиф принялся за осуществление своего заговора. Призвав к себе людей, недовольных Улугбеком и питавших к нему вражду, внушил им:

— Если он когда-либо кого-либо убил вопреки закону, тот может явиться к великому хану Муглуку, который наделен наследованным им правом выносить справедливый приговор, и потребовать крови-отмщения.

И, как повествует Абдураззак Самарканди, среди тех, кто явился к хану с жалобами, был джигит по имени Аббас. Он был сыном предводителя племени султус, который в свое время за учиненное над соплеменниками беззаконие был приговорен Улугбеком к смерти. Хан, выслушав Аббаса, вынес приговор: «Как положено по шариату, так и поступайте».

Абдуллатиф, собрав улемов города, провел с ними совещание относительно приговора, вынесенного Улугбеку. Собрались аглам, кази-калан и имамы городских мечетей. На почетном месте сидел один из мюридов Низамуддина Хамуши, на пороге же опустился на корточки Аббас. Все некоторое время сидели молча. Тишину нарушил аглам-домла.

— Да будет ясно вам, уважаемые, что отец сидящего напротив вас смиренного мусульманина лет десять-пятнадцать назад был убит по приказу Улугбека. Теперь этот джигит пришел просить об отмщении за своего отца, память о коем священна для него. Что думают уважаемые по сему поводу?

Мюрид Низамуддина Хамуши, большинство имамов, поддерживая претензию Аббаса на казнь Улугбека, приводили свои доводы. Против них выступил только кази-калан Шамсиддин Мухаммад Мискин.

— Кровная месть есть обычай, оставшийся от варварства. Всем нам ясно, что сказано на этот счет в священном Коране. Если убивают человека или проливают кровь несправедливо, только в этом случае можно требовать наказания. Ведь уважаемые читали, наверное, знаменитые «Ал-хидоя» Бурхануддина Маргинани и «Мухтасар-и викоя» и книгу «Ал-факх ал-акбар» Абу Ханифи. Надо поступать по совести и справедливости. Если падишах кого-то приговорил к смерти, то он поступил так ради благополучия народа и страны, чтобы воцарить мир. Вот по сей причине по шариату он не может быть привлечен к ответу.

Имамы и мюрид крепко стояли на своем. Разгорелся спор. Кто-то кинул пиалу с чаем в кази-калана. Аглам-домла, который по должности и титулу был выше всех, закричал во весь голос:

— Эй! Не забывайте, где вы сидите, ведь тут не Чорсу-базар!

Шум и гомон прекратились. Аглам оглядел всех по одному. Увидев в глазах большинства признаки покорности и подчинения, вытащил из складок своей чалмы сложенную вчетверо бумагу и, развернув ее, первым наложил печать, затем протянул имаму мечети, сидевшему справа от него. Имам, только на миг задержавшись взглядом на бумаге, тут же приложил свою печать. Другие даже читать не стали, с явным удовольствием поставили свои печати. Отказался только кази-калан Шамсиддин Мухаммад Мискин. Он не взял даже в руки это письмо...

Вот так был вынесен смертный приговор Улугбеку. Аглам протянул документ Аббасу, который все еще сидел у порога на корточках.

— Вот, возьми это, сын, да простит нас Аллах, рабов своих грешных!

Аббас вскочил с места, подошел и взял из рук аглама решение, согнувшись пополам, поклонился, затем, сложив бумагу вчетверо, сунул ее за пазуху и, приложив руки к груди, отступая спиной, вышел...

Шамсиддин Мухаммад Мискин, охваченный неутешным горем, кое-как добрался домой, вошел в гостиную и упал на курпачу. Отказался и от еды. Ночь напролет не смыкал глаз, к утру же почувствовал, что сильно занемог. В тяжелом состоянии он пролежал неделю. И в эти дни перед его глазами прошли жизнь многих святых и подвижников правды. Какие кристально чистые люди из-за своей честности подвергались мукам, изгнанию, пали жертвами. Разве не из-за своих убеждений пожертвовали свои жизни Абу Ханифа, ибн Ханбал, Наджимиддин Кубра?! Ибн Ханбал, из-за того, что выступил против мутазалитов, был несколько раз заключен в тюрьму и наказан со стороны халифа Мамуна и ал-Мутасима. А Абу Ханифа из-за того, что не хотел принять должность кази-калана, халиф Мансур бросил в темницу, где он и скончался от побоев. А один ученый, написавший комментарии к «Мухтасар-и викоя», но отказавшийся написать легенду, требуемую правителем, был связан по рукам, ногам и перепилен... Не прошло и двух недель, как мавляна Шамсиддин Мухаммад Мискин оставил этот мир. Говорили, что не своей смертью, что отравлен...

После полуденной молитвы Улугбек вместе со своим приближенным нукером, слугами и ходжой Мухаммад Хусравом выехал из Самарканда. Они уже оставили за собой Баг-и шамал, как позади них послышался конский топот. Конные, проскочив вперед, остановили Улугбека и его спутников... Это были джигиты Абдуллатифа. Что произошло далее, видел своими глазами ходжа Мухаммад Хусрав. Он подробно поведал об этом историку Мирхонду, ученый же записал в свою книгу «Равзат ус-сафо»:

«Начало уже темнеть, когда мы, предводительствуемые Мирзо Улугбеком, выехали из Самарканда. Сей господин были вне себя от радости и счастливы. Что посещало их высокую душу, то они и говорили искренне. Когда мы проехали некоторое расстояние, неожиданно нас нагнал один конный. Этот человек потянул меня за руку в сторону. Я пристально взглянул на него, узнал—один из джигитов

мирзы Абдуллатифа из племени сулус. Я спросил у него: «В чем дело?» Он тихо шепнул мне на ухо: «Отведите мирзу в какое-нибудь благоустроенное место и ждите там. Мирзо Улугбек — падишах, поэтому посещение Мекки их величеством надо обставить столь торжественно и пышно, чтобы народ там диву дался. А подготовка к этому еще не проведена в должной степени». Пораженный этим неожиданным известием, я уставился в его лицо. Он, кажется, почувствовав мои подозрения, сказал громко: «Таков приказ их величества».

«Мы склоняем голову перед приказом», — сказал я ему.

Когда этот конный джигит уехал обратно, Улугбек спросил: «В чем дело?» Я рассказал ему. Мы отъехали и остановились неподалеку в одном небольшом уединенном дворе. Было холодно. Его величество велели зажечь огонь в очаге. Нукеры принялись за дело. Разожгли, пламя запылало. Внезапно одна отскачившая искорка попала на подол мехового тулупа Улугбека. Они, потушив ударом рукава задымившееся место, вдруг обратились к пламени очага: «Еще какие искры высечешь ты сейчас?!» После этого их настроение совершенно испортилось, они то и дело тяжело вздыхали и, видимо, испытывали душевные муки. Через некоторое время они прямо спросили о своем сыне Абдулазизе вот такими словами:

— Цел ли, благополучен ли мирза Абдулазиз? Уж не настигли ли его?

Я пытался утешить их величество... Вдруг открылась дверь и вошел с каким-то своим дружкой человек по имени Аббас. Как только взгляд их величества пал на него, они побледнели, вскочили с места и, бросившись на него, ударили его в грудь. Аббас попятился назад, дружок подошел сзади и вцепился в Улугбека. Снял с него тулуп, закрутив ему руки. Аббас завязал руки Улугбека, выволок его наружу и дотащил до дерева, на ветвь которого был повешен факел. Заставил их величество опуститься на колени и, выхватив из ножен свою беспощадную саблю, лишил головы этого справедливого и ученого падишаха. Мы же лежали, спрятавшись у самого дома, потом поднялись и вернулись в Самарканд...»

Недалеко от места казни, у самого берега арыка Оби судж, осталась валявшаяся в пыли книга, которая выпала из-за пазухи убитого Улугбека в тот момент, когда ему отсекли голову...

ЗА ЗЛОДЕЯНИЕ НЕМИНУЕМО ВОЗДАЯНИЕ

Испокон веков преступники, приговоренные к казни, если приговор окончательный и обжалованию не подлежит, вызывают острый интерес к себе, граничащий с пронзительной жалостью к ним, подчас вопреки разуму. Через считанные дни или часы его ждет смерть, неопостижимая разумом. Будучи по ту сторону мира, где найдем вечный покой и мы, он для нас как бы уже не преступник, а такой же, как мы, но только более несчастный. Мы предаемся размышлениям о его судьбе и о собственной. Ведь пути Господни воистину неисповедимы.

Человека, подчас именно потому, что он честный и совестливый, можно довести, оскорбив и унизив, можно заставить разгневаться так, что он, потеряв голову, кончает с собой или кидается на своего обидчика. И это может случиться с каждым.

Но никто и никогда не прощает одного — отцеубийства. Таких проклинали все. Даже века не способны смыть такого позора. У истории крепкая память, она ничего не забывает.

Отцеубийцы были и до Абдуллатифа. Проклятыми прижизненно и навеки история сохранила на своих страницах их имена. Четырнадцать веков назад один из династии Сусанидов, царевич Шируя, одержимый желанием захватить трон, убил своего отца Кубала Первого. Царствование его длилось не более полугода. Аббасид Мунтасир в 861 году поднял руку на своего отца Мутаваккиля и занял трон. Через полгода не стало и его. И он вошел в историю с позорным именем отцеубийцы. На такое же проклятие обрек себя и Абдуллатиф.

9-й день месяца рамазан 859 года (26 октября 1449 года). Самарканд как обычно проснулся рано, многолюдны улицы, базары и торговые ряды вокруг Регистана. Но сегодня оживление несколько иное... Непрерывно скачут в разные стороны конные, на перекрестках и базарах, в чайханах и кофейнях, присматриваясь ко всем и ко всему, похаживают миршабы-стражники, напасть ли какая, не война ли снова? Или что-то стряслось во дворце? Никто ничего не мог сказать.

Об убийстве, которое произошло в Баг-и шамале, на берегу арыка Судж, никто не ведал. Да и как мог ведать простой народ, если все произошло вдали от людских глаз, тихо и незаметно: «Снег выпал — следы исчезли». Тело падишаха, ставшего шахидом, в ту же ночь тайно

было привезено в город и зарыто во дворе его медресе, могилу заровняли. А тех, кто это исполнил, пронзило острие сабли...

Когда гонец прошел через калитку Баг-и майдана, было уже за полночь, но Абдуллатиф еще не спал. Он сидел у окна, обращенного в сторону сада, уставившись куда-то во мрак ночи. Мрак царил и в его душе. Совладал ли с делом Аббас или же Улугбек вместе со слугами сами прикончили его? Как повел себя ходжа Мухаммад Хусрав? А вдруг он предал и открыл тайну Улугбеку? И вот сейчас ворвется сюда народ, разгневанный кощунством... Стало жутко. И хотя калитка отворилась тихо, он невольно вздрогнул. Вошел свой человек и сообщил, что прибыл гонец.

— Пусть войдет!

Абдуллатиф сразу же узнал одного из своих приближенных джигитов. Он вместе с Аббасом отправился за Улугбеком. Джигит опустился на колени и скорбно склонил голову. Абдуллатиф на какой-то миг испытал страх и ужас. То, что он давно желал, свершилось.

Абдуллатиф решительно поднялся с места, медленно ступая, подошел и остановился перед ним:

— Говори, какую весть принес?

— Повелитель мира, чтимейший нами Улугбек-кураган, оставил этот бранный мир... Примите наше соболезнование, ваше величество.

Гонец прослезился. Как бы то ни было, его повелитель лишился отца, горе постигло его. Ведь человек он, сын, может, кается в содеянном. Но на лице Абдуллатифа не заметно было каких-либо признаков страдания, да и глаза у него были сухие. Он только молитвенно провел по щекам ладонями и, будто даже удовлетворенный происшедшим, произнес: «Аллаху акбар, да помилует его Бог». Затем спросил:

— А где остался этот подлец? — Он имел в виду Аббаса.

— Он, свалившись по пути с коня, тут же испустил дух, ваше величество.

Абдуллатиф облегченно вздохнул, знаком подозвал удайчи и повелительно произнес:

— Златотканый чапан и тысячу динаров. Этому отважному джигиту мы дарим еще чин десятника.

Через миг Абдуллатиф вручил джигиту кошелек и ярлык десятника. Воин, прижав к сердцу кошелек с тысячью динарами, уверовавший в то, что опасения его были

напрасны и гроза миновала, низко поклонился царевичу и, пятясь, вышел. Слуге, стоявшему у порога, Абдулатиф сделал знак «проводи его!» И новоиспеченный десятник, не успев достичь калитки, отдал Богу душу...

Трон эмира Тимура и вся власть в государстве отныне в его руках. Верно, есть еще претенденты на трон: Абдулазиз, Султан Абу Саид, мирза Абдулла, Абулкасым Бабур, Султан Мухаммад... Что ж, пусть тешат себя надеждой. Отныне не опасны они ему. Абдулазиз и Абдулла заточены в тюрьму в Кок-сараяе, Султана Абу Саида схватил даруга Бухары и кинул в зиндан. А Алауддаула, Абулкасым Бабур и Султан Мухаммад — в Хорасане. Им нет дела до Абдулатифа. Дерутся меж собой за трон Шахруха. Он, Абдулатиф, единственный властелин Мавераннахра, а Хорасан и Ирак никуда не уйдут от него. Все в воле Аллаха, но счастье и удача сопутствуют тому, кто, опережая врага, сам первый наносит разящий удар, не щадя ни отца, ни брата. Вот такими мыслями предавался Абдулатиф, а на душе все равно по-прежнему было жутковато.

На следующий день он никого не принимал. К нему не допустили даже главного сыщика. После полуночного намаза Абдулатиф пришел в Кок-сарай. Поднялся прямо на четвертый этаж и остановился перед камеркой с массивной дверью, куда был заточен Абдулазиз. Стражник снял с пояса ключ, отомкнув огромный замок, распахнул дверь, пропустив вперед Абдулатифа. Он же вошел и тут же задвинул изнутри щеколду.

Мирза Абдулазиз читал в это время книгу. Услышав шорох, поднял голову. Братья какое-то мгновение молча смотрели друг на друга. Видимо, каждый из них, оценивая про себя ситуацию, думал, как ему следует теперь держаться. Ведь вопиюще неравно было положение братьев отныне, один — падишах, другой — его пленник. Абдулатиф был волен выбрать любой тон, более того, вдоволь произдевавшись, сделать только знак... И вынесут отсюда труп брата. И ведать никто не будет, куда он стигнул...

Абдулатиф заговорил так, будто между ними ничего не произошло. И пытался держаться с братом как с ровней. Но это не удавалось, он то и дело отводил глаза. И вдруг Абдулазиз, как-то неожиданно даже для себя, заискивающе обратился к нему:

— Брат, выпусти меня, я буду рабом твоим всю жизнь...

Абдуллатиф на какой-то миг смутился, затем, овладев собой, ответил искренно, будто желая рассеять какие-то тайные опасения брата:

— Тебе тут пока безопаснее...

— А отцу? — внезапно прервал Абдулазиз.

— Они благоденствуют в своей обсерватории, — отвечал Абдуллатиф. — Думаю, даже счастливы, все рыщут глазами по небу, отыскивая свою судьбу. А судьбу, брат, надо искать на земле, — неожиданно и загадочно закончил он.

Братья расстались холодно. В самый последний миг Абдулазиз, изменившись в лице, как-то умоляюще протянул было руку к брату, потом с видом почти надменным отвернулся и шагнул к двери, ничего не ответив, вышел.

Прошло немного времени после ухода Абдуллатифа, как дверь снова открылась. Абдулазиз еще не успел прийти в себя. Перед ним стояли два ясавула и палач. Охваченный ужасом, Абдулазиз вскочил с места и бросился на них. Но силы были неравны. К тому же он был безоружен. Тем не менее он сопротивлялся отчаянно. В конце концов стражники повалили его, скрутив руки, завязали и затем накинули на него мешок и выволокли наружу... В ту ночь отрубили голову и Абдулазизу.

Так Абдуллатиф избавился еще от одного противника. Теперь остался мирза Абдулла. Улугбек больше жизни любил этого своего умного и проницательного племянника, который обучался у знаменитого историка Шарафуддина Али Язди, читал и изучал книги Балазури, Табари, Динавари, Гардизи, Васоф, Джувейни, Хамдуллаха Казвини. Был хорошо осведомлен в астрономии, математике и поэтике. С малолетства любил его и Шахрух, назначивший своего внука хокимом в вилайете Фарс. Но до совершеннолетия Абдуллы государственными делами должна была заниматься его мать Рукия-бегим, а наставничество над ним было поручено эмиру Шамсуддину Шерази. В 1447 году, после того как вилайет Фарс захватил Султан Мухаммад, мирза Абдулла вынужден был бежать в Герат и некоторое время служил Алауддаула. В 1448 году Улугбек пошел с войском на Хорасан, мирза Абдулла вновь перешел на его сторону. Улугбек вскоре сделал его своим зятем. Сей наследник теперь тоже в руках Абдуллатифа, сидит пленником в Кок-сарае. Не видать ему трона Самарканда. Но Абдуллатиф не убьет его, заставит заживо сгнить в зиндане.

Ведь его смерть ко всему настроит против него Алауддула и Султана-Мухаммада.

А Абу Саид? И он сейчас в его руках. Этот внук мирзы Мираншаха на девять лет старше Абдуллы. Ему пошел сейчас двадцать шестой. Но уже опытный, зрелый. Искушен в военных и политических делах не менее Абдуллатифа. Не уступит ему также в упрямстве, спеси, желании преуспеть. Не занимать ему и коварства. По этой причине Улугбек недолюбливал его, но, ценя его военный дар, считался с ним, случалось, даже советовался. Абдуллатиф решил и его не трогать. Пусть сидит век в зиндане, пусть сгниет там. Оставляя его в живых, Абдуллатиф поступал дальновидно, ибо у Султана Абу Саида были сильные сторонники и в Бухаре, и в Самарканде. Абдуллатиф не мог не считаться с этим...

В ночь после посещения Кок-сарая он не спал. Мучимый кошмарами, едва дождался рассвета. Когда вышел для свершения омовения, тут же подкатился к нему главный сыщик и низко поклонился.

Абдуллатиф прошел мимо, даже не взглянув на него. «Может быть, этот дьявол затеял теперь какое-нибудь гибельное дело против меня», — мелькнуло у него в голове. Раздумывая же за омовением, утешил себя: «Наверное, явился, чтобы предупредить нас о какой-нибудь грозящей нам опасности, ведь мы не напрасно сделали его ушами и глазами салтаната!» Возвращаясь из комнаты омовения, в ответ на его поклон, кивнул головой. После завтрака позвал его в хонайихос — в специальную потайную комнату.

Сыщик, перешагнув через порог, снова согнулся в поклоне. Замер Абдуллатиф, сидевший на одеялах на почтительном расстоянии от него в глубине комнаты, спросил небрежно:

— Что за новость ты принес нам?

— Некоторые эмиры, ваше величество, стали на путь противодействия вам.

— Кто же они?

— Идику-барлас, Рустам-барлас, Сиддик-барлас, Султаншах-барлас и еще кое-кто из тарханов...

— Продолжай.

— Они вчера собирались у гробницы Кусам ибн Аббаса. А собрал всех Бобо Хусейн Туркестани, один из преданных эмиров покойного шахид-падишаха...

Абдуллатиф вспомнил Бобо Хусейн Туркестани. «Интересно, ведь он с готовностью и по-настоящему

преданно служит нам! Да, теперь ясно. Этот подлый, выходит, с коварными намерениями втесался в доверие».

На третий день после убийства Улугбека Абдуллатиф устроил большой пир в Баг-и чинаре. Дастарханы были уставлены золотыми подносами, полными разнообразных яств, и тончайшей работы драгоценными чашами, в которых переливались будто под лучами солнца вина разных сортов, приготовленные для падишаха. Пери-подобные красавицы услаждали гостей музыкой и пением...

Но все это не могло развеять тоску Абдуллатифа. Он сидел мрачный, пил больше обычного и в конце концов опьянел. Когда пиршество подходило к концу, он позвал великого визиря Камалиддина Абдулвосу и что-то прошептал ему на ухо. Визирь-агзам незаметно поднялся, вышел наружу, через некоторое время вернулся и едва заметно кивнул головой, точно говоря: «Все сделано, как приказано вами...»

Гости разошлись, но Идику-барлас, Рустам-барлас, Сиддик-барлас, Султаншах-барлас и несколько тарханов, всю жизнь верно служившие саблями падишахам, отцу и сыну, были оставлены Абдуллатифом.

Баба Хусейн, уклонившись от участия в этом пиршестве, с какой-то решительностью и твердостью настаивал на том, чтобы и они, эмиры, не являлись сюда. Увы, они не вняли этому совету и каждый из них сейчас каялся, понадеявшись на свою верную службу Абдуллатифу, коварству и подлости которого не было предела.

Абдуллатиф, опираясь о правую руку, поднялся, закачался слегка, затем все-таки овладел собой. И вдруг ни с того, ни с сего брызнул на эмиров потоком ядовитых слов. Пальцами правой руки ткнул каждого в грудь, затем упрекнул с нескрываемой злобой:

— Хорошо знаю вас. На лицах ваших улыбка, а за спиной вы держите кинжалы! Не верю я вам, вы предали моего отца, предадите и меня...

Рустам-барлас произнес степенно:

— Ваше величество, мы много лет верно служим вам своими саблями, в чем наша вина? — он хотел сказать еще что-то, но Абдуллатиф резко прервал его:

— Хватит, подлец! А не то вырву твой язык!

Султаншах-барлас, разгневавшись, даже покраснел:

— Ваши оскорбления неуместны, мой мирза, не унижайте нас понапрасну, мы не заслужили это.

Абдуллатиф и ему заткнул рот руганью. И тут Рустам-

барлас, у которого иссякло терпение, сказал напрямую:

— Мы не в силах стерпеть такие унижения. Если мы вам не нужны, отпустите нас, мирза.

Абдуллатиф разошелся еще больше. Подскочил и дал пощечину Рустам-барласу, остальных же оскорбил словами, обвинив их в самых низких и подлых намерениях, которые им даже не снились. Поднять руку на падишаха считается великим грехом, поэтому эмиры, стиснув зубы, один за другим вышли. Снаружи их уже поджидали. Не напрасно визирь-агзам Камалиддин удалился по знаку Абдуллатифа... Эмиры попали в руки ясавулов, стоящих наготове с оголенными саблями. Они один за другим порубили безоружных эмиров...

В тот самый день, когда в Баг-и чинаре был задан великий пир, эмиры, оставшиеся верными Улугбеку, а также мударрисы и студенты медресе Улугбека, ремесленники и ученые, сохранившие любовь к погибшему падишаху, тайно собрались в одном из укромных уголков медресе. Читались заупокойные молитвы в честь падишаха, перед которым уже при его жизни преклонялся народ, сложивший о нем легенды. Уж много лет в иные месяцы почти каждодневно спешил он в медресе к своим учащимся, а ночи напролет, об этом тоже знал народ, проводил в обсерватории, которая сперва поражала воображение, а затем будила души и умы. Благодаря своему ученому-падишаху, даже столичный люд Самарканда получал представление о науке астрономии. Может быть именно благодаря тому, что народ уж давно проникся любовью к своему падишаху, которого больше интересовали науки, чем трон, во многих махаллях Самарканда удалось провести тайные панихиды по усопшему падишаху. Организовать это богоугодное дело взялись Али Кушчи, шейхульислам и мавляна Бурханиддин. Как принято в таких случаях, народ зазывался на плов, за дастарханом читались заупокойные молитвы. Теперь это больше было предлогом для того, чтобы, не называя имени Улугбека вслух, подразумевать мысленно его и только его. И такое тайное единодушие спланивало народ и поднимало его дух, порождало веру в какое-то свое светлое и великое будущее. Если могут быть на свете такие падишахи, значит, возможно и счастье для народа.

Абдуллатиф, конечно, знавший о том, какая слава способствовала укреплению трона отца, стремился представить себя человеком ученым и гуманным. В иные дни, свободные от поездок в Туркестан и Фергану, он собирал

улемов города и затевал с ними дискуссии по какому-нибудь научному вопросу. А в дни пятничных намазов он принялся даже читать положенную молитву-хутбу в соборной мечети сам. Такой -обычай, как известно было всем, введен еще во времена правоверных халифов. Этим самым Абдуллатиф как бы приравнивал себя к первым святым халифам Абубакру Сиддику, Умару Хаттабу, Усману Афгону и Али Муртазу.

Абдуллатиф широко открыл двери дворца шейхам и улемам. Этим он хотел дать понять всем: «Я не в пример отцу способствую расцвету Ислама».

Так прошло полгода. Абдуллатиф, как свидетельствуют историки, вел государственные дела с чрезвычайной жестокостью. Никто, будь то визирь или эмир, не мог возразить ему. Никто не смел высказать свое мнение о государственных делах, после того, как он казнил нескольких, несогласных с его мнением.

Один из доверенных слуг Абдуллатифа рассказывал историку Абдураззаку Самарканди, который после его смерти написал так: «Вся военная знать и высокие должностные лица Самарканда страдали от его грубых слов и действий, подвергались притеснениям и гонениям. Ни стар, ни млад не видели с его стороны ни уважения, ни милости... Народ не знал кому жаловаться... Я был его доверенным слугой. Ведал о смертном приговоре, вынесенном ему на тайном собрании, но, боясь гнева и ярости Абдуллатифа, ничего не сказал ему про это».

И переполнилась чаша терпения у всех. Рассказывают про одного старца-поэта, который в день чтения хутбы — молитвы Абдуллатифу, написал в его честь оду, потом сам же, навешая книготорговцев, открыто калялся в своем деянии.

«Не про него чапан салтаната, да удостоится он савана бязевого в шесть аршин», — сказал Баба Хусейн Туркестани, скрывавшийся от сыщиков Абдуллатифа.

Словом, эмиры Улугбека и Абдулазиза, кое-как уберегшиеся от казней Абдуллатифа, стали собираться вокруг старого эмира Баба Хусейна Туркестани. К заговорщикам присоединились и другие эмиры.

Мятежники 25-го дня месяца раби ул-аввал 854 года (8 мая 1450 года) собрались к началу сумерек у низовья небольшой речушки, в саду, примыкавшем к обсерватории. Тут они окончательно договорились о том, как избавить государство от Абдуллатифа.

Разговор начал Баба Хусейн:

— Уважаемое собрание! Мирза Абдуллатиф убил породившего его отца, отрезал голову родному брату, нещадно казнит всех тех, кто, не жалея своих жизней, сражался саблями ради царствования тимуридов. Повсюду на нашей земле он усилил тиранию и отчаяние. Мы, рискуя своими жизнями, собрались здесь для того, чтобы договориться об исполнении своего замысла. Приспело время вырвать из нашей среды этого тирана, оторвать его палаческие руки от подола страдающих. Что же нам должно предпринять для этого? Если уважаемые не возражают, мы выслушаем мавляну Бурханиддина.

Шейхульислам сказал степенно:

— Мирза Абдуллатиф любимейший внук Шахрух-мирзы и махди улё Гавхаршад-бегим. Они ничего не жалели для воспитания и обучения мирзы. И по этой причине царевич вырос сведущим в науках. Он знает отменно и богословие. Но, к нашему великому сожалению, зависть, низость и спесь затуманили зеркало веры Абдуллатифа. Сии дурные качества есть также плод усилий высокоуважаемой бегим. Пороки, которые, увы, погубили его, стали опасны для государства и народа. Господь простит нас...

Смысл последних его слов был предельно ясен. Все его поддержали. Баба Хусейн Туркестани в конце сказал:

— Мы от имени живых и мертвых приговариваем отцеубийцу Абдуллатифа к смерти, амины!

Все вслед за Баба Хусейном молитвенно воздели руки:

— Аллаху акбар!..

Ночь с 25 на 26-го месяца раби ул-аввал мирза Абдуллатиф провел в Баг-и майдане. На пиршество, состоявшееся в этот день, никто из эмиров и высшей должностной знати не был приглашен. Абдуллатиф пожелал эту ночь провести в кругу гаремных красавиц.

Ходжа-саро, еще днем получивший указания о пиршестве, явился в гарем:

— Настроение их величества и сегодня неважное, даже, пожалуй, чуть хуже прежнего. Ваш долг и обязанность делать все для того, чтобы возвышенная душа нашего господина предавалась радости и удовольствиям. Вы обязаны предугадывать все их желания и тут же исполнять их.

Долго и изучающе рассматривая красавиц, обошел всех, затем повелительно произнес:

— На сегодняшний пир падишаха пойдут Рабия,

Зульфия, Махбуба и Матлуба. Услуживать за дастарханом и разливать вино также будете вы.

Пир начался после полуночного намаза, в михманхоне—гостиной роскошного дворца Миянсарай. В этом здании Улугбек читал книги, занимался наукой. Шитый золотом дастархан был постлан на низеньком обширном столе, отточенные фигурные ножки которого были наподобие львиных. Стол этот смастерили недавно по приказу Абдуллатифа. Чего только не было на дастархане: кроме отменно сохранившихся фруктов, винограда, яблок, гранат и груш, еще плоды фисташки, бадам, меда и много еще кое-чего. Разнообразные блюда, приготовленные с отменным вкусом. В золотых кувшинах — специально приготовленные для царя искусными виноделами мусаллас и гуляб, рядом расставлены изумрудные бокалы. Как принято в таких случаях, тихо и незаметно вошедший бакаулбаши одно за другим попробовал блюда, выпил по глотку вина из каждого золотого кувшина, затем также тихо и незаметно вышел.

По обычаю выпили по одной-две пиалушки чая. Затем Рабия, наполнив хрустальные бокалы, подала сперва шейхзаде, потом по одному подругам. Пир начался... Через некоторое время по знаку мирзы Абдуллатифа девушки взяли музыкальные инструменты: Рабия — дутар, Зульфия — канун, Махбуба — гиджак, а Матлуба — дойру. И, навевая грезы, полилась песня.

Их песни, звучащие нежной свирелью, изумительная игра, будто какое волшебство, способны были излечить любую пораненную душу, исцелить страдающее сердце влюбленного. И на душе Абдуллатифа как будто по-светлело. Чуть приподняв раскрытые ладони, в знак одобрения он похлопал, затем указал взглядом на кувшины. В этот раз бокалы наполнила Зульфия, присев на краешек колен, сама поднесла вино к его губам.

Премного удовольствий должен был испытать в эту ночь Абдуллатиф, он много пил, сажал одну за другой на свои колени периподобных красавиц, вроде бы наслаждался их пением, мог в любой миг поцеловать и обнимать каждую из них. И все-таки скверно было на его душе. «Пение красавиц будто яд какой, жжет мою израненную душу», — думал он про себя. Вдруг резко и громко хлопнул в ладони. Тут же появился слуга. Абдуллатиф, тряхнув головой, словно отгоняя этим от себя тяжкие раздумья, приказал:

— Поди! Скажи ходжи-саро, пусть немедленно приведет сюда пери, о которой доложил нам вчера.

Через какие-то мгновения ходжа-саро ввел стройную пятнадцатилетнюю красавицу среднего роста. Платье фиштаккового цвета и бекасамова жакетка очень шли к нежно-белому цвету ее лица. Китайский шелковый платок с рисунком павлина слегка прикрывал ее лицо, на ножках позолоченные лаковые кавуши...

Это была дочь ургутского бека Таймаса. Хозяйка гарема Биби Таманно, кое-как уговорив бека, вчера привезла его дочь в Самарканд. По сути девчушка не была чужой и для Биби Таманно. Таймас-бек был ее первым мужем. Он некогда, находясь на службе Улугбека в чине сагбана, женился на Биби Таманно, которая будучи рабыней своей страсти, могла и дерзала сходить тайно с понравившимся ей мужчиной. Однажды Таймас-бек среди бела дня поймал ее вместе с ясавулбаши. В тот же миг, дав ей тройной развод, ушел от нее, тряхнув подолом.

Улугбек любил своего сагбана. Узнав о происшедшем и не желая огласки, послал его хокимом в Ургут. Коралл, хоть и продырявленный, не остается на земле. Таманно взял один вдовец-бек. Не прошло и двух месяцев, как Биби Таманно родила дочь, но он не взял ее даже на руки. Ребенка отвезли в Ургут, где ее и вырастила добрая Ризван-биби, мать Таймас-бека...

Абдуллатиф взглянул на девушку, смущенно застывшую у порога:

— Не бойтесь, подойдите поближе, бибича. — Абдуллатиф сделал приглашающий жест. Но девушка, несмотря на все поучения Биби Таманно, испытывая в душе страх и стыд и не зная что делать, продолжала стоять на месте. Ходжа-саро, стоявший чуть поодаль, приблизился к ней и шепнул на ухо:

— Падишах перед тобой, поклонись! Подойди!

Юная красавица машинально поклонилась и снова встала недвижимо на том же месте. Казалось, будто бы кто-то пригвоздил ее ноги к земле.

— Баракалло, хвала вашему отцу, бибича. Хвала небесам, породившим такой дивный цветок. — Абдуллатиф многозначительно взглянул на Зульфью, тоже мимолетно обменявшуюся с ним взглядом. Она участвовала во многих тайных пиршествах мирзы, по глазам могла угадать любое его желание. Потому сейчас живо поднялась с места, подошла к новенькой, взяв ее за руку, подвела к мирзе и усадила ее рядом с ним, затем, приложив обе руки к

груди, поклонилась и, пятась, прошла на свое место, села.

— Вина!

Махбуба взлетела с места, наполнила два хрустальных бокала и один из них протянула мирзе Абдуллатифу, другой — его новой возлюбленной.

— За вас, моя пери, которая, спустившись с небес, одарила нас счастьем.

Абдуллатиф выпил свой бокал до дна, она же сделала глоточек и тихо поставила бокал на край стола. Абдуллатиф, слегка наклонившись к ней, спросил ласково, проникаясь вдруг искренним расположением к ней:

— Может быть, вы скажете нам свое имя, бибича? — На красавицу, должно быть, подействовала простота обращения и доброжелательность мирзы. Она, кажется, уж несколько совладавшая со своей растерянностью, стала приходить в себя и со стыдливым смущением ответила:

— Бахринисо.

По знаку Абдуллатифа снова протянули наполненные вином бокалы. Мирза уже опьянел и то и дело обнимал Бахринисо за плечи, притягивая ее к груди и, приподнимая закрывавший ее личико прозрачный платочек, целовал ее...

Все остальные красавицы, некогда любимые им, теперь воспевали любовь, посетившую душу царевича, восхваляли его новую возлюбленную.

Пиршество продолжалось до полуночи. И мирза Абдуллатиф, и красавицы, его прежние возлюбленные, опьянели порядком. Была трезва и бдительна только Бахринисо. Этот базми-джамшид, бесподобный пир, пир всем пирам, как называют его в таких случаях, мог бы продолжаться до утра, но, как на беду, случилось нечто непредвиденное: одна из красавиц имела неосторожность спеть песню со словами, которые недвусмысленно намекали на злодейский поступок Абдуллатифа.

Абдуллатиф неожиданно вскочил и с такой силой ударил по столу, что опорожненные наполовину тарелочки разбились вдребезги:

— Что еще за «кара небес»? — бешено завопил он. — Откуда вы взяли такие нелепые слова? Прочь с моих глаз, мерзкие, все прочь!

Абдуллатиф, хватая один за другим бокалы, запустил их в рабынь. Михманхона вмиг опустела. Абдуллатиф вспомнил вдруг Бахринисо, осмотрелся — она была

рядом. Слава Богу, не упорхнула. Абдуллатиф, у которого оттаяло на душе, улыбнувшись, взглянул на нее:

— Вот видишь, душа моя, меня никто не любит, одинокая в этом мире. Хотя ты не оставляй меня...

В эту ночь, хоть вино и наслаждения сморили его, он не спал, бредил, видел несуразные сны. Близко к утру, когда, наконец, уснул, ему приснился такой сон: какой-то заросший бородой громадный человек принес и поставил перед ним медный поднос с отрезанной человеческой головой. Абдуллатиф снял с лица головы платок и... увидел свою голову. Обуянный ужасом, закричал и тут же проснулся. «Слава Аллаху, сон оказывается», — подумал он с облегчением...

Он вскочил с места и вышел наружу. Перед его невидящими глазами будто клубился туман, голову неотступно сверлила какая-то отчаянная мысль. От опьянения в ночи не осталось и следа. Руки и ноги дрожали. Неужто жизнь его кончилась?!

Да нет же, сон все это! А что только не бывает во сне! Нет, не умрет он. Сколько еще впереди дел, которые он должен свершить. Ведь в схватке с врагами он отвоевал трон. Он — великий падишах! Абдуллатиф будто утешил себя. Затем, выполнив омовение, совершил утренний бамдад-намаз. Долго сидел на моленном коврике. Раскрыв ладони, обратился с мольбой к Аллаху, плакал, умоляя о пощаде. Он жаждал скорее покинуть этот дворец, навеявший ему жуткие сны. Но перед тем как удалиться отсюда, он зашел все-таки в потайную комнату и, став у порога, залюбовался Бахринисо, которая спала сладким сном, ни о чем не ведая, укутавшись в голубое китайское одеяло. Ее длинные черные косы разметались по подушке...

Мирза Абдуллатиф, выехав из ворот Баг-и майдан вместе со своими слугами, направился в Баг-и чинар, расположенный на юго-западной стороне города. Это был его последний выезд. По пути он попался в западную, устроенную Баба Хусайном. В книге «Тарих-и Абулхайрхани» описано: «Баходыр Баба Хусайн, проявивший себя в битвах и сражениях подобно богатырю Рустаму Исфандияру, был возвышен в должностях со стороны мирзы Абдулазиза. После того как Улугбек-кураган и мирза Абдулазиз стали мучениками, он, лелея в своем сердце отмщение, пошел на службу к мирзе Абдуллатифу. Чтобы зарекомендовать себя с хорошей стороны, служил ему ревностно, не разбирая ни дня, ни ночи.

Но по-прежнему, питая к нему ненависть в душе, жил думой об убийстве этого мерзкого человека.

Баба Хусайн, закинув в тот день за плечо лук и колчан со стрелами, поклялся положить свою жизнь за это дело. Подстергая его, вместе со своим верным нукером, затаился в укромном месте.

Шейхзаде, приблизившийся уже со своими конными джигитами к Баг-и чинару, ехал по узкой улочке. На одной стороне улицы зиял глубокий овраг, по другую сторону возвышались стены крепости Баг-и нав. Баба Хусайн и его нукер ждали на конях, притаившись за большим карагачом у дороги. Абдуллатиф проехал рядышком с ними. Но не успел он отъехать даже шагов на пять-шесть, как Баба Хусайн, уже приготовивший свой лук, взял его на точный прицел. Абдуллатиф только и успел пролепетать: «Аллах, конец мне...» Испутив дух, свалился с коня. Стрела, как выяснилось после, пронзив его левую лопатку, уткнулась в сердце. Джигиты мирзы, не обернувшись ни разу, пустились вскачь без оглядки. Нукер Баба Хусайна подбежал тут же. Он отрезал голову Абдуллатифа и кинул ее в свой хурджун. Немедля отвезли голову отцеубийцы в Регистан и подвесили на портал медресе мирзы Улугбека».

Это случилось 26-го числа месяца раби ул-аввал 854 года (9 мая 1450 года). В этот день с рассвета до наступления темноты вокруг Регистана толпился народ. Казалось, весь люд города, покинув свои дома, повалил сюда. Все глядели на подвешенную под порталом медресе человеческую голову, которая была в черной крови. Медник в халате, отливавшем темно-бархатным лоском въевшейся латунной краски, обратился к мулавачче, стоявшему рядом:

— Вах! Это же голова их величества мирзы Абдуллатифа!..

Мулавачча не ответил ни слова. Он замер, уставившись на портал.

— Палачи, да сгорят ваши дома! Разве можно по шариату так издеваться над человеком?! — разгневалась женщина с ребенком на руках.

— А разве шариат позволяет убивать отца? — старец, стоявший рядом с женщиной, хмуро взглянул на нее.

Человек из толпы, судя по всему, касиб — мастер по обуви, произнес:

— Воздаяние за содеянное называется это, дорогие...

В тот же день высшая знать города, вызволив мирзу Абдуллу из Кок-сарая, провозгласила его падишахом. Хутбу

в честь нового падишаха прочитал в медресе Улугбека сам шейхульислам ходжа Бурханиддин.

БЕССМЕРТИЕ

Убийство Улугбека стало началом разгрома его астрономической школы. Мракобесы, стоявшие за кулисами заговора, не могли примириться с существованием обсерватории, не говоря уже о самих ученых. Сразу же после трагической гибели Улугбека ученые — астрономы и математики, опасаясь за свою жизнь, стали покидать Самарканд. Обсерватория опустела. Остались единицы, в их числе Али Кушчи, хотя он рисковал более чем кто-либо. Подвергались опасности жизни его родных, дочери Ойши и ее мужа Мухаммада. Им бы лучше всего уехать из Самарканда, тем более, что такая возможность у них была. Родиной Мухаммада являлась Турция, где и сейчас жили его мать и отец, неоднократно приглашавшие своего сына вместе с женой переехать к ним. Теперь же переезд представлялся им единственно возможным и верным. Самые близкие люди Али Кушчи, его дочь Ойша, зять Мухаммад и внук Мирим уезжали навсегда.

Хотелось бы вместе с ними уехать и Али Кушчи, ибо в тех краях в эти годы были благоприятные условия для научной работы, особенно в Стамбуле, переживавшем период культурного подъема, куда стремились ученые Востока. Али Кушчи тянуло в этот научный центр. Но еще сильнее было другое притяжение — могила Улугбека в Гур-Эмире. Там нашел свой последний покой великий ученый, его тело удалось перенести в усыпальницу тимуридов. Люди Абдуллы нашли могилу Улугбека в вилаете Кеш, на кладбище хазрат Башир. Мухаммад, Хусрав, в присутствии коего свершилось злодейство, подробно рассказал все как было. Ясавулы мирзы Абдуллы быстро нашли тех, кто по приказу людей Абдуллатифа отвез тело Улугбека на кладбище Башир и тайно предал земле. Уже на следующий день после этого с великими предосторожностями, испытывая боль и трепет, извлекли из могилы тело Улугбека, привезли в Гур-Эмир и с почестями похоронили. На надгробии написали памятные слова.

Прошло полгода со дня трагедии, отцеубийца был наказан. С тех пор произошло много событий. Но все равно Али Кушчи не мог прийти в себя, не мог забыть те страшные мгновения, которые пережил, когда узнал

о том, как погиб его учитель... Стал часто болеть. Его жена Буайша, глубоко переживая за мужа, часто посылала Мирима в дом мавляны Бурханиддина, взявшегося лечить ее мужа.

Для тех, кто хотел простора для души и ума, хотел творить и созидать, наступали черные времена. Так что Али Кушчи понимал и своего зятя, долгие годы работавшего с ним в обсерватории. И если человек не мог найти применения своему природному призванию, что же оставалось делать? Уехать хоть на край света, но чтобы там его жизнь была интересна, что он и делал, ради оправдания своего призвания. К тому же там мог быть обеспечен покой и уют семье, без чего не могли быть плодотворными и его занятия астрономией.

Предстоящее расставание было до того тяжело и мучительно, что в самый последний момент покидавшие, казалось, могут изменить свое решение.

Вечером того же дня, когда в очередной раз табиб навестил больного, пришли также зять и дочь Али Кушчи, чтобы проститься с ним. Табиб, побеседовав с ним по душам и попрощавшись, скоро ушел. В далекий путь должны были отправиться сегодня в полночь. Каждый невольно думал о том, что расстанутся, возможно, навсегда. Будут век тосковать друг по другу. Смирятся ли их души с этим? Разве это жизнь, если мучительная и неизбывная тоска будет сопровождать их до гроба? Стоит ли им так терзать друг друга? Не совершают ли роковую ошибку?

Али Кушчи, опустив голову, погрузился в раздумье. Сам не знал, сколько пребывал в таком состоянии, подняв же голову, увидел — Ойша тихо плакала, увлажнились глаза и у ее мужа. Мирим же сидел какой-то растерянный. Взглянув на дедушку, на его печальное и помрачневшее лицо, кажется, и вовсе пришел в отчаяние. Тихо зарывав, вскочил вдруг с места и, кинувшись ему на грудь, обвил его шею руками:

— Дедушка, я никуда не уеду, оставьте меня тут, дедушка,— заплакал он.

— Не горюй так, малыш мой,— утешил внука дед,— подумаем еще...

Какое сердце может выдержать плач ребенка, которого они, взрослые, заставляют вот так терзаться! Муж и жена переглянулись. Не хотели бы они лишать деда любимого внука, в котором он души не чаял. Были бы рады взять с собой и его, и бабушку. Но не могут, не хотят они покидать Самарканд, есть на это у них серьезные причины.

Оставить тут сына с дедом? Мухаммад, наверное, смирился бы с этим, но вынесет ли эту разлуку Ойша? И Мухаммад робко произнес:

— Ойша, а может быть нам...

— Остаться? — она метнула взгляд на Али Кушчи. — Дада, дададжон, и вы, и мама поезжайте вместе с нами. Ну, согласитесь, дададжон, умоляю вас...

Али Кушчи, оглядев их лица, снова опустил голову. Все ждали с напряженным вниманием. Наконец, он поднял голову и с неожиданной решимостью произнес:

— Нет, дети мои, не могу я поехать с вами, не могу я покинуть прах и могилу нашего устоза.

— И я никуда не уеду от вас, буваджан, — тоже неожиданно и как-то в тон деду произнес внук.

Али Кушчи снова погрузился в раздумье. Какая-то невыносимая тяжесть будто навалилась на его сердце и причинила ему тяжкие страдания, но он был мужественным человеком, потому держал себя в руках, хоть и трудно давалось ему это. Ойша взглянула в глаза мужа. Да, нелегко было и ему, о чем говорил его вид — суровый, строгий и печальный. Судя по всему, все ждали его решения. И он сказал:

— Ладно, дада, пусть Миримджан останется с вами. Мы поручаем его вам, а вас — Аллаху. Да хранит и защитит он вас! Теперь же благословите нас, пожелайте нам счастливого пути.

Желая как-то утешить себя, Али Кушчи на рассвете пришел в обсерваторию, уже этим подвергая себя риску. Но он об этом не думал, ибо уж давно был готов ко всему. Безмолвие и запустение царили тут, где только недавно, даже в ночное время, кипела жизнь. Где теперь эти ученые? Казнь Улугбека повергла их в смятение и ужас. Многие покинули Самарканд, оставшиеся не рисковали появиться в обсерватории. Тяжко было на душе Али Кушчи. В этот раз он только обменялся несколькими словами со сторожем и, попросившись, поспешил уйти. И с этой поры он довольно долго не мог появиться в обсерватории.

Но вот однажды его призвал во дворец мирза Абдулла, порасспросил о жизни, оказал ему ласковый прием. Затем же, без дальних слов, перешел к делу:

— Мир этот, мавляна, бременен и преходящ. Безвременная смерть забрала нашего дорогого дядю. Так будьте же теперь нашей опорой, мавляна. Мы хотели бы постоянно видеть вас рядом с нами. Покорнейше просим вас об этом...

Просит падишах, да еще покорнейше. Было над чем задуматься. И, конечно же, Али Кушчи первым делом подумал об обсерватории.

Мирза Абдулла и в самом деле хотел бы возродить обсерваторию с помощью Али Кушчи. Он вообще желал бы довести до конца дела, которые не успел завершить Улугбек. Но, увы, не мог. И не только потому, что не было средств для возвращения к жизни обсерватории, для поддержки ученых. На обширных пространствах Мавераннахра снова начались столкновения между правителями...

Али Кушчи окончательно убедился в том, что мирза Абдулла при всем желании ничем не может помочь ему. Много других дел, особенно же беспрерывные войны, которые приходилось вести ему, отвлекая и даже изматывая, не оставляли ни времени, ни сил, ни возможностей для государственных дел мирного характера. В конце концов, он был низвержен своими врагами и убит.

Тимурид мирза Абдулла был возведен на престол после устранения Абдуллатифа. Судьба, казалось бы, должна была благоволить к нему, ибо на его стороне были симпатии широких народных масс, его поддерживали войска и влиятельная тюркская знать. Увы, всего этого оказалось недостаточно, чтобы утвердиться на тимуридском престоле. Он не обладал качествами непреклонного, волевого политика, умного, твердого и проницательного, способного устранять внешние угрозы своему государству как силой, так и средствами дипломатии. Почувствовав его слабость как правителя, реакционные силы Самарканда, вступив в сговор с духовенством Бухары и с вождем кочевых узбеков могущественным Абулхайрханом, навязали ему войну, в которой он и погиб.

Мирза Абдулла царствовал чуть более года (9 мая 1450—21 июня 1451 года). Да и этот-то короткий период провел в стычках и сражениях, в попытках, чаще безуспешных, уладить ссоры, конфликты и распри. Более всего ему пришлось вести войны с Султан Абу Саидом и Алауддаула.

У Абу Саида было немало сторонников, особенно в Бухаре. Как только было получено известие о смерти Абдуллатифа, в эмирском дворце великой Бухары собралась высшая знать во главе с главным улемом Шамсуддин Мухаммад Аркуки. Освободив из заточения опального Абу Саида, как это часто бывает с царевичами, ставшего жертвой интриг, провозгласили его своим падишахом. Прошло немного времени, и Абу Саид, собрав войско, двинулся

на Самарканд, чтобы захватить его. Но достигнуть своей цели ему не удалось. В сражении, происшедшем недалеко от столицы, одолел мирза Абдулла. Султан Абу Саид с остатками своего войска отступил в сторону Ясси и Сабрана.

Вскоре пришла другая тревожная весть: Алауддаула, нагрянув с большим войском на вилайеты Шибирган, Шадман, Балх и Хисари, готовится покорить Самарканд. Мирза Абдулла вынужден был со своим войском двинуться теперь на Алауддаула. Но, слава Богу, войны не случилось. Стороны, как это уже случалось часто в прошлом, заключив мир, повернули назад.

После этого мирза Абдулла вроде бы мог быть спокоен за южные границы государства, если бы не Султан Абу Саид, который, закрепившись в Сабране, не успокоился на этом. Жажда занять трон эмира Тимура не давала покоя и ему. И вполне мог преуспеть, ибо сколотил немалые силы, чтобы идти на Самарканд. Но и мирза Абдулла собрал большое войско и послал на Сабран и Ясси.

Скоро самаркандцы взяли в тиски крепость Сабран, защитники которой выдержать длительную осаду вряд ли бы смогли. Предвидя это, Абу Саид созвал на совет военных и визирей. И сам Султан начал:

— Башни и стены крепости еще крепки, но внешняя оборона, как ясно вам, уважаемые, не очень надежна. Враг окружил нас со всех сторон. А ко всему еще стужа зимняя. Как же поступить нам в таких условиях? Что скажут уважаемые?

В воцарившемся длительном безмолвии можно было угадать покорность собравшихся, точно бы говоривших своим молчанием: «Что решит их величество, с тем мы и согласны». Наконец, взял слово улем Шамсуддин Мухаммад Аркуки:

— Если позволите высказаться вашему смиренному слуге, тут нужно использовать хитрость. Надо одеть в одежды кочевников примерно сто — сто пятьдесят ловких и сильных джигитов, которые под покровом ночи должны незаметно выехать из крепости. Они, таясь, проникнут в тыл врага, там же, привязав к своим коням вязанки хвороста, затем на рассвете с криками устремятся издали прямо на крепость. Одновременно на стены крепости должны взобраться карнайчи, сурнайчи и ногарачи и заиграть во всю силу что-то радостное и ликующее. Враг, увидев джигитов, скачущих с радостным ревом, и услышав звуки ликующей музыки, раздающейся со стен, непременно

подумает, что Абулхайрхан послал подмогу осажденным...

Султан Абу Саид хорошо знал тайны этой военной хитрости, которую он использовал еще во время взятия крепости Кеш. И тем не менее он похвалил главного улема за такое смелое и проницательное предложение.

Султан Абу Саид, точно бы спрашивая: «Какие мысли будут у других?», обвел взглядом собравшихся. В ответ на это влиятельный эмир Абу Саид Аргин изъяснился от имени всех:

— Мы склоняем головы перед повелением их величества. Что вы найдете разумным, на то мы и готовы положить наши жизни. Так мы решили.

— Поводья его замысла вручаются вашим могущественным рукам, уважаемые эмиры,— заключил Султан Абу Саид.

Абу Саид Аргин поднялся с места, поклонился низко, приложив руки к груди. Назавтра он весь день был занят порученным делом. Сотне отборных джигитов придали облик кочевников и в полночь выпустили их наружу из ворот с западной стороны. Далее все удалось осуществить так, как договорились на совете накануне. Атака началась на рассвете. Передовые посты самаркандцев, увидев «кочевников», летевших на них из степи, разбежались во все стороны. От громоподобного крика впали в панику и те, кто находился в мурчилах — в окопах, прорытых осаждавшими до самых ворот. Пыль, поднимавшаяся от лошадиных копыт, заволокла пространство на целый фарс. Самаркандские воины подумали, что на них навалилась какая-то тьма войска, и они, охваченные паникой, покинув свои шатры, побросав коней, даже угрук и весь прочий скарб, бежали.

И все-таки победа, одержанная Абу Саидом, оказалась временной. Разведка донесла, что к крепости двинулся мирза Абдулла с войском гораздо большим, чем он ожидал. Почувствовав, что не в силах противостоять ему, он бросил Сабран и ушел в степь с горсткой воинов. Некоторое время блуждал по берегам Сырдарьи и прилегающим степным просторам, которые были родным домом и убежищем кочевых узбеков, предводительствуемых в ту пору великим ханом Абулхайрханом, поддерживающим тесные отношения с бухарским духовенством, в среде коих пользовался огромным влиянием ходжа Убайдулла Ахрар. Султан Абу Саид, опиравшийся в свое время и на духовенство, был близко знаком с ходжой, который в одной из своих встреч с ним сказал наставительно: «Если когда придется туго,

явись с поклоном к великому хану Абулхайрхану и умоли его о помощи». Теперь он понимает, сколь дальновиден оказался ходжа Ахрар.

Словом, Абу Саид направился в Сыгнак, где расположилась в ту пору резиденция Абулхайрхана. Говоря словами автора «Тарих-и Абулхайрхани», он явился к хану и, опустившись на колени, предался молитве и красноречиво возвеличил Абулхайрхана, затем с присущим ему самому царственным величием изъявил свою готовность служить и быть покорным».

Абулхайрхан уважил просьбу Султан Абу Саида. Вступив с ним в союз, с большим войском через Ташкент, Чиназ и Джизак направился в Самарканд. Мирза Абдулла вышел навстречу, выстроил свое войско у Булунгур-арыка. Победили союзники. Мирза Абдулла погиб в бою. Это произошло на 22-й день месяца джумали ал-аввал 855 года (22 июня 1451 года). Вскоре Султан Абу Саид занял Самарканд, а Абулхайрхан до исполнения султаном условий договора стоял в Конигиде. По прошествии некоторого времени хан, получив большой налог-улпан, вернее, долю награбленного, отбыл. Вот тогда-то Абулхайрхан, взяв себе в жены дочь мирзы Улугбека Рабию Султан-бегим, увез ее с собой в Сыгнак. От него у нее родились двое сыновей, которые стали известны в истории под именами Суюнч-ходжахана и Кучкунчихана.

Хоть Султан Абу Саид и занял трон, казна оставалась пустой. Ко всему еще, в первые годы правления Абу Саида также было беспокойно. В 1454 году в Мавераннахр вторгся Абулкасым Бабур и взял в осаду Самарканд. Тяжесть положения усугубили засухи, эпидемии разных болезней. Народ жутко бедствовал. «Только вчера страна, бывшая благоустроенной и густонаселенной,— писал историк Абдураззак Самарканди,— сегодня разорилась и обратилась в пустыню». Про обсерваторию в эти годы и вовсе забыли, ведь трудно было изыскать средства даже для срочных нужд государства.

По прошествии нескольких лет Султан Абу Саид, оставив Самарканд своему семилетнему сыну Султан Ахмаду, сам переехал в завоеванный им Герат, назначив наставником царевича Джанибек-дулдая, который прежде был в должности эшик-ага.

Как это часто бывает у падишахов, они ценят иных своих приближенных не за какие-то их личные достоинства и выдающиеся качества, а за услуги, оказанные ими некогда, вовремя и к месту, если даже эти услуги были

весьма сомнительного свойства. Но в борьбе за трон чаще именно так и случается — заботятся не столько о друзьях, а о союзниках, коим может стать как человек благороднейший в поступках, так и бесчестный. Наставник Джанибек-дулдай принадлежал к последним, как сказано о нем в источниках, «со скудной нравственностью и маловоспитанный». Но услуги, оказанные им некогда, были такого свойства, что о них не любил распространяться Султан Абу Саид, прокладывавший себе путь к трону, не стесняясь никаких средств, не брезгуя ничьей поддержкой.

Но в данном случае Султан Абу Саид, выбравший подобного наставника наследнику трона, был не так прост, он знал на что шел, ибо наставник этот тесно был связан с одной личностью, способной своеобразно и вполне успешно восполнить недостатки Джанибека в деле воспитания у царевича навыков и понятий, необходимых будущему правителю. Такой незаурядной, по-своему необыкновенно талантливой личностью оказался ходжа Ахрар, ставший в свою эпоху исключительно знаменитым.

Он сосредоточил в своих руках огромную недвижимую собственность, главным образом, земли. Одно это характеризует его положительно, ибо земля при рыночных отношениях покупается и продается. Но если уж человек (купец, землевладелец, промышленник и т. д.) сумел купить больше всех, значит, он преуспел. Умом, знаниями он более чем кто-либо, верно и точно оценивая конъюнктуру, выгодно торговал, совершал коммерческие операции, скупал, отбирал за долги в конце концов, но последнее тоже, как ни крути, есть неумолимый закон рыночных отношений.

У него не было никаких льгот, более того, он выплачивал государству налоги соразмерно своим богатствам.

Политика и политики, как известно, не могут не считаться с законами экономики и теми, кто творит их. В этом отношении ходжа Ахрар поистине был могущественной личностью.

Влияние ходжи Ахрара, как убедительно свидетельствуют исторические факты, распространялось и на большую внутреннюю политику, и притом в самом благотворном смысле, то есть он выступал посредником между ссорящимися удельными правителями, часто и успешно мирил их. Вряд ли это было бы возможно без способностей тонкого дипломата-политика. Будучи человеком огромной воли, он, судя по всему, обладал и талантом личного обаяния, в чем, видимо, и секрет его влияния на народные массы,

которые он привлекал на свою сторону своим заступничеством.

Ходжа Ахрар, как гениальный предприниматель той эпохи, вторгавшийся во все сферы экономики и стремительно процветавший, не мог не ощущать сопротивление со стороны властей. Поэтому он вынужден был искать и находить союзников в слоях общества, народа и в движениях, способных поддержать его. И поскольку самым могущественным влиянием обладало духовенство, то ходжа Ахрар в конце стал его вождем.

Его общественно-политическая деятельность началась в Самарканде в 1454 году. До этого же он жил на родине своего отца в Ташкенте. В биографических книгах о нем говорится, что до 1454 года ишан дважды приезжал в Самарканд. В первый раз, когда ему было примерно двадцать два года (по хиджре, в 828 году), он прибыл в Самарканд для учебы в медресе. Намерение это не удалось осуществить из-за болезни глаз. Но кроме того, учебу он оставил намеренно ради путешествий, встреч и бесед со знаменитыми людьми. Одержимый жаждой познания мира и людей, цели и смысла жизни, он искал общения с равными себе, надеясь таким образом выработать свои взгляды и убеждения, усовершенствовавшись духовно, затем искать сферу приложения своих сил и способностей на практике. Замечательно, что будучи молодым человеком, он осуществил эти свои намерения.

Несколько раз он встречался с Касым Табризи, а затем отправился в Бухару. Прожив там значительное время, удостоился беседы с мавляной Хисамиддином и ходжой Алауддином Гиждувани. Через Мерв он прибыл в Герат. Тут также беседовал со знаменитыми шейхами Саид Касым Табризи, шейхом Бахауддин Умаром и мавляной Зайнуddином, наконец, через Шибирган и Балх приехал в Хисар. В Балхе встретился с мавляной Хисамиддином Парсо, прибыв в Чаганиет, совершил паломничество к могиле Алауддин Аттара, затем в Хулгату был на приеме у такого видного представителя ордена накшбандиев мавляной Якубом Чархи. Этот человек на всю жизнь стал пиром — духовным наставником ходжи Ахрара.

Он не раз спасал страну и народ от угрозы истребительной войны. Когда в 1454 году Абулкасым Бабур, вторгшись в Мавераннахр, взял Самарканд в осаду, или когда в 1463 году трое правителей падишах Самарканда Султан Ахмад-мирза с одной стороны, хоким Андижана и Ферганы Умаршейх-мирза вместе с хокимом Ташкента Султан Мах-

муджаном с другой стороны, оголив сабли, сошлись со своими огромными войсками у Хаваса, и кровопролитное сражение между ними, казалось, было неизбежно, или сын Абдуллатифа Мухаммад Джуки вместе с эмиром Нурсайдбеком подняли восстание в окрестностях Нурота и Шахрухии, — во всех этих тяжких для народа и государства обстоятельствах ходжа Убайдулла Ахрар решительно вмешивался в эти распри и вынуждал помириться противостоящих. Усмиряя враждующие стороны, предотвращая войны, ходжа Ахрар приобретал славу народолюбца, доверие масс. Так он упрочил свое положение в общественно-политической жизни государства, подчиняя себе и простой народ, и правителей.

Да, он достиг этого. Ведь Султан Ахмад-мирза полностью находился под влиянием ходжи Ахрара. После гибели Улугбека ходжа Ахрар мог сделать так, что знаменитую обсерваторию снесли бы с лица земли. Он был достаточно могущественным для этого. Однако этого не произошло. Обсерватория Улугбека стояла еще горделиво и в начале XVI века. Бабур прибыл в Самарканд почти через пятьдесят лет после трагического события. Он своими глазами видел дворцы, медресе и обсерваторию, воздвигнутые Улугбеком.

И обсерватория, и другие редкостные памятники Самарканда обратились в руины после. На этот счет есть ценные сведения в таких книгах, как «Дастур ал-мулук», «Тарих-и Абулфайзахани», «Тухфат ал-хани», «Самария» и «Закр таъдади падишохани узбек». Судя по этим сведениям, обсерватория, медресе и другие здания Самарканда начали подвергаться разрушению не в XV веке, а значительно позже — с XVII века, когда начали свирепствовать феодальные междоусобицы.

Известно, что Мавераннахр, входивший в состав государства тимуридов, к XVI—XVII векам разделился на два самостоятельных государства: на Бухарское и Хивинское ханства. В 1709 году из Бухарского ханства отделились Фергана и Ташкент, заложившие основу Кокандского ханства. Тут власть перешла в руки невежественного и злобного Раджибхана. Войны и распри между этими ханствами не прекращались. Например, в 1681 и 1686 годах хивинский хан Анушахан трижды вторгся в Бухарское ханство. Тогда городам Каракуль, Бухара, Самарканд, Несеф и Кеш был причинен большой ущерб. В начале XVII века, а также с 1722 по 1728 годы казахские ханы много раз вторгались во внутренние районы Мавераннахра, беспощадно

грабили окрестности Ташкента, Шахрухии, Бухары и Самарканда. В 1740 году в край вторгся падишах Ирана Надиршах.

В результате разрушительных войн, происходивших в первой четверти XVIII века, были полностью разрушены медресе кази Саки, Саид Ахмадходжи, ходжи Ахрара, кази Гафура, Дари-занджара и Шейбанихана.

В то же время по приказу одного властелина, имя которого не сохранила история, был полностью разрушен и второй этаж медресе Улугбека, дабы им не смог воспользоваться противник как крепостью. Окончательное разрушение обсерватории завершил один из ханов-правителей, полагавший, что под фундаментом обсерватории находится клад.

Садриддин Айни в своих комментариях к книге Абу Тахирходжи «Самария» писал об этом: «...по приказу хана, думавшего, что под расадхона зарыто золото, она была разрушена. Ничего не нашлось. По истечении времени расадхона, заваленная землей, исчезла». Впоследствии же, по наущению фанатичной части духовенства, были разрушены и уцелевшие стены. Был распространен слух, что это святое место, где из великих святых похоронен Чупан-Ата.

Сильное землетрясение, случившееся осенью 1897 года, также причинило большой ущерб ценнейшим памятникам Самарканда...

Бесконечно печальна история того, как обсерватория Улугбека, тогда еще величественная внешне, но уже опустевшая и покинутая учеными, какой-то своей обреченностью пронзила болью душу одного человека. Он приходил сюда, влекомый воспоминаниями о деяниях ученых, еще недавно творивших тут науку, коей суждено было прославиться в веках. Этим человеком был Али Кушчи.

Однажды, задержавшись более обычного, он прошел в свою худжру, посидел некоторое время. Снова и снова вспоминал работавших тут вместе коллег. Когда же перед его глазами возник облик бесконечно близкого его душе мирзы Улугбека, он испытал чувство глубокой тоски и скорби. Зашел в библиотеку, где хранилось еще огромное количество книг. Ради них и был приставлен сюда сторож, еще оплачивавшийся казной дворца. Куда надежнее пристроить это сокровище? Уж сколько ломал голову Али Кушчи над этим, но так и не нашел выхода. Утешил себя мыслью, что когда-нибудь какой-нибудь из правителей дворца займется этим бесценным кладом — книгохранилищем.

Начиная с 1460 года он часто бывал в Герате. Съездил и в Кермине, где обучался некоторое время в молодости. В Герате посетил своего друга по самаркандскому медресе мавляну Абдурахмана Джами. Беседы с этим великим поэтом и ученым всегда были усладительными и поучительными для него. Запала в душу последняя прощальная встреча.

Была осень 1470 года. Мавлави (Абдурахман Джами) сидел и беседовал со своим учеником — Камалиддином Абдулвасе ан-Низами. В этот момент вошел Али Кушчи. Он держал под мышкой какой-то узелок. Мавлави живо поднялся с места и тепло приветствовал друга.

— Мархабо, мавляна, мархабо! Да будет благословенен ваш приход.

— Благодарим, мавляна!

Друзья обнялись. Джами пригласил гостя на почетное место.

После благодарственной молитвы и взаимных распросов о здоровье Али Кушчи развязал свой узелок и, вытащив переплетенную накануне книгу фисташкового цвета, подал ее другу.

— Примите этот дар вашего покорного слуги.

Джами, выразив благодарность, взял у него книгу, раскрыл ее.

— Это исследование называется «Шарх-и таджрид ал-калам». Поздравляем, дорогой друг, премного полезную книгу вы написали, — подняв голову от книги, он взглянул на Али Кушчи, — если не ошибаюсь, это комментарий к Исфагани?

— Нет, устоз. Это комментарий к книге Абу Джаъфар Мухаммад ал-Туси «Таджрид ал-калам».

— Да, теперь вспомнил. Книга Исфагани также комментарий к тому же ал-Туси.

— Так-то так, устоз, но там прокомментирована только часть «Таджрид ал-калам» ал-Исфагани. Мы же прокомментировали полностью и попытались пролить свет на неразгаданные места...

Али Кушчи был вдохновлен тем, что книга была одобрена Мавлави.

— Увы, мавляна, — произнес он, — в наше с вами время у народа нет такого наставника, как Улугбек. Несколько лет назад, явившись в Кермине, я преподнес их величеству Султан Абу Саиду один экземпляр трактата. Они одарили нас пятьюдесятью тысячами динаров. Но мы не заметили, чтобы этот дар особо пришелся им по душе. Будь иначе, я бы заговорил о расадхона.

Джами был восхищен тем, что ученый, уже довольно состарившийся, прямо-таки кипел энергией. Поражало то, что он в свои семьдесят лет брал на себя столько обязанностей. И ко всему еще не прекращал своих попыток как-то вернуть к жизни обсерваторию, которую он, наверное, скоро покинет. Родные, перебравшись в Рум, уж давно заывают его. Видя, как тоскует человек, сам Джами принял участие в его судьбе, написал на имя великого эмира Низамуддина Алишера послание: «От покорного слуги Абдурахмана Джами, Алауддин Али Кушчи, давно добывающиеся отъезда в Рум к своим родным, еще раз просят соизволения на этот счет. Ожидая долго, уж истомились душой и опечалены. Убедительно просим проявить великодушие и дать разрешение на выезд».

Разрешение было дано — подорожная получена. Али Кушчи знал об этом. Их беседа оказалась одновременно и прощанием.

— Я благодарен вам, устоз, — признательно произнес Али Кушчи. Джами тоже был доволен, но вместе с тем и опечален предстоящим отъездом Али Кушчи:

— Чем в семьдесят лет покидать родину, не лучше ли бы было предаваться приготовлениям к загробной жизни, — подумав, прибавил он задумчиво, — а вообще кто знает, мой друг, может быть, там вы обретете покой душевный.

Друзья обнялись на прощание...

Через неделю Али Кушчи вместе с носильщиками и приближенными слугами, покинув Герат, отправился в Рум.

Али Кушчи жил некоторое время в Табризе, затем в 1472 году прибыл в Стамбул. Турецкий султан Мухаммад Фатих встретил его с большими почестями и назначил его главным мударрисом медресе Айя суй фия. Ему было назначено жалование в двести таньга в месяц. Великий ученый скончался 17 декабря 1474 года. Тело его было погребено на кладбище Айюб Султан. На его надгробной плите была высечена эпитафия, написанная Миримджаном:

Путеводная звезда наук Али Кушчи

Обратил свой лик в цветник рая.

В восемьсот семьдесят девятом году хиджры,

В субботу седьмого дня месяца шаабан.

В 1908 году самаркандский ученый-археолог Вяткин совершил крупное научное открытие. На холме Кухак, или Чупан-Ата, находящемся на северо-восточной стороне Самарканда, он обнаружил остатки обсерватории Улуг-

бека, построенной 500 лет назад. По сути, речь шла об открытии трехэтажного грандиозного храма науки диаметром 48 метров у основания и в 30 метров высотой, сооруженного из жженого кирпича и ганча, отделанного с внешней стороны мрамором и изразцовой мозаикой.

Очень скоро весть об этом открытии дошла до Ташкента и Петербурга и привлекла внимание таких ученых, как В. В. Бартольд, В. П. Наливкин, А. А. Кун и многих других. Местные газеты часто стали публиковать сообщения об обсерватории и связанных с нею открытиях.

В те дни передовые русские ученые-мыслители, выдвигая предложения об увековечивании памяти основателя обсерватории, обращались на этот счет с просьбами-посланиями к генерал-губернатору и к царю. Но ни генерал-губернатор, ни царь не дали на это ни рубля, а между тем из доходов вакуфных земель Самаркандского вилайета ежегодно в казну падишаха поступало 40000 рублей. 3 ноября 1910 года было получено высочайшее разрешение Николая: «Мы не против этого, пусть сооружают памятник». Сбор необходимой суммы, начатый Русским астрономическим обществом, не увенчался успехом. В дальнейшем сбор пожертвований от народа на строительство памятника было возложено на руководителя Ташкентской думы Маллицкого.

Увы, дело не продвинулось далее благих намерений. Предложение об установлении памятника великому ученому было отклонено, ибо до нас не дошло ни одно изображение Улугбека. Авторы второго проекта предложили в честь великого ученого соорудить в Регистане большой фонтан. Притягательным был третий проект. В нем выдвигалась идея восстановления обсерватории, которая была вполне осуществима, ибо достаточно дошло сведений о том, что представляла из себя обсерватория.

Ни один из проектов не был осуществлен.

Но Улугбек уже при жизни установил себе памятник. Это — великолепные здания, воздвигнутые по его замыслам и завещанные потом как его бессмертные научные творения. Такого рода памятники вечны.

Слава о возглавляемой Улугбеком Самаркандской школе астрономии уже в XV веке достигла Ирана, Афганистана, Индии, Турции и Египта. В дальнейшем ее признали также в Англии, Польше, Франции и Америке. Самаркандская школа астрономии оказала большое влияние на развитие астрономии и математики в этих государствах. Много ученых, опираясь на произведения Улуг-

бека, Гиясиддина Кашани, Казизаде Руми и Али Кушчи, написали ряд ценных книг, имеющих большое научное значение.

В начале XVII века труды Улугбека и самаркандских ученых появились и в Европе.

Первым исследователем «Зидж Улугбека» в Европе был профессор Оксфордского университета Джон Гривс, которого отличала глубокая эрудиция. Знал он хорошо греческий, латинский, арабский и персидский языки, изучал труды и восточных астрономов. Джон Гривс совершил путешествия во многие страны, а в 1638 году посетил Стамбул. Жил некоторое время в этом городе. Тогда же ученый удостоился знакомства с богатой библиотекой, хранившейся в царском дворце Византийских императоров. Восхищенный тем, что европеец свободно говорит на восточных языках, библиотекарь подарил ученому «Ал-Маджаст» Птолемея.

Джон Гривс почти каждый день бродил по стамбульским базарам, обходя книжные ряды, искал интересовавшие его книги. Однажды знакомый книготорговец обратился к нему:

— Ассалям алейкум, плиз, мистер!..

Книготорговец вежливо указал на место за низеньким столиком, на одной из сторон которого сидел седобородый человек среднего роста лет шестидесяти пяти. Приложив руки к груди, почтительным жестом указал англичанину на место против себя. Книготорговец любезно отрекомендовал старца:

— Они потомок великого ученого Али Кушчи, старший сын Мирима Чалаби, зовут их Махмуд Чалаби. Ныне они являются мударрисом медресе.

Джону Гривсу имена эти были известны. Необыкновенно обрадовавшись знакомству, он живо поднялся и протянул руку.

— Неужто, как чудесно, очень рад знакомству!

Мударрис также поднялся с места и пожал ему руку. Джон Гривс, должно быть, возликовавший в душе от привалившей удачи, без всякой дипломатии обратился:

— Не остались ли какие-нибудь книги вашего предка?

Книготорговец, будто отвечая взаимностью на искренность англичанина, ответил:

— Да, конечно, остались, остались.

Затем достал из-под прилавка несколько рукописных книг и положил на столик.

Джон Гривс, беря их одну за другой, стал внимательно

рассматривать. Когда взял четвертую книгу и перевернул всего только первую страницу, внезапно руки его задрожали, лицо его отобразило волнение и радость.

— О, не «Зидж» ли эта книга? — англичанин устался на книготорговца, затем на мударриса.

— Книга эта называется «Зидж-и джадид-и султани», из числа произведений Улугбека.

Англичанин купил эту книгу, а в дальнейшем еще несколько ее копий. Хитроватый книготорговец продал их не сразу, а по одной. Он довольно долго заставил ходить англичанина, порядочно набив себе цену, затем вытащил из-под столика именно ту книгу, которую он спрашивал. Среди них были и книги «Таъриб зидж» — в переводе на арабский язык «Зидж-и джадид-и султани», осуществленный некогда Гиясиддином Джамшидом.

В 1648 году, опираясь на зидж Улугбека, Джон Гривс составил специальный каталог, издал одну часть, а через два года, в 1650 году, — другую часть «Зидж-и джадид-и султани».

Прошло семнадцать лет, и в 1665 году знаменитый английский востоковед Томас Хайд из того же Оксфорда издает с необходимыми комментариями текст и латинский перевод «Зидж-и Улугбека». Упомянутое исследование Томаса Хайда, как совершенный образец «Зиджа», стало основой для научных исследований в будущем над «Зидж-и джадид-и султани». Например, изданное в 1690 году «Введение в астрономию» Яна Гевелия в известной степени основывается на этом издании.

Есть и грузинский перевод «Зидж-и Улугбека». Перевод этот принадлежит царю Грузии, знаменитому писателю и ученому Вахтангу VI. И он был венценосным просветителем, обладавшим широкими познаниями. Подобно Улугбеку, собирав вокруг себя ученых, был инициатором проведения крупных научных работ. С 1707 по 1708 годы под его руководством была написана большая книга «Свод законов». Он сам лично подготовил к изданию с необходимыми комментариями знаменитую поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Самой великой заслугой Вахтанга VI было то, что он стал также инициатором сбора ценных произведений, написанных на греческом, армянском, персидском и арабском языках, их перевода на грузинский язык и последующего издания. С этой целью в 1707 году он открыл в Тифлисе типографию...

Чрезвычайно интересна история появления «Зидж-и Улугбека» в Грузии. Волей судьбы с 1713 по 1714 годы Вахтаг VI задержался в Исфагане. Там он купил у книго-торговца несколько книг на персидском. Среди них была и «Зидж-и Улугбека». Этот редкостный образец был переписан на толстой бумаге особо искусным начертанием букв, называемых насх, таблицы же и заглавия были выведены красными и голубыми чернилами с позолотой. Вахтаг VI, заинтересовавшийся этой книгой, начал переводить ее на грузинский язык с помощью ученого Абу Риза Табризи. Вернувшись же из этих краев, продолжил работу. Завершив перевод и снабдив его необходимыми комментариями, подготовил к печати. Но не успел издать из-за событий, происшедших в 1724 году, которые привели к серьезному ухудшению положения в стране. Вместе с семьей и слугами вынужден был уехать в Россию. Он увез с собой и книги, в их числе и перевод... Рукопись перевода хранится в настоящее время в Санкт-Петербурге.

Такова история жизни великого Улугбека, история его произведений. В мире, раздираемом противоречиями, войнами, конфликтами и распрями, в котором сила выступает как самый веский аргумент, когда прав оказывается тот, кто превосходит насилием, в этом мире зло бóльшей частью торжествует, а добро наказывается. И великие гуманисты, подобные Улугбеку, примером своей жизни, подвижничеством, деяниями во имя добра, справедливости, прогресса, во имя благополучия и счастья людей, убеждали мир, людей, народ в жизненной необходимости для каждого творить добро, что в повседневной жизни надо постоянно интересоваться судьбами ближних, сочувствовать и помогать им. Таким был Улугбек — великий гуманист и обыкновенный человек.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА УЛУГБЕКА

- 1394, 22 марта — Рождение Мирзо Улугбека в Султании (Иранский Азербайджан).
- 1394—1402 — Сопровождение деда, эмира Тимура, в его военных походах на Западный Иран, Азербайджан и Турцию.
- 1404, 16 октября — Женитьба на Угай-бегим, дочери его дяди, Мухаммада Султана.
- 1405, 18 февраля — Смерть эмира Тимура в Отраре.
- 1406 — В качестве суюргала Улугбеку подарены Тус, Хабушон, Келат, Нисо, Абивард, Язир, Сабзавар и Нишапур.
- 1409 — Подарен Мавераннахр.
- 1416 — Поход к Сырдарье, направленный против господства Ак-Орды; присоединение Кашгара; прибытие в Самарканд посольства из Моголистана.
- 1417 — Строительство медресе в Бухаре.
- 1419 — Смерть жены Угай-бегим; второй поход к Сырдарье (август — октябрь); посещение Бухары (ноябрь); посольство в Китай (декабрь).
- 1420 — Завершение строительства медресе в Самарканде.
- 1424 — Строительство ханака, мечети мукатта на южной стороне медресе Самарканда и бани Мирзойи на площади Регистан; начало строительства обсерватории.
- 1426 — Притязания Барак-хана и ухудшение отношений между государствами тимуридов и Ак-Орды.
- 1433 — Завершение строительства медресе в Гиждуване.
- 1435 — В Шахрисабзе построена мечеть Кук гумбаз.
- 1437 — Смерть крупного ученого и учителя Улугбека Казизаде Руми; составление таблиц «Зидж-и джадид-и курагани».
- 1447 — Смерть отца Улугбека, Шахруха; борьба за трон между сыновьями Улугбека Абдуллатифом и Алауддаула; пленение Абдуллатифа; переговоры между Улугбеком и Алауддаула; освобождение из плена Абдуллатифа.
- 1449 — Захват трона Хорасана Абдулкасымом Бабуrom; победа Абдуллатифа над Улугбеком близ Димышка (17 октября); отправление Улугбека в Мекку, его предательское убийство близ Самарканда (25 октября).
- 1450, 9 мая — Казнь Абдуллатифа людьми, близкими Улугбеку.

КРАТКИЙ ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

- Аглам* — правовед, знаток шариатских законов.
Арлат — название узбекского племени.
Аталык — воспитатель царевича.
Ахтабеги — конюх царской конюшни.
Барангар — правое крыло войска.
Барлас — название узбекского племени.
Вакуф — земли, имущество мусульманского духовенства, полученные по завещанию.
Валиахд — наследник престола.
Вилайет — провинция, область.
Визирь-агзам — главный советник.
Гузар — улица, площадь.
Гул — центральная часть войска.
Гяз — мера длины менее одного метра.
Данишманд — мудрец.
Даруга — правитель города.
Джавангар — левое крыло войска.
Джейхун — Амударья.
Джериб — мера площади от одной шестой до полгектара земли.
Диван — государственная канцелерия.
Дулдай — название монгольского племени.
Зот ул-халка, зот ул-сухбатыйин, зот аш-шубатыйин, шамила — астрономические инструменты.
Илми-нужум — астрономия.
Имам — духовный наставник, духовное лицо, руководящее молением в мечети, религиозный глава мусульманской общины.
Каан, Хакан — хан.
Казы-аскер — войсковой судья.
Таксыр — господин.
Такча — ниша для посуды в стене.
Тамга — печать, клеймо; налог с торговли.
Танджим — астрология.
Тархан — освобожденный от налогов.
Таш — мера расстояния, равная примерно километру.
Туг — знамя.
Туманот — военная часть, состоящая из десяти тысяч воинов.
Узрук — государственный обоз, обслуживающий войско и царскую семью во время военных походов.

- Улем* — одно из высших духовных званий, ученый.
- Улус* — единица административно-территориального деления.
- Уста* — мастер.
- Устоз* — учитель, наставник, ученый человек.
- Устурлаб* (астролябия) — астрономический инструмент.
- Фарсанг* — мера длины, равная 6-7 километрам.
- Хазрат* — величество, высочество, светлость (титул, прибавляемый к именам пророков, святых, монархов, высокопоставленных лиц).
- Хонаках* — дервишская обитель.
- Хоким* — правитель области, города.
- Хиджра* — начало мусульманского летоисчисления. Дата связана с бегством Мухаммада и его приверженцев из Мекки в Медину. При халифе Омаре I (634--644) год хиджры объявлен началом мусульманского летоисчисления. Исходным для него принято 1-е число 1-го месяца мухаррама — 16 июля 622 г.
- Хутба* — проповедь в мечети по пятницам с благими пожеланиями в адрес царствующей особы.
- Чарбаг* — загородный дом.
- Черик* — войско, армия.
- Чилим* — кальян, курительная принадлежность.
- Шейх* — духовный наставник.
- Шейхульислам* — глава мусульманского духовенства.
- Ясаул* — есаул.

СОДЕРЖАНИЕ

Детство, полное тревог.....	3
Цена падишахского величия.....	58
Мира красота нетленная.....	90
Самаркандская академия.....	108
Вероломство.....	133
За злодеяние неминуемо воздаяние.....	174
Бессмертие.....	188
Основные годы жизни и творчества Улугбека...	205
Краткий пояснительный словарь.....	206

Литературно-художественное издание

БУРИБАЙ АХМЕДОВ

УЛУГБЕК

Историческая повесть

Перевод с узбекского

Редактор Ю. Розвадовский

Художник Х. Зиёхонов

Художественный редактор Х. Рахматуллаев

Технический редактор В. Демченко

Корректоры З. Наджатова, Е. Чепурнова

ИБ №3049

Сдано в набор 14. 02. 94. Подписано в печать 16. 05. 94. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Печ. л. 6,5+0,25 вкл. Усл. печ. л. 10,92+0,42 вкл. Уч.-изд. л. 11,68+0,44 вкл. Тираж 30.000. Заказ 15. Договор 9—93. Цена договорная.

Издательство СМ Узбекистана «КАМАЛАК».

700113, г. Ташкент, м. Чиланзар, 8 квартал,

ул. Катаргал, 60.

Янгиюльская арендная книжная фабрика Государственного комитета по печати Республики Узбекистан. 702800, г. Янгиюль, ул. Самаркандская, 44